

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2025. ТОМ 5. № 2

ДЕМИС. Демографические исследования.
2025. Том 5. № 2

DEMIS. Demographic research.
2025. Vol. 5. No. 2

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2025.5.2
EDN PHSJMG

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2025.5.2
EDN PHSJMG

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

<i>Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В.</i> РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЙ ВЫБОР РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	6
<i>Смирнов А. В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	22
<i>Полянская Е. В.</i> ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ	40

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

<i>Кашепов А. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ	55
<i>Хотеева Е. А.</i> ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ	71
<i>Рахимова М. А.</i> ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКИСТАНЕ	84

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Чжан Личэн, Ван Цзяюэ.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	102
<i>Вазиров З. К., Рязанцев С. В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ	120
<i>Соколова А. А., Калачикова О. Н.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	138

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Иванов М. С.</i> ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	157
<i>Государев Т. Л.</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕЗИНФОРМИРОВАНИЮ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В РОССИИ	174

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

<i>Рязанцев С. В., Вартанова М. Л., Омуралиев Н. А., Юдина Т. Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС	198
--	-----

CONTENT

HEALTH, SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, AND MORTALITY

<i>Nina E. Rusanova, Lyubov V. Erofeeva.</i> REPRODUCTIVE HEALTH AND REPRODUCTIVE CHOICE OF RUSSIAN YOUTH	6
<i>Alexey V. Smirnov.</i> DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC IN THE RUSSIAN FEDERATION	22
<i>Elena V. Polyanskaya.</i> LIFE EXPECTANCY IN THE RUSSIAN FAR EAST: DYNAMICS OF SPATIAL DIFFERENTIATION	40

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

<i>Alexey V. Kashepov.</i> PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF THE OLDER GENERATION DURING THE PERIOD OF RAISING THE RETIREMENT AGE IN RUSSIA	55
<i>Evgeniya A. Khoteeva.</i> LABOR MIGRATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA	71
<i>Muattara A. Rakhimova.</i> THE IMPACT OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION ON SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN UZBEKISTAN	84

REGIONAL DEMOGRAPHICS

<i>Zhang Licheng, Wang Jiayue.</i> RUSSIA'S DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE MIRROR OF CHINESE ACADEMIC LITERATURE	102
<i>Zafar K. Vazirov, Sergey V. Ryazantsev.</i> TRANSFORMATION OF THE POPULATION'S ETHNIC COMPOSITION IN THE ETHNO-NATIONAL REGIONS OF RUSSIA	120
<i>Anastasia A. Sokolova, Olga N. Kalachikova.</i> TERRITORIAL IDENTITY AND MIGRATION INTENTIONS OF THE VOLOGDA REGION RESIDENTS	138

MIGRATION AND MIGRATION POLICY

<i>Mark S. Ivanov.</i> EVOLUTION OF MIGRATION POLICY IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION	157
<i>Taras L. Gosudarev.</i> COUNTERACTING DISINFORMATION IN THE FIELD OF MIGRATION MANAGEMENT IN RUSSIA	174

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Ryazantsev, Marina L. Vartanova, Nurbek A. Omuraliev, Tatiana N. Yudina.</i> SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EAEU	198
--	-----

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1)

EDN [NLTGT](https://edn.nltlgt.ru)

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЙ ВЫБОР РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Русанова Н. Е.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Румашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: ninrus238@mail.ru*

Ерофеева Л. В.

*Московский университет «Синергия», Москва, Россия
E-mail: LVerofeeva@synergy.ru*

Для цитирования: Русанова, Н. Е. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи / Н. Е. Русанова, Л. В. Ерофеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1). EDN [NLTGT](https://edn.nltlgt.ru).

Аннотация. Современная рождаемость все сильнее медиализируется, поскольку все более зависит от состояния репродуктивного здоровья и фертильности населения. Это способствует расширению деятельности по охране репродуктивного здоровья, которая охватывает не только ставшее традиционным стремление избежать инфекций, передающихся половым путем, но также эффективное планирование семьи, ответственное родительство, здоровое потомство и проч. Авторский опрос студентов-медиков (более 75% респондентов – девушки) младших курсов одного из московских университетов, начавшийся в 2024 г., и дополненный данными официальной государственной и отраслевой статистики, показал, что около 90% из них намерены иметь двоих-троих и более детей. Больше трети хотели бы стать родителями после 27 лет, когда процесс снижения биологической фертильности женщины уже начался. Хотя профессиональная принадлежность предполагала хорошую осведомленность о современных методах предохранения от внеплановой беременности, на практике предпочтение отдавалось традиционным способам, а почти четверть опрошенных вообще не применяла контрацепцию, ссылаясь на противопоказания или врачебные запреты. Аборт допускала каждая третья участница опроса, но только в исключительных случаях, в установленные законом сроки и в медицинском учреждении. Основные результаты соответствовали общим российским тенденциям репродуктивного регулирования, которое для молодых возрастов направлено на предотвращение нежелательной беременности и сохранение репродуктивного здоровья для будущих рождений, а для возрастов активной репродуктивности включает дополнительные меры по восстановлению нарушенной фертильности и минимизации рисков, связанных с родами и здоровьем новорожденных.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, рождаемость, фертильность, аборты, контрацепция, вспомогательные репродуктивные технологии

Введение

Репродуктивное здоровье сегодня становится фактором рождаемости, значимость которого неуклонно возрастает. Эмпирические данные показали, что

репродуктивное здоровье нынешнего поколения влияет на здоровье следующей генерации, оказывая тем самым воздействие на социально-экономическое развитие общества и индивидуальный выбор числа и времени рождения детей. Медикализация репродуктивного поведения, вызванная, кроме прочего, наблюдающимся со второй половины XX в. «кризисом фертильности», способствует расширению потребностей населения в знаниях о проблемах репродуктивного здоровья, которые охватывают не только ставшее традиционным стремление избежать инфекций, передающихся половым путем, но включают и запросы на эффективное планирование семьи, ответственное родительство, здоровое потомство и т. д. Это делает актуальным анализ современных тенденций взаимосвязи репродуктивного здоровья и репродуктивного выбора молодежи в контексте возможностей государственного регулирования с целью повышения рождаемости. Важным становится изучение характеристик репродуктивного поведения репродуктивно активных групп населения, среди которых – молодежь, получающая высшее образование по медицинским специальностям. Гипотеза о том, что студенты-медики делают свой репродуктивный выбор с учетом полученных знаний о наиболее эффективных способах предохранения от нежелательной беременности, проверяется результатами проводимого с 2024 г. в одном из московских университетов авторского опроса и сравнением с официальной статистикой Росстата, данными отраслевых профессиональных объединений, вторичной социологической информацией, научными публикациями и публицистическими материалами.

Обзор литературы, истории и современного состояния вопроса

Среди современных проблем, связанных с репродуктивным здоровьем населения и репродуктивным выбором молодежи, выделяются несколько направлений, обсуждаемых в профильных исследовательских сообществах.

1. Медицинские и биологические аспекты резкого снижения фертильности и репродуктивного здоровья связываются с генетическими, гормональными, фармакологическими, алиментарными факторами. В обзоре литературы по проблемам мужской и женской фертильности в России, проведенном в 2023 г. К. А. Хадарцевой, Е. А. Малютиной, Д. В. Ивановым, указывается также на невыясненное до конца влияние вакцинации от ковида [1]. Традиционно большое внимание уделяется негативным последствиям искусственного прерывания беременности, достаточно подробно описанным в профильных публикациях и информационных ресурсах медицинских организаций. Вместе с тем продолжают исследования практикующих гинекологов и репродуктологов, направленные на поиск решений, способствующих послеабортному сохранению и восстановлению фертильности. Одновременно происходит изучение новых методов предотвращения непланируемой беременности, диапазон которых распространяется от традиционной и народной медицины до лабораторных инноваций.

Другое направление связано с возможностями вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) по борьбе с бесплодием, раннему выявлению и коррекции репродуктивных нарушений, в том числе возникающих на фоне субфертильности и последствий лечения онкологических заболеваний. Исследования проводятся с учетом современных тенденций старения рождаемости, результаты регулярно

публикуются в специализированных российских и зарубежных журналах («Акушерство и гинекология», «Проблемы репродукции», "Fertility&Sterility", "Human Reproduction" и проч.), в периодических тематических международных обзорах International Federation of Fertility Societies (IFFS) и ежегодных отчетах Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ). В обзоре литературы по проблемам нарушения репродуктивной функции у женщин позднего репродуктивного возраста (старше 35 лет) Н. В. Долгушиной, Л. В. Адамян, Е. Л. Шешко в 2024 г. отмечено, что увеличение риска акушерских и перинатальных осложнений можно объяснить обострением хронических неинфекционных и гинекологических заболеваний, число которых увеличивается с возрастом, становясь не только самостоятельной причиной бесплодия, невынашивания беременности и повышенной заболеваемости рожденных у них детей, но и причиной снижения эффективности программ ВРТ [2].

Относительно новой и все более острой проблемой становится состояние репродуктивного здоровья у самых молодых и самых старших групп фертильного возраста. Е. Е. Смирнова, О. Э. Жолондзиовская, Г. Б. Мальгина и др. в 2024 г. показали, что на фоне общей тенденции к сокращению числа абортс одновременно наблюдается увеличение числа беременных подростков, причем в 70% случаев беременность сопровождается инфекциями мочевыделительной системы, а в позднем репродуктивном возрасте беременность дополняется осложняющей гестацию накопившейся соматической и гинекологической патологией [3].

2. Социальные проблемы, связанные с влиянием репродуктивного здоровья и репродуктивных решений на рождаемость, к настоящему времени разделились на несколько групп, результаты исследований которых могут быть диаметрально противоположными. Самым ярким является пример с доступностью аборта, дискуссия о которой периодически оживляется на национальном и международном уровнях. Морально-этическим вопросам посвящены конфессиональные публикации, причем даже внутри конфессий нет единства мнений (православие¹, католичество², ислам³, буддизм⁴, иудаизм⁵). Психологические последствия аборта активно обсуждаются медицинским и психологическим сообществами, при этом круг исследуемых проблем постоянно расширяется, охватывая внутрисемейные и детско-родительские отношения, влияние на профессиональную деятельность, эмоциональное здоровье и т. п.

¹ О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия // Русская Православная Церковь : [сайт]. 27.12.2023. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html> (дата обращения: 26.03.2025).

² Сакун, О. Град Ватикан. Трудные вопросы: защита права на аборт // Vatican News : [сайт]. 01.04.2019. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2019-04/trudnye-voprosy-zashita-prava-na-abort.html> (дата обращения: 26.03.2025).

³ Спицына, А. Муфтий Аляутдинов: Ислам запрещает проводить аборты на любой стадии беременности // Российская газета : [сайт]. 23.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/23/muftij-aliutdinov-islam-zapreshchaet-provodit-aborty-na-liuboj-stadii-beremennosti.html> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴ Настоятель дацана в Бурятии рассказал, какую карму влечет за собой аборт // Новая Бурятия : [сайт]. 21.02.2024. URL: https://newbur.ru/newsdetail/nastoyatel_datsana_v_buryatii_rasskazal_kakuyu_karmu_vlechet_za_soboy_abort/ (дата обращения: 26.03.2025).

⁵ Разрешает ли иудаизм аборты? // Иудейское движение Хабад-Любавич : [сайт]. URL: https://ru.chabad.org/library/article_cdo/aid/3520193/jewish/htm (дата обращения: 26.03.2025).

Такие же дискуссии вызывают ВРТ, однако в последние годы сам факт «зачатия в пробирке» уже почти не вызывает общественных протестов, но отношение к некоторым программам неоднозначно (например, суррогатное материнство, репродуктивное донорство). Однако именно эти программы становятся все более популярными, о чем свидетельствует ежегодно увеличивающаяся доля пациенток позднего репродуктивного возраста, обращающихся в медицинские организации по поводу экстракорпорального оплодотворения (ЭКО).

По данным регистра РАРЧ, в 2002 г. доля женщин позднего репродуктивного возраста (35+ лет), вступивших в программы ВРТ, составила 39,2%, а 40+ лет – 15,3%, в 2020 г. их было 54,4% и 20%, соответственно⁶. Данные текущей отраслевой статистики подтверждают, что с возрастом вероятность беременности с благополучным исходом все больше зависит от дополнения ЭКО, эффективной при мужском бесплодии интрацитоплазматической инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита (ИКСИ) и переноса размороженных эмбрионов (РЭ) донорством ооцитов (ДО) и преимплантационным генетическим тестированием (ПГТ) (рис. 1).

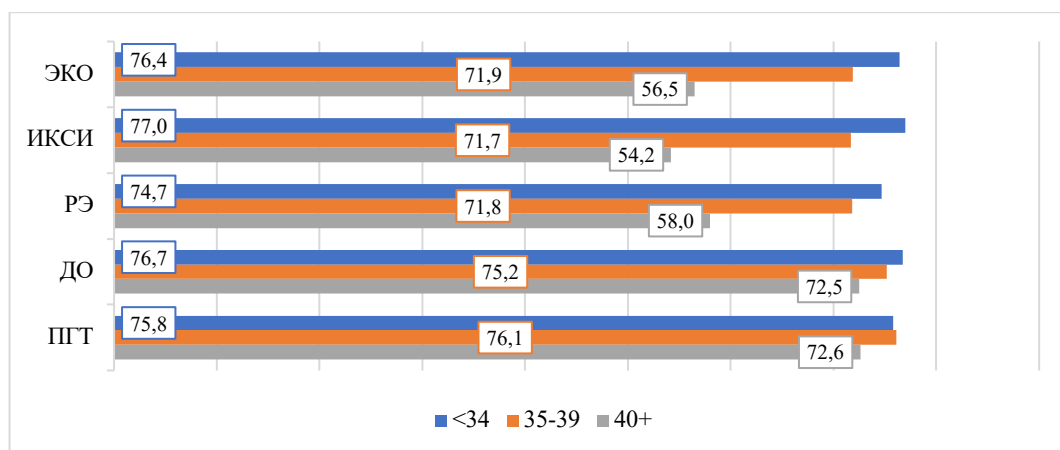

Рис. 1. Частота завершений беременностей родами в разных программах ВРТ (%)

Fig. 1. Frequency of pregnancy terminations in different ART programs (%)

Источник: составлено авторами по данным РАРЧ⁷

3. Демографические проблемы репродуктивного здоровья долгое время концентрировались на материнской смертности и влиянии абортов на рождаемость. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) несколько лет назад подвела итог многолетним дискуссиям о возможности аборта как способа индивидуального регулирования числа рождений, заявив, что аборт допустим и «безопасен, если проводится с использованием метода, рекомендованного ВОЗ, соответствующего сроку беременности и лицом, обладающим необходимыми навыками»⁸. К 2020 г.

⁶ Регистр ВРТ. Отчет за 2020 г. // Российская ассоциация репродукции человека : [сайт]. URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

⁷ Национальный регистр ВРТ // Российская Ассоциация Репродукции Человека (РАРЧ) : [сайт]. URL: https://www.rahr.ru/registr_otchet.php (дата обращения: 28.02.2025).

⁸ Аборт // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. 17.05.2024. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/abortion> (дата обращения: 10.03.2025).

ежегодно ВОЗ учитывала 73 млн искусственных аборт [4]. В 2024 г. база данных "Worldometer", которая отслеживает статистику здравоохранения и естественного движения населения в режиме реального времени, зафиксировала 45,1 млн сделанных аборт, назвав их основной причиной смерти во всем мире⁹. Это превысило суммарное число смертей от таких распространенных причин, как онкологические заболевания (8,2 млн человек), курение (5 млн человек), ВИЧ/СПИД (1,7 млн человек), дорожно-транспортные происшествия (1,35 млн человек), самоубийства (1,1 млн человек)¹⁰.

Демографические последствия ВРТ рассматриваются с точки зрения количества и качества населения: доля родившихся после ЭКО неуклонно растет. Так, в России в 2022 г. она составила 2,76% всех родившихся (35 274 человек, в 2021 г. – 2,6%)¹¹, что приводит к изменениям популяционного здоровья и новым формам семейных и детско-родительских отношений (например, в программах с использованием донорских клеток и суррогатного материнства).

3. Экономические вопросы, связанные с репродуктивной помощью и репродуктивными услугами, актуализировались на фоне распространения обязательного медицинского страхования (ОМС), поскольку такая система предполагает оказание бесплатной медицинской помощи. Основные дискуссии ведутся вокруг того, когда аборт и ВРТ являются бесплатной медицинской помощью, а когда – платной медицинской услугой. Расчеты российских ученых А. И. Овод, В. А. Соляниной, К. В. Хорлякова указывают на то, что объем финансовых средств, затрачиваемых системой ОМС на проведение искусственного прерывания беременности как медицинской помощи, позволяет не перекладывать эти затраты на самих граждан, укрепляя тем самым финансовую защищенность населения, предотвращая криминальные аборты и их последствия [5]. Согласно зарубежным исследованиям, за период 2017–2020 гг. средняя стоимость медикаментозного и хирургических аборт увеличилась, соответственно, на 13% и 21%, а доля страховых организаций, оплачивающих их, снизилась с 89% до 80%.

Тенденции финансирования ВРТ дифференцируются по странам, но, как правило, связаны с возрастом женщины и степенью приближенности к естественному процессу зачатия. В России ВРТ оплачивается по ОМС, и критерием для выполнения ЭКО является не возраст, а состояние здоровья пациентки, однако программы с использованием суррогатного материнства и преимплантационной диагностики в ОМС не входят, несмотря на их растущий спрос. Проведенные расчеты показывают, что при проведении ЭКО затраты на достижение одного живорождения у женщин старше 40 лет в 3,1 раза больше по сравнению с женщинами младше 35 лет [2].

Аборты остаются одной из тем, актуальных сегодня во многих странах и обсуждаемых в общественных дискуссиях всех уровней. На первый взгляд, это кажется странным, поскольку еще в середине прошлого века все государства определились

⁹ Аборты были основной причиной смерти во всем мире в 2024 году / Православие.Ru : [сайт]. 30.01.2025. URL: <https://pravoslavie.ru/166895.html> (дата обращения: 28.02.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Национальный регистр ВРТ // Российская Ассоциация Репродукции Человека (РАРЧ) : [сайт]. URL: https://www.rahr.ru/registr_otchet.php (дата обращения: 28.02.2025).

с отношением к искусственному прерыванию беременности. Традиционно полемика сосредоточивалась на моральных и правовых аспектах, но современные способы индивидуального регулирования числа рождений, связанные с ВРТ, усилили их влияние на уровень и структуру рождаемости. Хотя аборт является одним из наиболее изученных медицинских вмешательств, он до сих пор привлекает разностороннее внимание – от биологического, медицинского, социального, психологического, биоэтического до политического и этнического. Парадоксальной проблемой, возникшей в результате распространения антиабортной полемики, стало сокращение числа квалифицированного медицинского персонала, владеющего всеми способами искусственного прерывания беременности. Особенно ощутимо это в странах с жестким антиабортным законодательством, например, в Польше после перехода на стандарты ВОЗ по безопасному аборту почти прекратилось обучение хирургическим методам прерывания беременности, поскольку распространились вакуумный и медикаментозный методы¹².

Меняется и само содержание понятия «безопасный аборт», который по рекомендациям ВОЗ 2012 г. считался безопасным, если проводился безопасными методами, соответствующими сроку беременности, а лицо, осуществляющее аборт, обладало необходимыми навыками. В марте 2022 г. ВОЗ опубликовала новые рекомендации по безопасному аборту, содержащие более 50 подробных указаний по помощи при прерывании беременности, основанных на медицинских фактах и антидискриминационных предпосылках. Одним из безопасных и эффективных вариантов был назван самостоятельный аборт с помощью таблеток, а знания и опыт в проведении абортов признавались более важными, чем диплом о медицинском образовании, поэтому выбор конкретного специалиста предоставлялся самой беременной женщине. Такой подход исходит из определения понятия «здоровье», которое ВОЗ трактует как общее благополучие (включая психическое и социальное благополучие, а не только отсутствие заболеваний) и важен для стран, где аборт вне официальной системы здравоохранения наказывается (к примеру, в некоторых штатах США), либо официально разрешается до поздних сроков беременности, если риск ее продолжения, по мнению врача, выше риска прерывания (так, в Великобритании аборт разрешен до конца 24-й недели)¹³.

Репродуктивное поведение молодежи

Репродуктивное поведение населения во многом обуславливает возрастную структуру рождений по очередности рождений, а также исход беременностей. В настоящее время отмечается увеличение среднего возраста женщин при рождении детей, который все больше отдалается от возрастного физиологического «пика фертильности» (22–26 лет): в России в 2000–2004 гг. – 21,89 года, в 2023 г. – 29 лет [6]. Снижение фертильности ускоряется после 35 лет, особенно среди нерожавших женщин, а кумулятивная кривая окончания фертильности составляет 50% в 40 лет, 90% в 45 лет и приближается к 100% в 50 лет [7]. Кроме того, с возрастом у женщины

¹² Broniarczyk, N., Jelińska, K. Bezpieczna aborcja według WHO. Czego nie wiedzą lekarze i lekarki w Polsce // OKO.press : [site] 29.11.2022. URL: <https://oko.press/standardy-aborcyjne-swiecie-czego-nie-wiedza-polscy-ginekolodzy> (accessed on 28.02.2025).

¹³ Ibid.

повышается риск потери беременности, который удваивается после 33 лет, составляет 13,7% в 35–37 лет, 19,8% в 38–40 лет, 19,8% в 41–42 года и 36,6% в возрасте старше 44 лет [8].

В 2023 г. в России 47,8% всех детей родились у матерей моложе 30 лет, среди первенцев их было 71,7%, среди вторых – 42,6%, среди третьих и последующих – 23,8%. При этом, согласно опросам, 62% женщин и 57% мужчин считали, что впервые стать родителями лучше до 25 лет, 37% женщин и 40% мужчин – в возрасте 25–30 лет, остальные назвали более старший возраст [1]. Одной из причин является расширение доступности различных методов контрацепции, которые ежегодно предотвращают более 300 млн незапланированных беременностей в мире [9].

Проходящий с 2024 г. авторский опрос студентов младших курсов медицинского факультета одного из московских университетов (329 человек, 81% – «зумеры», родившиеся в 2005 г. и позже, остальные – поздние «миллениалы», родившиеся в 2000–2004 гг.) показал известность средств контрацепции и индивидуальные предпочтения (рис. 2).

Рис. 2. Известность и применение средств контрацепции (% респондентов)

Fig. 2. Knowledge and using of contraceptives (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным опроса

О понимании необходимости индивидуального регулирования числа и времени рождения детей говорит тот факт, что лишь 6,9% опрошенных не хотят иметь детей вообще, 45% хотели бы иметь двоих детей, 37% – троих, 6,9% – одного, а 3,5% – больше трех, но более трети хотели бы стать родителями после 27 лет (хотя студентам-медикам наверняка известно, что с этого возраста начинается снижение

биологической фертильности женщины). Несмотря на то, что респонденты относились к группе, которая, благодаря профессиональной принадлежности, должна быть хорошо осведомлена о современных методах контрацепции, наиболее предпочтительными для них оказались традиционные, не отличающиеся высокой эффективностью мужской презерватив (известен почти 90%, использует почти половина) и прерванный половой акт (известен почти 60%, использует каждый четвертый). Аргументом для выбора был ответ на вопрос: «Знаете ли вы о способе контрацепции настолько, чтобы пользоваться им самостоятельно?». Некоторые методы не используются совсем или используются чрезвычайно мало (0–2%), хотя известны многим: внутриматочные спирали с медью – 55,17%, женский презерватив – 41,38%, гормональные инъекции, импланты, пластыри женские – 37,93%. И никто не сообщил о применении мужской или женской хирургической стерилизации, 16% указали на использование гормональных противозачаточных женских таблеток. 23% опрошенных не пользуются вообще никакой контрацепцией, среди них у 25% имеются противопоказания, а 16% не рекомендовал врач. Всего 3,5% ничего не знают о ней, среди них 19% находятся в поиске, а у 7% нет постоянного партнера, не выделена доля тех, кто не ведет половую жизнь (таких 21,2%). 81% респондентов ответили, что им известны средства посткоитальной контрацепции, но только 11% знают о рекомендуемом в подобных случаях препарате «Эскапел». Лишь 15% информированы о препарате для медикаментозного аборта «Гинепристон» («Мифепристон»).

Таким образом, аборт присутствует в репродуктивном поведении молодежи: каждая третья участница опроса готова прервать нежелательную беременность, но только в установленные законом сроки и в медицинском учреждении, причем одна половина выбирает коммерческую клинику, другая предпочитает полис ОМС. 49% намерены сохранить нежелательную беременность и родить ребенка в расчете на помощь близких, партнера, родственников. 3,5% респонденток рассчитывают на помощь благотворителей, церкви, незнакомых людей, и столько же готовы оставить новорожденного в роддоме на усыновление.

Зумеры и поздние миллениалы в целом лояльно относятся к аборту, признавая приоритет женщины в репродуктивном выборе (рис. 3).

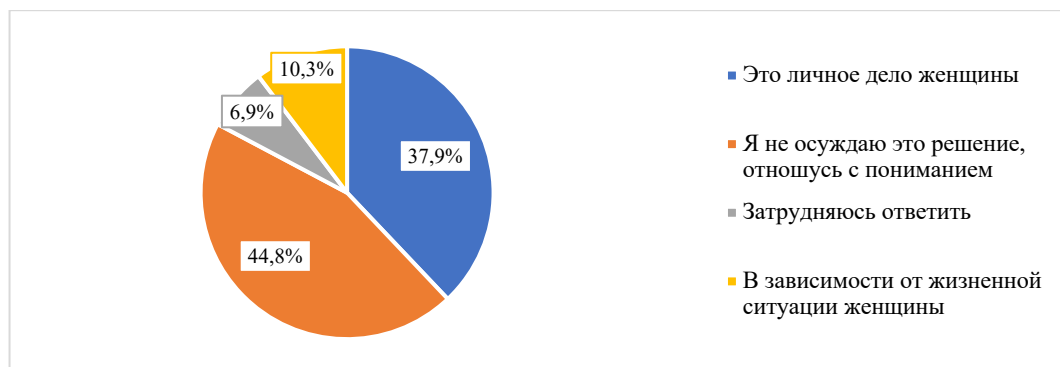

Рис. 3. Индивидуальное отношение к аборту (% респондентов)

Fig. 3. Individual opinion on abortion (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным опроса

При этом доля беременностей, закончившихся абортom у женщин 18–44 лет, неуклонно снижается (рис. 4).

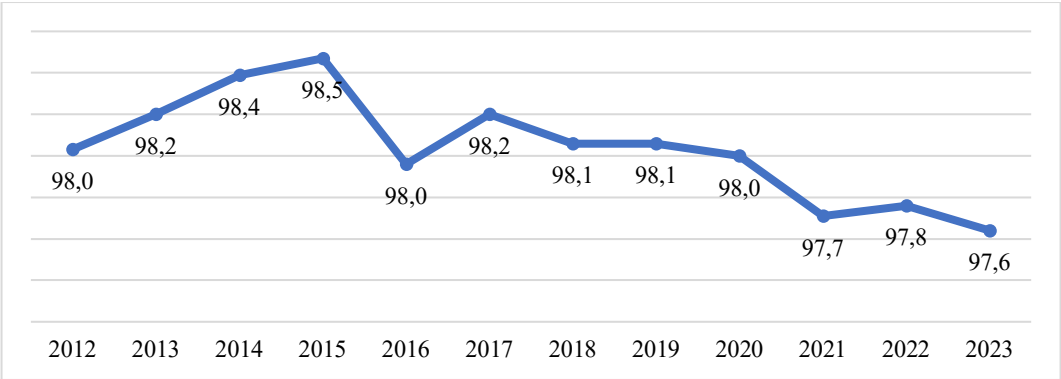

Рис. 4. Доля абортивных беременностей в возрасте 18–44 лет среди всех абортивных беременностей (%)
Fig. 4. The proportion of abortive pregnancies aged 18–44 years among all abortive pregnancies (%)

Источник: составлено авторами по [6]

В возрастах сниженной фертильности – самых юных и самых старших – тенденции несколько иные (рис. 5).

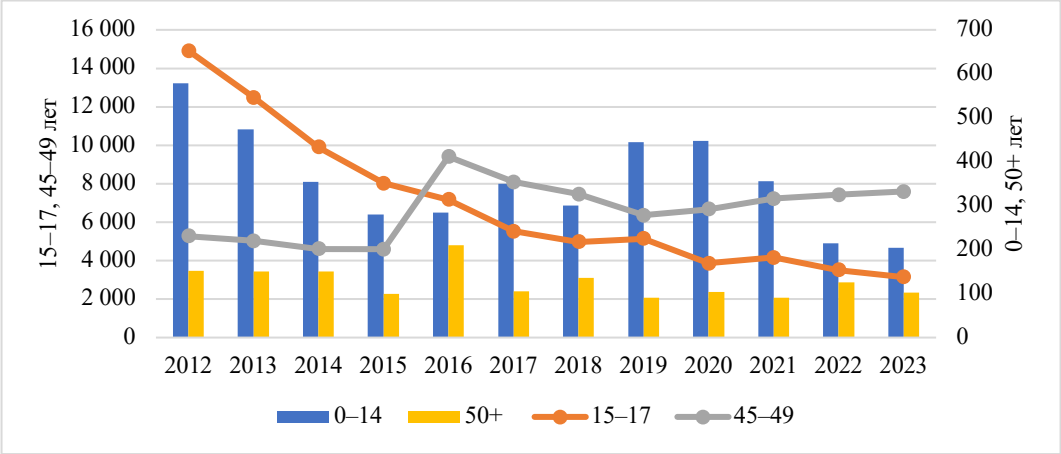

Рис. 5. Число абортивных беременностей у женщин в возрастах сниженной фертильности
Fig. 5. The number of abortive pregnancies in women at the age of reduced fertility

Источник: составлено авторами по [6]

Стабильное снижение числа абортom у самых юных женщин привело почти к четырехкратному их уменьшению за период 2012–2023 гг., а число абортom в самых поздних репродуктивных возрастах выросло в полтора раза. Прерывание беременности у подростков, не достигших репродуктивного возраста, не носит

массового характера и в разные годы демонстрировало как пиковый рост, так и довольно резкое снижение, что во многом объясняется поведенческими факторами и требует особого внимания со стороны системы здравоохранения и санитарного просвещения. Аборты в пострепродуктивных возрастах минимальны, достаточно стабильны по численности и не могут повлиять на перспективы рождаемости, вместе с тем ставят задачи перед медицинским сообществом.

Среди причин, по которым выбор делается в пользу прерывания беременности, более 80% ответивших назвали материальные трудности (отсутствие работы, собственного заработка, денег в семье); медицинские противопоказания, плохое здоровье будущей матери, инвалидность; слишком молодой возраст одного или обоих партнеров для рождения ребенка; зачатие в результате сексуального насилия, предполагаемый порок развития или патология плода (рис. 6).

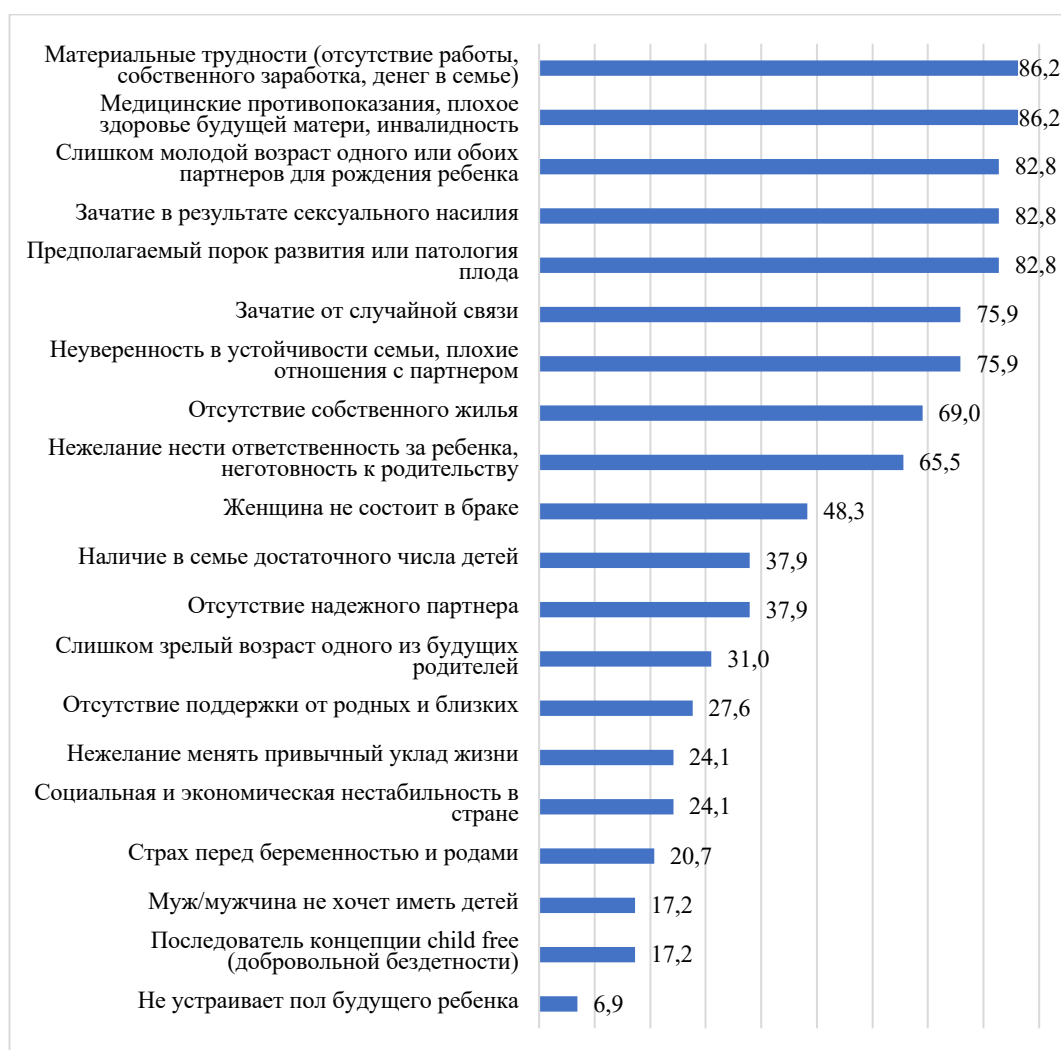

Рис. 6. Причины, по которым можно прервать нежелательную беременность (%)

Fig. 6. The reasons why it is possible to terminate an unwanted pregnancy (%)

Источник: составлено авторами по данным опроса

Более 75% назвали зачатие от случайной связи; неуверенность в устойчивости семьи, плохие отношения с партнером, более 65% – отсутствие собственного жилья; нежелание нести ответственность за ребенка, неготовность к родительству. Остальные причины указали менее половины ответивших: 48,28% – женщина не состоит в браке; 31–37% – наличие в семье достаточного числа детей; отсутствие надежного партнера; слишком зрелый возраст одного из будущих родителей; 20–27% – отсутствие поддержки от родных и близких; нежелание менять привычный уклад жизни; социальная и экономическая нестабильность в стране; страх перед беременностью и родами; 17,24% – муж/мужчина не хочет иметь детей; 6,9% – не устраивает пол будущего ребенка (рис. 6).

Результаты исследования свидетельствуют об имеющихся резервах реализации репродуктивных намерений и сохранения репродуктивного здоровья студентов медицинского вуза, что позволяют определить направления формирования репродуктивного поведения и здоровья населения не только в период активной репродуктивности, но и в детстве, и в позднем репродуктивном возрасте. Поскольку, по российским данным 2023 г., чем моложе россияне, тем чаще они говорят о двух детях как идеальном варианте (зумеры, миллениалы – 41–42%); каждый десятый зумер ориентирован на одного ребенка (9%), а каждый пятый – на бездетную семью (22%) [6, с. 15–16], можно предположить, что не только укрепление материального положения беременной женщины, но и улучшение ее здоровья и здоровья плода позволят сократить число аборт и не станет препятствием для реализации намерения родить двоих детей.

Государственное регулирование репродуктивного здоровья населения

Усиление внимания к репродуктивному здоровью происходит в рамках активизации государственной политики стимулирования рождаемости, которая во всех странах регулируется законодательно. Об общественной значимости проблемы свидетельствует тот факт, что самыми популярными медицинскими темами в российских СМИ в 2024 г. стали репродуктивное здоровье, рождаемость и вопросы демографии, чему было посвящено 107 тыс. публикаций.¹⁴ Такие результаты отражали реакцию на правовые решения, принятые в 2024 г. Министерством здравоохранения РФ и направленные на улучшение возможностей оценки репродуктивного здоровья населения, среди которых определены основные методы обследования мужчины и женщины репродуктивного возраста в рамках диспансеризации, нацеленные на инициацию беременности¹⁵. Первые результаты показали необходимость стандартизации подходов к оценке репродуктивного здоровья и обучения врачей, принимающих участие в диспансеризации, основам репродуктивной медицины, что было учтено, в частности, при разработке «Проекта по сохранению

¹⁴ Невинная, И. О чем в области медицины писали чаще всего в 2024 году // Российская газета : [сайт]. 02.03.2025. URL: <https://rg.ru/2025/03/02/zhenskoe-zdorove-stalo-odnoj-iz-samyh-obsuzhdaemyh-tem-v-2024-godu.html> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁵ Письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2024 г. N 17-6/И/2-6434 О направлении методических рекомендаций по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408788357/> (дата обращения: 01.03.2025).

репродуктивного здоровья жителей города Москвы»¹⁶. Этот региональный проект предполагает проведение популяционного скрининга женщин репродуктивного возраста для определения индивидуального резерва физиологической фертильности, сохранения и укрепления репродуктивного здоровья взрослого населения столицы, повышения доступности ВРТ и современных молекулярно-генетических исследований. Новые регламенты включают проверку уровня антимюллера гормона (АМГ) у всех женщин 25–39 лет и у женщин 18–24 лет с оперативным вмешательством на яичниках; криоконсервацию яйцеклеток и эмбрионов пациенток со сниженным уровнем АМГ, пациенток с тяжелыми заболеваниями до начала лечения; хранение биологического материала без потери свойств и качества в течение нескольких лет; диагностику генетических отклонений у эмбриона для рождения здорового потомства у женщин старше 35 лет, с привычным невынашиванием беременности, неудачными попытками ЭКО, тяжелыми нарушениями сперматогенеза у мужчин и наследственными заболеваниями в семье.

Поскольку скрининг предполагался в рамках диспансеризации, он включался в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, что особенно важно для некоторых программ ВРТ. Хотя в России с 1 января 2021 г. вступил в силу Приказ МЗ РФ от 31 июля 2020 г. №803Н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», расширивший возможности пациентов с бесплодием получить медицинскую помощь в рамках ОМС, он не распространился на такие дополнительные опции как донорский материал или ПГТ, потребность в которых растет в связи со старением материнства и ухудшением репродуктивного здоровья населения.

Одновременный рост спроса на медико-ассоциированную репродукцию и возможностей практической медицины удовлетворить их приводит к необходимости уточнения параметров их институционального регулирования. Знаковым здесь является принятое в феврале 2025 г. решение Конституционного Суда РФ о том, что дети, зачатые с использованием ВРТ после смерти супруга матери и рожденные после его смерти, получают право на социальное обеспечение в связи с отсутствием отцовского попечения.¹⁷ Не соответствующими Конституции РФ признаны чч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой ими в системе действующего правового регулирования не предусматривается назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью ВРТ после смерти застрахованного в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении 300 дней с момента

¹⁶ Приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 09.09.2024 № 779 «О реализации проекта по сохранению репродуктивного здоровья жителей города Москвы» // Официальный сайт Мэра Москвы : [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/dzdrav/documents/departament-acts/view/310218220/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 N 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498341/ (дата обращения: 10.03.2025).

смерти отца, притом что в системе социального обеспечения (социальной поддержки) не предусмотрено предоставление иных регулярных выплат этому ребенку, сопоставимых по своему значению с такой пенсией.

Неоднозначные тенденции подростковой беременности вновь поднимают проблемы грамотности в вопросах здоровья, в том числе репродуктивного. ВОЗ определяет грамотность в вопросах здоровья как «индивидуальные знания, умения и навыки, формирующиеся в ходе повседневной деятельности, социального взаимодействия и связей между поколениями. Состояние индивидуальных знаний, умений и навыков зависит от наличия организационных структур и доступных ресурсов, позволяющих людям получать, осмысливать, оценивать и использовать информацию и услуги в целях укрепления и поддержания собственного здоровья и благополучия, а также здоровья и благополучия окружающих». Данный вид грамотности часто называют организационной грамотностью в вопросах здоровья, которая становится более значимым прогностическим фактором индивидуального здоровья, чем уровень дохода, занятость, образовательные достижения и проч., но даже в экономически развитых странах значительная часть населения разного возраста не обладают достаточными знаниями и навыками в вопросах здоровья, которые распределяются в соответствии с так называемым «социальным градиентом»¹⁸.

ВОЗ называет необходимым условием грамотности в вопросах здоровья повсеместный и равноправный доступ к качественному образованию и возможностям для обучения в течение всей жизни. Формирование и поддержание грамотности в вопросах здоровья определяется широким кругом социальных факторов, и поэтому не является исключительной обязанностью самого индивида, но предполагают регулирование информационной среды и средств массовой коммуникации (устных, печатных, вещательных и электронных), обеспечивающих распространение информации о здоровье. На грамотность в вопросах здоровья влияют такие факторы, как возраст, пол, образование, доход и занятость, охват медицинским страхованием и субъективные представления о состоянии собственного здоровья. Поскольку внутри демографических и социально-экономических групп и между ними существуют значимые различия, возникает проблема поверхностной интерпретации статистических данных и оценки риска собственного здоровья. Тем самым грамотность в вопросах здоровья становится важной детерминантой самосохранительного поведения, значимость которой растет в цифровом коммерциализованном обществе.

Заключение

Регулирование репродуктивного здоровья и репродуктивного выбора молодежи остается актуальной проблемой, и при низкой рождаемости требует учета особенностей всех групп населения, независимо от показателей их физиологической фертильности. Общая медиализация самосохранительного поведения

¹⁸ Грамотность в вопросах здоровья // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. 05.08.2024. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/health-literacy> (дата обращения: 10.03.2025)

увеличивает как возможности коррекции индивидуальной репродуктивной функции с помощью ВРТ, так и сохранение способности к деторождению при возникновении нежелательной беременности в молодых возрастах. Исследование репродуктивного здоровья и репродуктивного выбора студентов, получающих высшее образование по медицинским специальностям в одном из московских университетов, показало, что их целью является предотвращение нежелательной беременности с помощью доступных современных средств контрацепции, но при вынужденном отказе от нее – сохранение репродуктивного здоровья. Аборт нежелателен, однако допустим при определенных обстоятельствах и только безопасный. Такие репродуктивные намерения, как и выбор средств контрацепции, в целом соответствуют общим чертам репродуктивного поведения российской молодежи, что делает возможным учет поколенческих характеристик при выработке государственных мер стимулирования рождаемости.

Список литературы

1. Хадарцева, К. А. Причины снижения фертильности в России (научный обзор литературы) / К. А. Хадарцева, Е. А. Малютина, Д. В. Иванов // Вестник новых медицинских технологий. 2023. Т. 17, № 2. С. 42–62. DOI [10.24412/2075-4094-2023-2-1-5](https://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-2-1-5). EDN [FWHNSM](https://www.edn.ru/FWHNSM).
2. Долгушина, Н. В. Поздний репродуктивный возраст женщины: риски нарушения репродуктивной функции (обзор литературы) / Н. В. Долгушина, Л. В. Адамян, Е. Л. Шешко // Проблемы репродукции. 2023. Т. 29, № 4. С. 99–106. DOI [10.17116/repro20232904199](https://doi.org/10.17116/repro20232904199). EDN [MLFZAQ](https://www.edn.ru/MLFZAQ).
3. Смирнова, Е. Е. Ранняя и поздняя репродукция: что общего и в чем различия? / Е. Е. Смирнова, О. Э. Жолондзиевская, Г. Б. Мальгина [и др.] // Проблемы репродукции. 2024. Т. 30, № 5. С. 72–81. DOI [10.17116/repro20243005172](https://doi.org/10.17116/repro20243005172). EDN [NAHNOU](https://www.edn.ru/NAHNOU).
4. Bearak, J. Unintended Pregnancy and Abortion by Income, Region, and the Legal Status of Abortion: Estimates from a Comprehensive Model for 1990–2019 / J. Bearak, A. Popinchalk, B. Ganatra [et al.] // The Lancet Global Health. 2020. Vol. 8, № 9. Pp. e1152–e1161. DOI [10.1016/S2214-109X\(20\)30315-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30315-6).
5. Овод, А. И. Затраты на лекарственную и медицинскую помощь при искусственном прерывании беременности. Сколько стоит аборт? / А. И. Овод, В. А. Солянина, К. В. Хорляков // Ремедиум. 2016. № 10. С. 67–77. DOI [10.21518/1561-5936-2016-10-67-74](https://doi.org/10.21518/1561-5936-2016-10-67-74). EDN [WYKAKD](https://www.edn.ru/WYKAKD).
6. Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Статистический сборник Росстата / ОПРФ; Росстат. Москва: ОПРФ, 2024. 100 с. ISBN 978-5-6050462-6-4.
7. Eijkemans, M. Too Old to Have Children? Lessons from Natural Fertility Populations / M. J. C. Eijkemans, F. van Poppel, D. F. Habbema [et al.] // Human Reproduction. 2014. Vol. 29, № 6. Pp. 1304–1312. DOI [10.1093/humrep/deu056](https://doi.org/10.1093/humrep/deu056).
8. Jindal, U. N. Mid-Life Fertility: Challenges & Policy Planning // Indian Journal of Medical Research. 2018. Vol. 148 (Suppl). Pp. 15–26. DOI [10.4103/ijmr.IJMR_647_18](https://doi.org/10.4103/ijmr.IJMR_647_18).
9. Stover, J. The Impact of Condom Use on the HIV Epidemic / J. Stover, Y. Teng // Gates Open Research. 2022. Vol. 5. Article № 91. DOI [10.12688/gatesopenres.13278.2](https://doi.org/10.12688/gatesopenres.13278.2).

Сведения об авторах

Русанова Нина Евгеньевна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ninrus238@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1859-2345](https://orcid.org/0000-0002-1859-2345); РИНЦ SPIN-код: [3843-1573](https://elibrary.ru/3843-1573); Web of Science Researcher ID: [E-3915-2017](https://orcid.org/E-3915-2017).

Ерофеева Любовь Владимировна, старший преподаватель, медицинский факультет, Московский университет «Синергия», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: LErofeeva@synergia.ru; ORCID ID: [0009-0006-1913-1061](https://orcid.org/0009-0006-1913-1061); РИНЦ SPIN-код: [7232-8254](https://elibrary.ru/7232-8254).

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; принята в печать 09.06.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REPRODUCTIVE HEALTH AND REPRODUCTIVE CHOICE OF RUSSIAN YOUTH

Nina E. Rusanova

*N. M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS,
Moscow, Russia*

E-mail: ninrus238@mail.ru

Lyubov V. Erofeeva

Moscow University "Synergy", Moscow, Russia

E-mail: LVErofeeva@synergy.ru

For citation: Rusanova, N. E., Erofeeva, L. V. Reproductive Health and Reproductive Choice of Russian Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1).

Abstract. Nowadays, birth rate is becoming increasingly medicalized, as it increasingly depends on the state of population's reproductive health and fertility. This contributes to the expansion of reproductive health protection activities, which cover not only the traditional desire to avoid sexually transmitted infections, but also effective family planning, responsible parenthood, healthy offspring, etc. The authors' survey of medical students (more than 75% of respondents are girls) of the junior courses of one of the Moscow universities, which began in 2024, supplemented by data from official state and industry statistics, showed that about 90% of them intend to have two or three or more children, but more than a third would like to become parents after 27 years, when the process of declining biological fertility of women has already begun. Although professional affiliation implied a good awareness of modern methods of contraception, in practice preference was given to traditional methods, and almost a quarter of respondents did not use contraception at all, citing contraindications or medical prohibitions. Every third woman allowed abortion, but only in exceptional cases, within the timeframes established by law and in a medical institution. The main results corresponded to the general Russian trends in reproductive regulation, which for young ages is aimed at preventing unwanted pregnancy and maintaining reproductive health for future births, and for ages of active reproduction includes additional measures to restore impaired fertility and minimize the risks associated with childbirth and the health of newborns.

Keywords: reproductive health, birth rate, fertility, abortions, contraception, assisted reproductive technologies

References

1. Khadartseva, K. A., Malyutina, E. A., Ivanov, D. V. Causes of Fertility Decline in Russia (Scientific Literature Review). *Journal of New Medical Technologies*. 2023. Vol. 17, No. 2. Pp. 42–62. DOI [10.24412/2075-4094-2023-2-1-5](https://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-2-1-5). (In Russ.).
2. Dolgushina, N. V., Adamyan, L. V., Sheshko, E. L. Late Reproductive Age of a Woman: Risks of Reproductive Dysfunction (Literature Review). *Russian Journal of Human Reproduction*. 2023. Vol. 29, No. 4. Pp. 99–106. DOI [10.17116/repro20232904199](https://doi.org/10.17116/repro20232904199). (In Russ.).
3. Smirnova, E. E., Zholondziovskaya, O. E., Malgina, G. B. et al. Early and Late Reproduction: What is Common and What Differences? *Russian Journal of Human Reproduction*. 2024. Vol. 30, No. 5. Pp. 72–81. DOI [10.17116/repro20243005172](https://doi.org/10.17116/repro20243005172). (In Russ.).
4. Bearak, J., Popinchalk, A., Ganatra, B. et al. Unintended Pregnancy and Abortion by Income, Region, and the Legal Status of Abortion: Estimates from a Comprehensive Model for 1990–2019. *The Lancet Global Health*. 2020. Vol. 8, No. 9. Pp. e1152–e1161. DOI [10.1016/S2214-109X\(20\)30315-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30315-6).
5. Ovod, A. I., Sosnina, V. A., Chorlyakov, K. V. The Costs of Drugs and Medical Care for Pregnancy Termination. How Much is the Abortion? *Remedium*. 2016. No. 10. Pp. 67–77. DOI [10.21518/1561-5936-2016-10-67-74](https://doi.org/10.21518/1561-5936-2016-10-67-74). (In Russ.).
6. *Sem'ya i deti v Rossii [Family and children in Russia]*. Special report of the Public Chamber of the Russian Federation. Statistical collection of Rosstat. Moscow : Public Chamber of the Russian Federation, 2024. 100 p. ISBN 978-5-6050462-6-4. (In Russ.).
7. Eijkemans, M. J. C., van Poppel, F., Habbema, D. F. et al. Too Old to Have Children? Lessons from Natural Fertility Populations. *Human Reproduction*. 2014. Vol. 29, № 6. Pp. 1304–1312. DOI [10.1093/hum-rep/deu056](https://doi.org/10.1093/hum-rep/deu056).

8. Jindal, U. N. Mid-Life Fertility: Challenges & Policy Planning. *Indian Journal of Medical Research*. 2018. Vol. 148 (Suppl). Pp. 15–26. DOI [10.4103/ijmr.IJMR_647_18](https://doi.org/10.4103/ijmr.IJMR_647_18).
9. Stover, J., Teng, Y. The Impact of Condom Use on the HIV Epidemic. *Gates Open Research*. 2022. Vol. 5. Article No. 91. DOI [10.12688/gatesopenres.13278.2](https://doi.org/10.12688/gatesopenres.13278.2).

Bio notes

Nina E. Rusanova, Doctor of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, N. M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ninrus238@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1859-2345](https://orcid.org/0000-0002-1859-2345); RSCI SPIN code: [3843-1573](https://www.scirp.com/spin-code/3843-1573); Web of Science Researcher ID: [E-3915-2017](https://orcid.org/E-3915-2017).

Lyubov V. Erofeeva, Senior Lecturer, Faculty of Medicine, Moscow University "Synergy", Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: LVerofeeva@synergvy.ru; ORCID ID: [0009-0006-1913-1061](https://orcid.org/0009-0006-1913-1061); RSCI SPIN code: [7232-8254](https://www.scirp.com/spin-code/7232-8254).

Received on 07.04.2025; accepted for publication on 09.06.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2)

EDN [SLFPOW](https://www.edn.ru/SLFPOW)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Для цитирования: Смирнов, А. В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). EDN [SLFPOW](https://www.edn.ru/SLFPOW).

Аннотация. По данным Всемирной организации здравоохранения, по состоянию на март 2025 г. избыточная смертность от пандемии COVID-19 в мире составила 7,1 млн человек, около 778 млн человек заболели новой коронавирусной инфекцией. Исходя из этого, целью статьи является оценка демографических и экономических последствий пандемии COVID-19. Из-за глобализации страны стали уязвимыми в биологических, медицинских и экономическом аспектах. Пандемия новой коронавирусной инфекции оказала существенное влияние на избыточную смертность населения, но лишь незначительно сказалась на рождаемости. Влияние пандемии COVID-19 вышло за пределы прямого воздействия на уровень заболеваемости и смертности населения. Вследствие введения карантинных мер, снижения спроса на товары и услуги, в большинстве стран наблюдалось снижение уровня валового внутреннего продукта (ВВП), рост безработицы, усиление неравенства доходов. Причиной падения в большей доле социально-экономических показателей в 2020 г. становятся введенные ковидные ограничения, а не демографические и медицинские последствия пандемии. Кризис, который вызвала пандемия, представляется уникальным. Мировой ВВП в 2020 г. сократился на 3,4%. На его падение значительное влияние оказали карантинные мероприятия, но не избыточная смертность населения. Пандемия в России сказалась на экономическом поведении домохозяйств. Кроме того, COVID-19 вызвал миграционный коллапс. Это повлияло на положение трудовых мигрантов и привело к снижению объемов денежных переводов в страны происхождения.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, избыточная смертность, ожидаемая продолжительность жизни

Введение

Первая половина XXI в. характеризуется вспышками крайне опасных инфекционных заболеваний: эпидемия тяжелого острого респираторного синдрома (SARS), вызванного коронавирусом и впервые идентифицированная в 2003 г.¹, пандемия свиного гриппа в 2009 г., вспышка коронавируса ближневосточного респираторного синдрома в 2012 г.², эпидемия лихорадки Эбола в Западной Африке в 2014–2015 гг.³ и др. [1]. Пандемия COVID-19, вызванная новой коронавирусной инфекцией, привела к смерти миллионов людей, вызвала миграционный коллапс

¹ Пересмотр Международных медико-санитарных правил. Тяжелый острый респираторный синдром (SARS). Доклад Генерального директора // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA56/ra5648.pdf (дата обращения: 26.07.2023).

² Middle East respiratory syndrome: global summary and assessment of risk // World Health Organization : [site]. 16.11.2022. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-MERS-RA-2022.1> (accessed on 26.07.2023).

³ Болезнь, вызванная вирусом Эбола // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. 24.04.2025. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ebola-virus-disease> (дата обращения: 26.07.2023).

и стала одной из причин уникального экономического кризиса в XXI в.⁴

По мнению генерального директора Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), новая пандемия может начаться уже «завтра»⁵. Вероятность возникновения малоизвестных патогенов, способных вызвать новую пандемию, высокая. Это связано с ростом населения, проживающего в странах, расположенных в тропическом и субтропических поясах, с низким уровнем доходов. В данных странах значительная доля населения работает в сельском хозяйстве, поэтому вероятность возникновения новых зоонозных инфекций велика из-за высоких контактов человека с животными. Усложняют ситуацию слабая система здравоохранения, рост устойчивости к антибиотикам и беспрецедентные, по скорости и объемам, международные перевозки [2].

В зависимости от вида инфекционного агента и длительности, эпидемии могут оказывать разное влияние на демографические процессы, но обычно, в первую очередь воздействуют на избыточную смертность населения. Отец-основатель демографии как науки Дж. Граунт в книге «Естественные и политические наблюдения над бюллетенями смертности», вышедшей в свет в 1662 г., 4-ю и 5-ю главы посвятил анализу человеческих потерь в чумные годы (1593 г., 1603 г., 1625 г. и 1636 гг.). У. Фарр, изучив труды Дж. Граунта, предложил методы, которые легли в основу статистики естественного движения населения и классификации болезней.

По мнению Т. Мальтуса, эпидемии возникали там, где человек не следовал законам природы: «История почти всех эпидемий показывает, что наибольшее число жертв приходится на те низшие классы общества, которые плохо питаются и живут скученно в грязных и тесных помещениях. В этих случаях природа как нельзя более ясно показывает нам, что нельзя безнаказанно нарушать ее заботы, размножаясь за пределы, обусловленные количеством средств существования» [3, с. 69].

Ю. Э. Янсон, российский дореволюционный экономист и статистик, часть своих трудов посвятил оценке влияния инфекционных заболеваний (холеры, тифа, оспы, гриппа и др.) на естественное движение населения в России и Европе [4].

Труд П. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий» является итогом 25-летней работы автора и посвящен четырем монстрам: войне, революции, голоду и эпидемии [5].

Отечественный демограф Б. Ц. Урланис, анализируя причины смерти в первобытном обществе, приходит к выводам, что большая доля населения умирала от насильственной смерти. По мнению автора, индикатором окончания доисторической эпохи становится появление эпидемий. Основными причинами их возникновения стала миграционная мобильность, высокая плотность народонаселения и образование государств вместе с армией [6].

По мнению американского историка У. Макнила, эпидемии служат триггером

⁴ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных и внебюджетных фондов январь – декабрь 2020 года // Счетная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e37/e371835371389756c2d319de62f0bd12.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ WHO Director-General's opening remarks at the meeting with Member State Ambassadors on Intergovernmental Negotiating Body // World Health Organization : [site]. 01.04.2025. URL: <https://www.who.int/news-room/speeches/item/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-meeting-with-member-state-ambassadors-on-intergovernmental-negotiating-body-1-april-2025> (accessed on 26.05.2025).

для формирования религий, революций и падения цивилизаций [7].

Теория эпидемиологического перехода А. Омрана посвящена трансформации причин смерти в человеческом обществе под влиянием экобиологических, социально-экономических, культурных и медицинских факторов. Для западных обществ автор выделяет 5 стадий. На первой стадии – «*эпохи эпидемий и голода*» – продолжительность жизни составляла 20–30 лет, женщины жили столько же, сколько и мужчины. Младенческая смертность превышала 200‰, $\frac{3}{4}$ смертей были вызваны инфекционными заболеваниями. Рождаемость составляла 30‰ и более [8].

На второй стадии – «*период отступающих пандемий*» – происходит снижение смертности, продолжительность жизни увеличивается до 40–50 лет, младенческая смертность снижается, благодаря совершенствованию санитарных и гигиенических условий, улучшению питания, использованию мыла, хлопчатобумажной одежды и постельного белья, появлению вакцины от оспы и знаниям о путях передачи некоторых инфекционных агентов. Причины смерти, вызванные болезнями системы кровообращения, инсульт и новообразования становятся заметны среди смертей от инфекционных заболеваний [8].

Третья стадия – «*период дегенеративных и антропогенных заболеваний, и заболеваний, и болезней, связанных со стрессом*» – начинается в 30-е гг. XX в. после открытия пенициллина Александром Флемингом в 1928 г. Эта стадия характеризуется увеличением болезней, характерных для человечества, проживающего в развитых странах мира: болезни системы кровообращения, диабет, рак, хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), дистресс и др. Значительная доля заболеваний вызывается внешними антропогенными факторами: канцерогены, производственные травмы, радиация, дорожно-транспортные происшествия, алкоголизм и пр. Смертность от инфекционных заболеваний и голода снижается, однако продолжает занимать лидирующую позицию [8].

Четвертая стадия – «*период снижения смертности от болезней системы кровообращения, старения, изменения образа жизни, возникновения новых болезней*». Для данной стадии характерно увеличение продолжительности жизни до 80 и более лет, особенно для женщин. Старение населения, снижения смертности от болезней систем кровообращения и новообразований. На первый план выходят нейродегенеративные заболевания (поскольку мозг является самым сложным органом, который медицина еще изучает и учится лечить) [8].

Пятая стадия – «*эпоха стремительного улучшения качества жизни с парадоксальным долголетием и сохраняющимся неравенством*». На данный момент ни одна страна в мире не находится на пятой стадии, но, вероятно, первый кандидат – это Япония [8].

При проведении исследования было уделено внимание сбору и систематизации данных: уровня заболеваемости и смертности населения от новой коронавирусной инфекции COVID-19, уровня ВВП, реальных денежных доходов, уровня безработицы, уровня бедности и т. д.

Результаты и обсуждение

Вклад в сокращение численности населения РФ внесла избыточная смертность от новой коронавирусной инфекции. По данным Росстата, от COVID-19 умерли

в 2020 г. 144 691 человек (6,8% от общего числа умерших в 2020 г.), в 2021 г. – 465 525 человек (19,1%), 2022 г. – 139 289 человек (7,3%), 2023 г. – 14 843 (0,8%). Число умерших от новой коронавирусной инфекции на 100 тыс. человек населения в 2020 г. составило 98,8 человек, в 2021 г. – 319,1 человек, в 2022 г. – 94,9 человек, а в 2023 г. – 10,1 человек⁶.

Избыточная смертность, вызванная пандемией COVID-19, повлияла на снижение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении (рис. 1). В России, начиная с 2005 г. и до пандемии, данный показатель увеличивался. Если в 2019 г. ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов была равна 73,34 года, то в 2021 г. произошло снижение на 3,28 лет⁷. Этот факт свидетельствует о негативном влиянии пандемии на здоровье и структуру смертности населения.

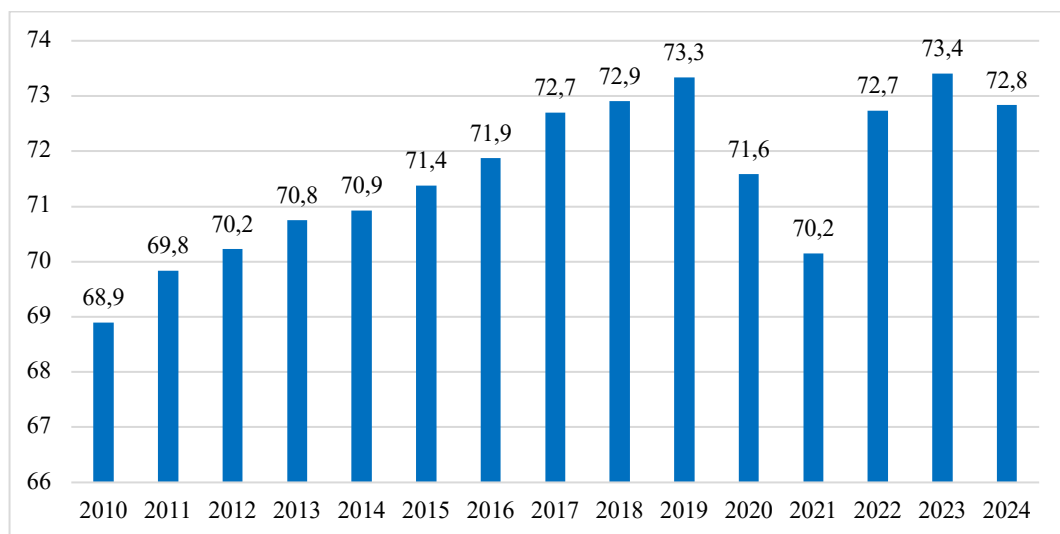

Рис. 1. ОПЖ при рождении в России для обоих полов (лет)

Fig. 1. Life expectancy at birth in Russia for both sexes (years)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁸

Максимальные значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2021 г. для обоих полов наблюдались в Северо-Кавказском федеральном округе (73,6 года), минимальные – в Дальневосточном федеральном округе (67,95 лет). Максимальные значения ОПЖ при рождении в 2021 г. для обоих полов отмечались в республиках Дагестан (76,28) и Ингушетия (75,77), а также в Москве (74,6), минимальные – в Республике Карелия (66,08), Еврейской АО (65,96) и Чукотском АО (64)⁹. Итак, обращает на себя внимание то, что преимущественно в лидерах

⁶ Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 26.07.2023).

⁷ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 26.07.2023).

⁸ Там же.

⁹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 28.05.2025).

и антилидерах по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2021 г. оказались этнонациональные регионы Российской Федерации (рис. 2).

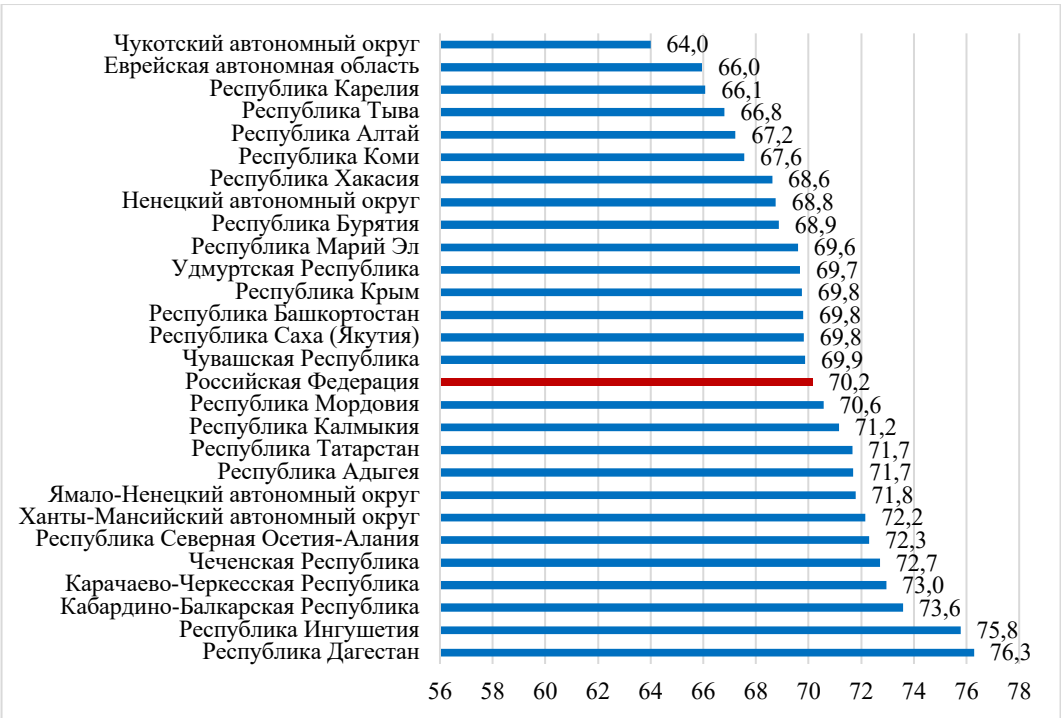

Рис. 2. ОПЖ при рождении для обоих полов в этнонациональных регионах России в 2021 г. (лет)

Fig. 2. Life expectancy at birth for both sexes in the ethnonational regions of Russia in 2021 (years)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Академик А. Г. Аганбегян, анализируя катастрофический рост смертности от COVID-19, акцент делает на увеличении смертности от других групп заболеваний вследствие того, что большая доля медицинских ресурсов переориентировалась на борьбу с пандемией: «...Здравоохранения не хватило для борьбы на два фронта – и на борьбу с коронавирусом, и на борьбу с другими патологиями. Главные силы были сосредоточены на борьбе с новой пандемией за счет других участков здравоохранения» [9, с. 13]. Дополнительная смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выросла 11,7 раз, от пневмонии – в 2,4 раза, от болезней нервной системы – в 20,9 раз, от эндокринных заболеваний – в 25 раз [9].

Число выявленных случаев заболевания COVID-19 показывает, что пик заболеваемости населения в России наблюдался в начале 2022 г. (см. рис. 3). Можно предположить, что это было связано с распространением штамма «Omicron», поскольку

¹⁰ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 28.05.2025).

скорость его распространения и вероятность заражения была в 2,09–3,2 раза выше, чем у предыдущего штамма «Delta» [10].

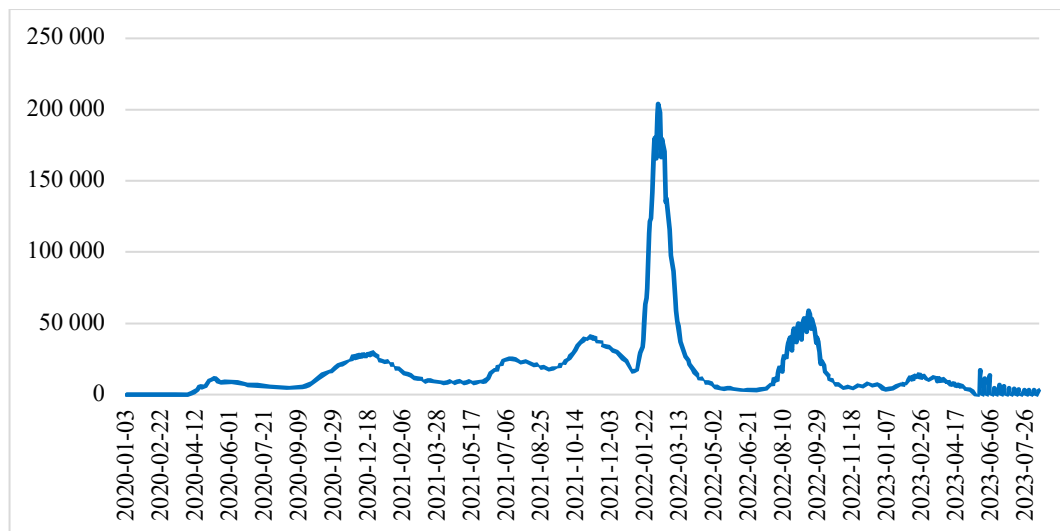

Рис. 3. Число выявленных случаев COVID-19 в России с 03.01.2020 по 15.08.2023

Fig. 3. The number of cases of COVID-19 in Russia from 03.01.2020 to 15.08.2023

Источник: составлено автором по данным Our World in Data¹¹

В июле 2021 г. был зафиксирован пик смертности от новой коронавирусной инфекции: COVID-19 заболели более 51 тыс. человек (рис. 4). Общая смертность в сентябре 2021 г. увеличилась на 18,3% по сравнению с аналогичным месяцем годом ранее. В октябре смертность резко возросла, из-за чего правительство объявило режим нерабочих дней с 30 октября по 7 ноября 2021 г. В Москве был введен частичный локдаун (не работали парикмахерские, кинотеатры, тренажерные залы и др., объявлены школьные каникулы)¹².

По мнению внештатного инфекциониста Минздрава В. Чуланова, избыточная смертность от COVID-19 была связана с распространяющимся штаммом «Delta» и несоблюдением населением противоэпидемических мер¹³. Лица, заболевшие «Delta», были в среднем моложе и реже имели сопутствующие заболевания. Вероятность заболеть увеличивалась на 105%, на 241% – госпитализация в отделения интенсивной терапии и на 121% – для смерти. Исследователи отмечали, что появление новых штаммов снижало эффективность вакцин [11].

¹¹ Coronavirus Pandemic (COVID-19) // Our World in Data: [site]. URL: <https://ourworldindata.org/coronavirus> (accessed on 26.07.2023).

¹² Число умерших с COVID-19 россиян в этом году приблизилось к 300 тыс. // РБК: [сайт]. 29.10.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/10/2021/617c051b9a794701172a3a83> (дата обращения: 26.07.2023).

¹³ Главный внештатный инфекционист Минздрава: «дельта» штамм увеличивает риск летальности от коронавируса в 2,3 раза // Интерфакс: [сайт]. 25.10.2021. URL: <https://www.interfax.ru/inter-view/799356> (дата обращения: 26.07.2023).

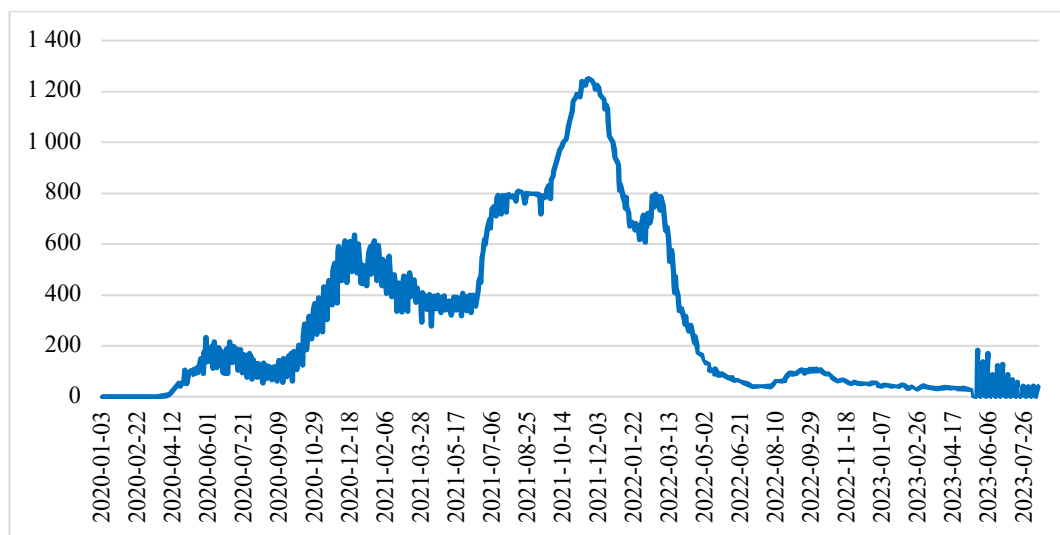

Рис. 4. Число смертей, вызванных COVID-19 в России с 03.01.2020 по 15.08.2023

Fig. 4. The number of deaths from COVID-19 in Russia from 03.01.2020 to 15.08.2023

Источник: составлено автором по данным Our World in Data¹⁴

В разных странах учет смертей проводили по-разному. В некоторых ставили причину смерти COVID-19, если инфекция была идентифицирована у умершего. В других, если больной умер в больнице. В Великобритании, например, изначально смерть от новой коронавирусной инфекции в домах престарелых вовсе не учитывалась, поскольку это не медицинские организации. После введения экстренных кодов для обозначения COVID-19, ВОЗ, по мнению исследователей, настаивала «...на том, чтобы COVID-19 всегда был указан в одной из граф медицинского свидетельства о смерти»¹⁵. 17 версия (14.12.2022 г.) временных методических рекомендаций Минздрава РФ гласила: «в разных странах существует разный подход к формулировке патологоанатомического диагноза, выбору и учету причин смерти от COVID-19, что вероятно, объясняет существенные различия в статистике смертности»¹⁶. Вместе с тем важно констатировать, что пандемия незначительно повлияла на рождаемость.

По состоянию на март 2025 г. избыточная смертность от пандемии COVID-19 в мире составила 7,1 млн человек, около 778 млн человек заболели новой коронавирусной инфекцией¹⁷.

Пандемия COVID-19 вызвала беспрецедентный локдаун стран Европы и Северной Америки. Количество авиарейсов в 2020 и 2021 гг. резко сократилось (рис. 5).

¹⁴ Coronavirus Pandemic (COVID-19) // Our World in Data : [site]. URL: <https://our-worldindata.org/coronavirus> (accessed on 26.07.2023).

¹⁵ Росстат представил данные о естественном движении населения в январе 2021 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/116200> (дата обращения: 26.07.2023).

¹⁶ Mortality analyses // Johns Hopkins University : [site]. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality> (accessed on 26.07.2023).

¹⁷ Глава ВОЗ в РФ: пандемия унесла жизни свыше 7 млн человек // ТАСС : [сайт]. 07.04.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23613671> (дата обращения: 08.04.2025).

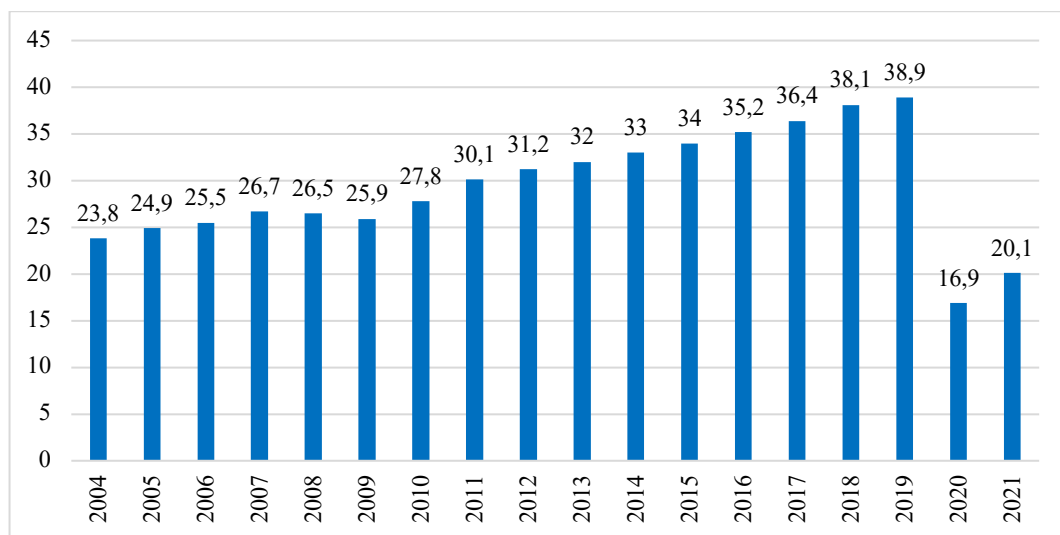

Рис. 5. Количество рейсов, выполненных мировыми авиакомпаниями в 2004–2021 гг. (млн)

Fig. 5. Number of flights operated by global airlines from 2004 to 2021 (million)

Источник: составлено автором по данным Statista¹⁸

По оценкам Statista, в 2021 г. по причине пандемии пассажиропоток регулярных рейсов составил 2,2 млрд человек. В 2019 г. было перевезено в два раза больше людей¹⁹.

Правительство Российской Федерации с 18 марта по 1 мая 2020 г. ограничило въезд в страну иностранцам и лицам без гражданства. Государства Азии (доноры трудовых мигрантов) также стали закрывать свои границы. Таджикистан и Узбекистан практически полностью изолировались от внешнего мира, Кыргызстан принимал лишь эвакуационные рейсы со своими гражданами, а Казахстан ввел чрезвычайное положение. Значительное число трудовых мигрантов в России лишилось работы, и во время локдауна они не могли вернуться к себе на родину [12].

На момент введения локдауна на территории России находилось более 3 млн документированных мигрантов и, вероятно, более 1 млн недокументированных. Проведенный опрос в апреле 2020 г. показал, что основными проблемами трудовых мигрантов в нашей стране являлись следующие: невозможность оплатить жилье (64%), не могли найти работу 45% и у 43% не было денег на еду. Наибольшее сокращение занятости произошло в строительном секторе (37%), общественном питании (21%), торговле (18%) и такси (6%) [12].

Поскольку денежные переводы из России вносили значительный вклад в ВВП Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, потеря работы в России привела

¹⁸ Number of flights performed by the global airline industry from 2004 to 2024, with a forecast for 2025 // Statista : [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/564769/airline-industry-number-of-flights/> (accessed on 26.07.2023).

¹⁹ Number of scheduled passengers boarded by the global airline industry from 2004 to 2024 // Statista : [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/564717/airline-industry-passenger-traffic-globally/> (accessed on 26.07.2023).

к росту бедности в этих странах. Количество выданных патентов в 2020 г. иностранным гражданам, работающим в РФ, резко снизилось (рис. 6).

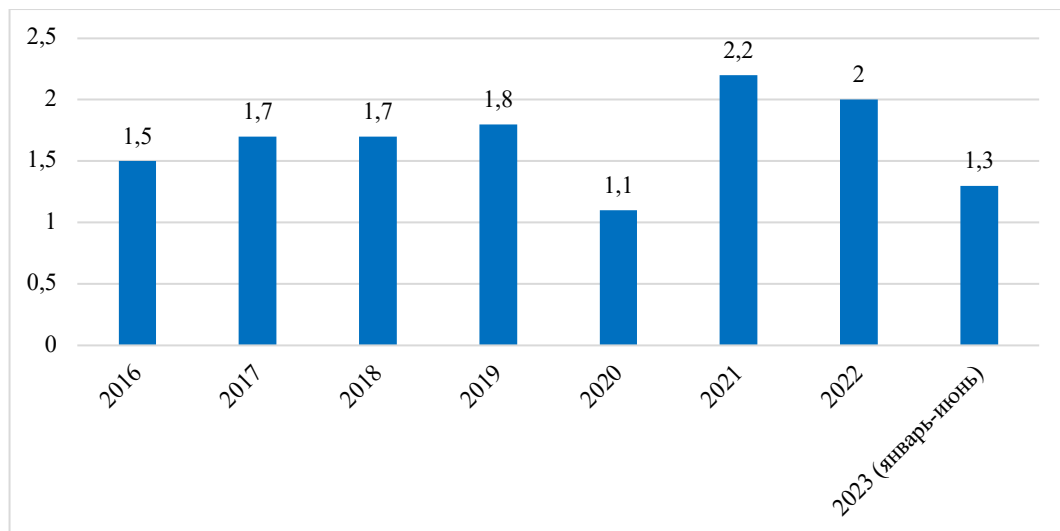

Рис. 6. Оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства в РФ в 2016–2023 гг. (млн патентов)

Fig. 6. Patents issued to foreign citizens and stateless persons in Russia in 2016–2023 (million patents)

Источник: составлено автором по данным МБД²⁰

По оценкам Всемирного банка, если бы в 2020–2021 гг. потери от пандемии были равномерно распределены среди населения Земли, то каждый человек провел бы в бедности 2 недели, а его жизнь сократилась бы на 8 дней²¹.

По данным главы Международного валютного фонда (МВФ), потери мировой экономики от пандемии COVID-19 составили 3,7 трлн долларов США²². В соответствии с мнением А. Л. Кудрина, ущерб мировой экономике мог составить от 4 до 10 трлн долларов США²³.

Ряд авторов полагает, что пандемия вызвала коллапс мировой торговли [13]. По мнению некоторых исследователей (А. Г. Аганбегян, Н. В. Кондрашов, С. В. Смирнов и др.), экономический кризис, вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции, является уникальным [9; 14]. С одной стороны, правительствам

²⁰ Статистические сведения о миграционной ситуации // МБД России: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 26.07.2023).

²¹ Understanding the global impact of the COVID-19 pandemic on well-being // World Bank: [site]. 26.06.2024. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/developmenttalk/understanding-the-global-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-well> (accessed on 19.02.2025).

²² МВФ оценил потери мировой экономики с начала пандемии COVID в \$3,7 трл // РБК: [сайт]. 06.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/10/2023/651f4cdf9a7947124f5ea79b> (дата обращения: 19.02.2025).

²³ Кудрин оценил потери мировой экономики из-за пандемии коронавируса // РБК: [сайт]. 06.11.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/11/2021/6186c67e9a7947b939843147> (дата обращения: 19.02.2025).

стран надо было с минимальными антикризисными мерами не допустить экономического спада, а с другой – сохранить жизни и здоровье населения [9].

В 2020 г. мировой ВВП сократился на 3,4% при прогнозировании роста на 2,9%. Но уже в 2021 г. данный показатель продемонстрировал рост на 5,8%, а в 2022 г. – на 3%^{24,25}. По оценкам некоторых ученых, на примере 90 стран уровень смертности населения от штаммов COVID-19 незначительно повлиял на падение ВВП в 2020 г. Основное влияние на валовой внутренний продукт оказали карантинные меры [13].

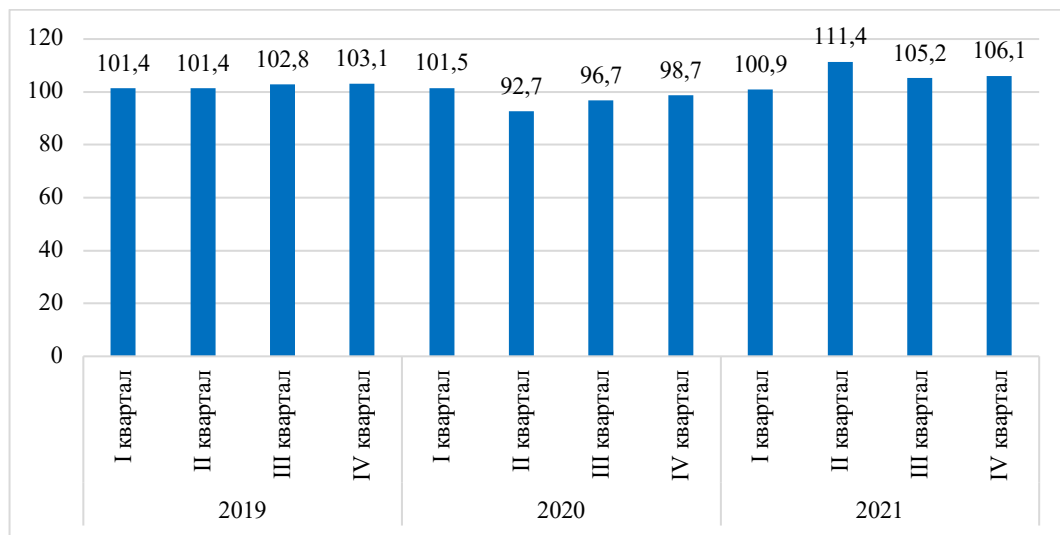

Рис. 7. Динамика индексов физического объема ВВП России в I квартале 2019 г. – IV квартале 2021 г.

Fig. 7. Dynamics of the indices of the physical volume of Russia's GDP in the first quarter of 2019 – the fourth quarter of 2021

Источник: составлено автором по данным Росстата²⁶

По данным Росстата, снижение ВВП России в 2020 г. составило 2,7%. Этот показатель ниже величины 2015 г. (-2%), но выше, чем показатель кризисного 2009 г. (-7,8%)²⁷. II квартал 2020 г. характеризуется отрицательной динамикой функционирования экономики, что напрямую связано с мерами, направленными на борьбу с пандемией (рис. 7).

Реальные денежные доходы населения России в 2019 г. в процентах к предыдущему году составили 101,9%, в 2020 г. – 98,6%, в 2021 г. – 103,9%, в 2022 г. – 104%,

²⁴ Forecasted global real GDP growth 2019-2024 // Statista : [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1102889/covid-19-forecasted-global-real-gdp-growth/> (accessed on 19.02.2025).

²⁵ Impact of the coronavirus pandemic on the global economy – Statistics & Facts // Statista : [site]. 30.05.2025. URL: <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy/> (accessed on 31.05.2025).

²⁶ Ibid.

²⁷ Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 18.03.2025).

в 2023 г. – 106,5%²⁸. На второй квартал 2020 г. пришелся основной удар от введенных мер и ограничений, направленных на борьбу с пандемией новой коронавирусной инфекции, что повлияло на денежные доходы населения. Однако уже в III и IV кварталах 2020 г. доходы населения начали восстанавливаться (рис. 8).

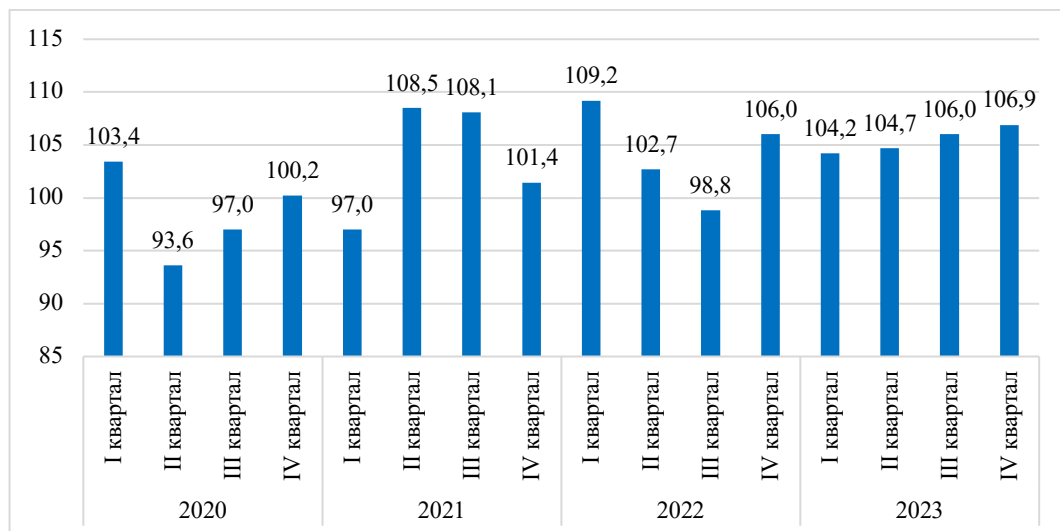

Рис. 8. Реальные денежные доходы населения России в % к соответствующему периоду прошлого года

Fig. 8. Real monetary incomes of the Russian population in % compared to the corresponding period last year

Источник: составлено автором по данным Росстата²⁹

По мнению отдельных исследователей, пандемия не оказала значительного влияния на доходы населения благодаря адаптации к новой реальности и мерам, предпринимаемых государством [15]. В 2020 г. населением на покупку товаров и услуг было потрачено 75,7% от денежных доходов. При этом данный показатель в 2018, 2019 и 2021 гг. достигал более 80%. Прирост сбережений в 2020 г. составил более 9%, тогда как в 2018, 2019 и 2021 гг. показатель составлял около 4%³⁰. Первичные доходы домашних хозяйств в 2020 г. были равны примерно 102% в сравнении с 2019 г. В 2021 г. показатель составил 114,5% по сравнению с 2020 г.³¹

Самое сильное влияние на экономику произошло из-за снижения внутреннего спроса населения и предприятий [16], т. к. потребление занимает самую большую долю ВВП [17].

²⁸ Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁹ Там же.

³⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

³¹ Там же.

Уровень бедности в России в 2020 г. составил 12,2%, что на 0,2 процентных пункта ниже, чем в 2019 г. В 2021 г. такой показатель был равен 11,1%, в 2022 г. – 9%, в 2023 г. – 8,3%³².

В 2020 г. из федерального бюджета РФ на борьбу с пандемией было направлено 4 трлн рублей. По словам первого вице-премьера А. Р. Белоусова, в 2020 г., «Федеральный бюджет...стал таким военным щитом, который принял на себя...этот удар...На следующий год суммарно расходы, связанные с COVID, – 2 трлн рублей»³³. Столица России в 2020 г. потратила из своего бюджета 250 млрд рублей на борьбу с пандемией и на такую же сумму не добрала налогов³⁴.

В 2020 г. из Резервного фонда Правительство РФ выделило 1,4 трлн рублей, из которых 88% были направлены на профилактику и устранение последствий новой коронавирусной инфекции³⁵. В 2021 г. на борьбу с пандемией было направлено 994,5 млрд рублей³⁶. В 2022 г. на финансовое обеспечение мероприятий по борьбе с COVID-19 из Резервного фонда было выделено 64,9 млрд рублей³⁷.

Пандемия оказала влияние на рост безработицы. По данным Росстата, безработица населения в возрасте 15–72 лет в России в 2020 г. составила 5,8% (пиковый уровень безработицы пришелся на август – 6,4%³⁸), годом ранее этот показатель составлял 4,6%, в 2021 г. – 4,8%, 2022 г. – 4%, а в 2023 – 3,2% (без учета показателей по ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областям). Причем уровень безработицы в России в 2009 г. вырос на 2,1 процентных пункта в сравнении с 2008 г. (6,2%). В 2010 г. данный показатель был равен 7,3%³⁹.

Новая коронавирусная инфекция стала причиной роста временной нетрудоспособности (сведения на 100 работающих), которая в 2020 г. увеличилась на 7,1% – до 773,3 дней (в 2019 г. было 579,2 дня) к среднемноголетнему уровню за период с 2011 по 2019 г. Средняя продолжительность больничного в 2020 г. составила 14,6 дней (в 2019 г. – 13,5 дней). Число случаев временной нетрудоспособности оказалось

³² Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.03.2025).

³³ Белоусов заявил, что дефицит бюджета и реальные расходы нужно сократить в 2021 году // ТАСС : [сайт]. 11.11.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9974289> (дата обращения: 15.03.2025).

³⁴ Белоусов заявил об отставании России на полтора года из-за пандемии // РБК : [сайт]. 11.11.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/11/2020/5fabdeb09a79477b8d257fb0> (дата обращения: 15.03.2025).

³⁵ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Ключевые выводы // Счетная палата Российской Федерации : [сайт]. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/982/Оперативный%20доклад%20январь-июнь%2020202.%20Ключевые%20выводы.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).

³⁶ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных и внебюджетных фондов январь – декабрь 2021 года // Счетная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ff3/eliutbdz3p95fwuf0e1ngpg0yocex86n.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).

³⁷ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных и внебюджетных фондов январь – декабрь 2022 года // Счетная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/oper-2022> (дата обращения: 03.05.2024).

³⁸ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных и внебюджетных фондов январь – декабрь 2020 года // Счетная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e37/e371835371389756c2d319de62f0bd12.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

³⁹ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 15.03.2025).

равно 52,9 на 100 работающих. Годом ранее такой показатель составлял 43⁴⁰. В 2022 г. COVID-19 в структуре причин временной нетрудоспособности занял третье место (13%). На втором месте в списке оказались болезни костно-мышечной и соединительной ткани (15%), а на первом – болезни органов дыхания (33%)⁴¹.

Начиная с 2022 г., Росстат стал вести статистику причин временной нетрудоспособности по причине заболеваемости новой коронавирусной инфекцией. В 2022 г. данный показатель составил более 4,2 млн случаев (около 51 млн дней)⁴².

Вместе с тем, помимо сильного негативного влияния пандемии на рынок труда, А.В. Топилин отметил также и некоторые «оздоровительные воздействия». А именно: «Повышается эффективность работы предприятий, улучшаются отношения на бирже труда, стимулируется перекавалификация рабочей силы. Структура занятости в отдельных секторах экономики перестраивается под новые условия, повышаются требования к компетенциям работников, владению цифровыми технологиями и т. д.» [18, с. 56].

Расходы на здравоохранение в России в 2017 г. составили 3,75% ВВП, в 2018 г. – 3,85%, в 2020 г. – 4,6%, в 2021 г. – 4,1%, в 2024 г. – 3,7%^{43,44,45}. Для сравнения: расходы Бельгии в 2020 г. на систему здравоохранения в 2020 г. были равны 11,26% ВВП, в 2022 г. – 10,8%; расходы Соединенного Королевства в 2022 г. составили 11,3% ВВП, в 2020 г. – 12,2% ВВП⁴⁶.

Роспотребнадзор в 2020 г. оценил ущерб, причиненный пандемией COVID-19, в 997,06 млрд рублей, что в 1,4 раза выше ущерба от других инфекционных заболеваний населения. Данная оценка включала в себя 515,95 млрд рублей – это прямые выплаты для поддержки населения и предприятий, остальные средства были направлены для обеспечения работы системы здравоохранения. Только на тестирование населения было потрачено около 108,6 млрд рублей⁴⁷.

⁴⁰ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2020 году» // Роспотребнадзор : [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=21796 (дата обращения: 15.03.2025).

⁴¹ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2023 году» // Роспотребнадзор : [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=27779 (дата обращения: 15.03.2025).

⁴² Здравоохранение в России. 2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2023.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴³ Расходы на здравоохранение в России в 2024 году составляют 3,7% ВВП // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/960345> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴⁴ Общие затраты на здравоохранение, в % от ВВП // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_566-6711-total-health-expenditure-as-of-gdp/#id=19661 (дата обращения: 29.04.2025).

⁴⁵ Кудрин сообщил, что расходы на здравоохранение в России в 2021 году составят 4,1% ВВП // ТАСС : [сайт]. 15.12.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13207941> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴⁶ Общие затраты на здравоохранение, в % от ВВП // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_566-6711-total-health-expenditure-as-of-gdp/#id=19661 (дата обращения: 29.04.2025).

⁴⁷ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2020 году» // Роспотребнадзор : [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/5fa/gd-seb_02.06-s-podpisyu.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

Роспотребнадзор также оценил ущерб от заболеваемости и смертности населения от COVID-19 в 2020 г., если бы не были приняты ограничительные меры, в 3073,1 млрд рублей (3,6% от ВВП). Реальные потери в 2020 г. от введенных ограничительных мер составили 2668,5 млрд рублей (3,1% от ВВП)⁴⁸.

По оценкам Роспотребнадзора, экономический ущерб от пандемии состоит из двух составляющих. Первая – прямые медицинские расходы (на период выздоровления). Вторая – не прямые потери экономики (потери рабочего времени, когда человек находится на лечении или умирает в трудоспособном возрасте). В 2022 г. прямые медицинские расходы, по расчетам ФБУН «ЦНИИ Эпидемиологии», от новой коронавирусной инфекции составили 0,76 трлн рублей. По расчетам Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФФОМС), эти расходы были равны 1,349 трлн рублей. Разница данных – в 1,8 раз. Роспотребнадзор предложил среднюю оценку прямых расходов в 1,1 трлн рублей⁴⁹.

При этом «потери лет жизни в случае летального исхода» Роспотребнадзор оценивает в размере не менее 0,5 трлн рублей в 2022 г., а общую сумму экономического ущерба от пандемии COVID-19 в 2022 – в размере 1,6 трлн рублей. В то же время ущерб от 33 инфекционных заболеваний (без туберкулеза, ВИЧ-инфекции, гепатитов и COVID-19) в 2022 г. составил 1014,7 млрд рублей⁵⁰.

Ведомство не опубликовало оценку экономических потерь за 2021 г. Но учитывая, что смертность населения в 2021 г. от новой коронавирусной инфекции была в 3,3 раза больше, чем в 2022, можно предположить, что экономический ущерб был не меньше, чем в 2022 г.

По данным Росстата, избыточная смертность от COVID-19 составила за период 2020–2023 гг. 764 348 человек. Оценка вероятной потери ВВП в результате избыточной смерти от новой коронавирусной инфекции с 2020 по 2023 г. могла составить более 4,4 трлн рублей.

Глава Роспотребнадзора на Петербургском международном экономическом форуме заявила, что потери российской экономики вследствие пандемии на душу населения составили 306 долларов США, в Германии – 4 897, в Австрии – 5 760. «Цифры несопоставимые», – сказала А. Ю. Попова – ...это говорит об абсолютно правильных действиях России в условиях пандемии⁵¹.

По состоянию на 1 января 2023 г. численность населения РФ составляла 146,4 млн человек. Если ориентироваться на данные, озвученные А. Ю. Поповой, вероятные потери российской экономики могли составить около 45 млрд долларов США.

⁴⁸ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2020 году» // Роспотребнадзор: [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/5fa/gd-seb_02.06-s-podpisyu_.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

⁴⁹ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2022 году» // Роспотребнадзор: [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25076 (дата обращения: 18.03.2025).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Роспотребнадзор сравнил потери экономики России и Германии из-за COVID-19 // РБК: [сайт]. 18.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/648e8bca9a7947b4ec5b4f38> (дата обращения: 18.03.2025).

Заключение

Эпидемии и пандемии – явления социального порядка, поскольку они возможны только в обществе. Общественное здоровье напрямую зависит от экономики страны, уровня жизни, образования и культуры населения, системы здравоохранения и поведения индивида.

Влияние пандемии COVID-19 вышло за границы прямого воздействия на уровень заболеваемости и смертности населения. Из-за введения карантинных мероприятий, снижения спроса на товары и услуги в большинстве стран наблюдались падение уровня валового внутреннего продукта (ВВП), рост безработицы, усиление неравенства доходов и пр.

Кризис 2020 г., вызвавший коллапс мировой экономики, является уникальным. Мировой ВВП в 2020 г. сократился на 3,4%. Глобализация стала причиной уязвимости стран не только в биологической, но и в экономической составляющей. По данным главы Международного валютного фонда (МВФ), потери мировой экономики от пандемии COVID-19 составили 3,7 трлн долларов США.

ВВП Российской Федерации в 2020 г. снизился на 2,7%. II квартал 2020 г. характеризовался отрицательной динамикой, что связано с мерами, направленными на борьбу с пандемией. Но в III квартале произошел рост ВВП вследствие ослабления карантинных мер не только в России, но и в других странах мира.

Причиной падения в большей доле социально-экономических показателей в 2020 г. становятся введенные ковидные ограничения, а не демографические и медицинские последствия пандемии. Наибольшая смертность от новой коронавирусной инфекции наблюдалась в 2021 г. – умерло более 465 тыс. человек, а в 2020 г. – свыше 144 тыс. человек. Количество случаев заболеваемости было наибольшим в 2022 г., которая на 100 тыс. человек составила 8 297 случаев. В 2020 г. данный показатель был равен 2 166 случаев.

В период пандемии COVID-19 поменялось экономическое поведение домохозяйств, изменилась структура расходов, что подтверждается макроэкономическими показателями.

Пандемия вызвала избыточную смертность, снизив ожидаемую продолжительность жизни на 3,28 лет в 2021 г.

Глава Роспотребнадзора на Петербургском международном экономическом форуме сообщила, что потери российской экономики из-за пандемии на душу населения составили 306 долларов США. Для сравнения: в Германии – 4 897 долларов США, а в Австрии – 5 760 долларов США.

Пандемия COVID-19 вызвала в мире миграционный коллапс. Многие страны закрывали границы и вводили локдауны, что вызывало недовольство населения. В России трудовые мигранты, преимущественно из стран Центральной Азии, оказались в наиболее уязвимом положении.

Список литературы

1. Ильичева, Т. Н. Две пандемии XXI века: COVID-19 и «свиной» грипп 2009 // Медицинская иммунология. 2020. Т. 22, № 6. С. 1035–1044. DOI [10.15789/1563-0625-TPO-2048](https://doi.org/10.15789/1563-0625-TPO-2048). EDN [SKKJZX](https://www.edn.ru/entry/10.15789/1563-0625-TPO-2048).
2. Рязанцев, С. В. Предпосылки возникновения и социально-демографические последствия пандемий / С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения

и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 389–397. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397). EDN [GWEKPY](https://www.edn.ru/GWEKPY).

3. Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении / Т. Р. Мальтус ; Пер. И. А. Вернера. Москва : К. Т. Солдатенков, 1895. 251 с.

4. Янсон, Ю. Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств : Т. 1: Территория и население. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1878. 373 с.

5. Сорокин, П. А. Человек и общество в условиях бедствий : влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / П. А. Сорокин ; перевод с английского В. В. Сапова. Москва : Академический проект, 2022. 399 с. ISBN 978-5-8291-3714-4.

6. Урланис, Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. Москва : Статистика, 1978. 310 с.

7. Макнил, У. Эпидемии и народы / У. Макнил ; перевод Н. Проценко при участии А. Черняева. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 446 с. ISBN 978-5-91244-286-5.

8. Омран, А. Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 177–216. DOI <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117>. EDN [AWGHUZ](https://www.edn.ru/AWGHUZ).

9. Аганбегян, А. Г. О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России. Москва : Изд-во ИНЭС, 2021. 72 с. ISBN 978-5-93618-298-3.

10. Al-Tawfiq, J. A., The Emergence of the Omicron (B.1.1.529) SARS-CoV-2 Variant: What is the Impact on the Continued Pandemic? / J. A. Al-Tawfiq, V. T. Hoang, N. Le Bui, D. T. Chu, Z. A. Memish // Journal of Epidemiology and Global Health. 2022. Vol. 12, № 2. Pp.143–146. DOI [10.1007/s44197-022-00032-w](https://doi.org/10.1007/s44197-022-00032-w).

11. Fisman, D. N. Evaluation of the Relative Virulence of Novel SARS-CoV-2 Variants: A Retrospective Cohort Study in Ontario, Canada / D. N. Fisman, A. R. Tuite // Canadian Medical Association Journal. 2021. Vol. 193, № 42. E1619–E1625. DOI [10.1503/cmaj.211248](https://doi.org/10.1503/cmaj.211248).

12. Рязанцев, С. Влияние пандемии COVID-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России / С. Рязанцев, З. Вазиров, М. Храмова, А. Смирнов // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23, № 3. С. 64–76. DOI [10.37178/ca-c.20.3.06](https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06). EDN [DTHIXE](https://www.edn.ru/DTHIXE).

13. Gagnon, J. E. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Global GDP Growth / J. E. Gagnon, S. B. Kamin, J. Kearns // Journal of The Japanese and International Economies. 2023. № 68. Article № 101258. DOI [10.1016/j.jjie.2023.101258](https://doi.org/10.1016/j.jjie.2023.101258).

14. Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики : доклад НИУ ВШЭ / Н. В. Акиндинова, Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов, Н. В. Кондрашев, А. О. Кузнецов, В. В. Миронов, С. Г. Мисихина, С. Г. Пухов, С. В. Смирнов, А. А. Чепель, А. В. Чернявский. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 96 с. ISBN 97805-7598-2505-0.

15. Кремлев, Н. Д. Оценка влияния пандемии COVID-19 на доходы и адаптацию к ней населения региона: статистический подход / Н. Д. Кремлев, И. А. Дроздова // Статистика и экономика. 2022. Т. 19, № 1. С. 46–52. DOI [10.21686/2500-3925-2022-1-46-52](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-1-46-52). EDN [TLNRIG](https://www.edn.ru/TLNRIG).

16. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / Под ред. д-р экон. наук А. Л. Кудрина. Москва : Издательство Институт Гайдара, 2021. 344 с. ISBN 978-5-93255-617-7.

17. Агапова, Т. А. Макроэкономика : Учебник / Под общей ред. д.э.н., проф. А. В. Сидоровича ; МГУ им. М. В. Ломоносова. 6-е изд., стереотип. / Т. А. Агапова, С. Ф. Серегина. Москва : Изд-во Дело и Сервис, 2004. 448 с.

18. Топилин, А. В. Рынок труда в условиях пандемии COVID-19: меры поддержки занятости и ожидаемые результаты // Вестник РАЕН. 2022. Т. 22, № 2. С. 51–56. DOI [10.52531/1682-1696-2022-22-2-51-56](https://doi.org/10.52531/1682-1696-2022-22-2-51-56). EDN [WVXVUJ](https://www.edn.ru/WVXVUJ).

Сведения об авторе

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ SPIN-код: [4854-8146](https://elibrary.ru/4854-8146); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята в печать 09.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

For citation: Smirnov, A. V. Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2).

Abstract. According to the World Health Organization, as of March 2025, excess mortality from the COVID-19 pandemic in the world amounted to 7.1 million people, about 778 million people fell ill with a new coronavirus infection. The purpose of the article is to assess the demographic and economic consequences of the COVID-19 pandemic. Due to globalization, countries have become vulnerable in biological, medical and economic aspects. The pandemic had a significant impact on the excess mortality of the population, but only a minor impact on the birth rate. The impact of the COVID-19 pandemic has gone beyond the direct impact on the morbidity and mortality of the population. Due to the introduction of quarantine measures, a decrease in demand for goods and services, in most countries there was a decrease in the level of gross domestic product (GDP), an increase in unemployment, and an increase in income inequality. The reason for the drop in a greater proportion of socio-economic indicators in 2020 is the introduced covid restrictions, rather than the demographic and medical consequences of the pandemic. The crisis caused by the pandemic is unique. Global GDP decreased by 3.4% in 2020. The decline in GDP was significantly affected by quarantine measures, but not by excessive mortality. The pandemic in Russia has had an impact on the economic behavior of households. The COVID-19 pandemic has caused a migration collapse. A significant proportion of the victims are migrant workers.

Keywords: pandemic, COVID-19, excess mortality, life expectancy

References

1. Ilyicheva, T. N. Two Pandemics of the 21st Century: Covid-19 and “Swine Flu” of 2009. *Medical Immunology (Russia)*. 2020. Vol. 22, No. 6. Pp. 1035–1044. DOI [10.15789/1563-0625-TPO-2048](https://doi.org/10.15789/1563-0625-TPO-2048). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Smirnov, A. V. The Preconditions of Occurrence and Social Demographic Consequences of Pandemics. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2021. Vol. 29, No. 3. Pp. 389–397. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397). (In Russ.).
3. Malthus, T. R. *Opyt zakona o narodonaselenii [An Essay on the Principle of Population]*. Translated by I. A. Verner. Moscow : K. T. Soldatenkov, 1895. 251 p. (In Russ.).
4. Yanson, Yu. E. *Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadno-yevropeyskikh gosudarstv [Comparative statistics of Russia and Western European states]* : Vol. 1: Territoriya i naseleniye [Territory and population]. St. Petersburg : M. Stasyulevich Publ. House, 1878. 373 p. (In Russ.).
5. Sorokin, P. A. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstviy : vliyaniye voyny, revolyutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedeniye cheloveka, sotsial'nyuyu organizatsiyu i kul'turnuyu zhizn' [Man and Society in Calamity: The Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence Upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life]*. Translated from English by V. V. Sapov. Moscow : Akademicheskii proyekt Publ., 2022. 399 p. ISBN 978-5-93618-298-3. (In Russ.).
6. Urlanis, B. Ts. *Evolutsiya prodolzhitel'nosti zhizni [Evolution of life-span]*. Moscow : Statistika Publ., 1978. 310 p. (In Russ.).
7. McNeil, W. *Epidemii i narody [Epidemics and People]*. Translated by N. Protsenko and A. Chernyaev. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ., 2021. 446 p. ISBN 978-5-91244-286-5. (In Russ.).
8. Omran, A. R. The Epidemiologic Transition Theory Revisited Thirty Years Later. *Demographic Review*. 2019. Vol. 6, No. 1. Pp. 177–216. DOI <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117>. (In Russ.).
9. Aganbegyan, A. G. *O katastroficheskom uvelichenii smertnosti i merakh po sberezeniyu naroda v Rossii [On the catastrophic increase in mortality and measures to save the people in Russia]*. Moscow : INES Publ., 2021. 72 p. ISBN 978-5-93618-298-3.
10. Al-Tawfiq, J. A., Hoang, V. T., Le Bui, N., Chu, D. T., Memish, Z. A. The Emergence of the Omicron (B.1.1.529) SARS-CoV-2 Variant: What is the Impact on the Continued Pandemic? *Journal of Epidemiology and Global Health*. 2022. Vol. 12, No. 2. Pp.143–146. DOI [10.1007/s44197-022-00032-w](https://doi.org/10.1007/s44197-022-00032-w).

11. Fisman, D. N., Tuite, A. R. Evaluation of the Relative Virulence of Novel SARS-CoV-2 Variants: A Retrospective Cohort Study in Ontario, Canada. *Canadian Medical Association Journal*. 2021. Vol. 193, No. 42. E1619–E1625. DOI [10.1503/cmaj.211248](https://doi.org/10.1503/cmaj.211248).
12. Ryazantsev, S., Vazirov, Z., Khramova, M., Smirnov, A. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23, No. 3. Pp. 64–76. DOI [10.37178/ca-c.20.3.06](https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06). (In Russ.).
13. Gagnon, J. E., Kamin, S. B., Kearns, J. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Global GDP Growth. *Journal of The Japanese and International Economies*. 2023. № 68. 101258. DOI [10.37178/ca-c.20.3.06](https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06).
14. *Makroekonomicheskiye efekty pandemii COVID-19 i perspektivy vosstanovleniya ekonomiki [Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for economic recovery]*: report of the National Research University Higher School of Economics. N. V. Akindinova, E. F. Baranov, V. A. Bessonov, N. V. Kondrashev, A. O. Kuznetsov, V. V. Mironov, S. G. Misikhina, S. G. Pukhov, S. V. Smirnov, A. A. Chepel, A. V. Chernyavsky. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2021. 96 p. ISBN 97805-7598-2505-0. (In Russ.).
15. Kremlev, N. D., Drozdova, I. A. Assessment of the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Incomes and Adaptation of the Population of the Region to It: Statistical Approach. *Statistics and Economics*. 2022. Vol. 19, No. 1. Pp. 46–52. DOI [10.21686/2500-3925-2022-1-46-52](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-1-46-52). (In Russ.).
16. *Ekonomika i ekonomicheskaya politika v usloviyakh pandemii [Economy and economic policy in the context of a pandemic]*. Ed. by A. L. Kudrin. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2021. 344 p. ISBN 978-5-93255-617-7. (In Russ.).
17. Agapova, T. A., Seregina, S. F. *Makroekonomika [Macroeconomics]*: Textbook. Ed. by A. V. Sidorovich; Lomonosov Moscow State University. 6th ed. Moscow: Delo i Servis Publ., 2004. 448 p. (In Russ.).
18. Topilin, A. V. The Labor Market in the Context of the COVID-19 Pandemic: Employment Support Measures and Expected Results. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2022. Vol. 22, No. 2. Pp. 51–56. DOI [10.52531/1682-1696-2022-22-2-51-56](https://doi.org/10.52531/1682-1696-2022-22-2-51-56). (In Russ.).

Bio note

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sfetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI SPIN code: [4854-8146](https://elibrary.ru/4854-8146); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Received on 01.04.2025; accepted for publication on 09.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.3)

EDN [UHLLQW](https://edn.ru/UHLLQW)

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Полянская Е. В.

*Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания,
Благовещенск, Россия*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

Для цитирования: Полянская, Е. В. Ожидаемая продолжительность жизни на Дальнем Востоке: динамика пространственной дифференциации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 40–54.
DOI [10.19181/demis.2025.5.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.3). EDN [UHLLQW](https://edn.ru/UHLLQW).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности продолжительности жизни в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО). Целью исследования являются изучение современных тенденций продолжительности жизни в период проведения активной демографической политики и оценка вклада возрастных групп в эволюцию ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) мужчин и женщин, проживающих в ДФО. Автором выполнен статистический анализ официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) – показателей ожидаемой продолжительности жизни на Дальнем Востоке в целом, с разбивкой по регионам, годам, полу. Проведена декомпозиция сдвигов в продолжительности жизни мужчин и женщин в регионах Дальнего Востока за период 2004–2023 гг. Установлено, что структура вклада возрастных групп в рост ОПЖ населения имеет существенные гендерные и региональные отличия. Доказано, что для мужчин и женщин рост продолжительности жизни обеспечивается за счет снижения смертности в разных возрастах. Основной вклад в прирост продолжительности жизни у мужчин вносят возраста до 60 лет, в то время как у женщин отмечается противоположная тенденция: старшие возрастные группы от 60 лет вносят основной вклад в рост продолжительности жизни. Также наблюдаются процессы роста дифференциации в показателях ОПЖ мужского и женского населения внутри регионов после пандемии COVID-19. При этом максимальные гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни отмечаются в Чукотском автономном округе, Республике Бурятия и Забайкальском крае. На основании расчета среднеквадратичного отклонения в продолжительности жизни на Дальнем Востоке установлено, что с 2022 г. в макрорегионе нарастают процессы конвергенции в показателях ожидаемой продолжительности жизни у женщин и дивергенции у мужчин, которые происходят на фоне общего роста продолжительности жизни.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, конвергенция, дивергенция, регион, Дальневосточный федеральный округ

Введение

Ключевые приоритеты развития Дальневосточного федерального округа обозначены в различных государственных документах, в том числе в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹, государственных программах «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 06.01.2025).

Российской Федерации»², «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы»³, в которых центральное место занимает задача улучшения демографической ситуации в макрорегионе и рост продолжительности жизни.

Динамика продолжительности жизни на Дальнем Востоке играет важную роль в формировании демографического образа региона. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁴, национальной демографической целью является рост ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 г.

Многие ученые отмечают отставание в показателях ожидаемой продолжительности жизни в ДФО, несмотря на целый ряд государственных программ развития данной территории [1–3].

Отслеживание изменений ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) по регионам и проведение межрегионального сравнения внутри федерального округа позволяет выявить проблемные зоны и резервы роста.

В научной литературе множество исследований посвящено изучению динамики ожидаемой продолжительности жизни на Дальнем Востоке, влиянию эндогенных и экзогенных факторов на ее значение [4–7]. В научной статье А. Е. Ивановой, В. Г. Семеновой и Т. П. Сабгайда доказана взаимосвязь значения ОПЖ от социально-экономических или медицинских детерминантов. Чем выше показатель ОПЖ в регионе, тем более значима медицинская детерминанта, соответственно более низкие показатели ОПЖ в первую очередь детерминированы социально-экономическими условиями [8]. Результаты работы Л. Л. Рыбаковского, Н. И. Кожевниковой и В. И. Савинкова свидетельствуют о том, что процесс отставания в показателях ожидаемой продолжительности жизни на Дальнем Востоке от среднероссийских начался еще с 1950 г. и был вызван такими факторами, как структура населения, географические особенности расселения, характер производства, суровые климатические условия [9].

Однако актуальные тенденции продолжительности жизни в субъектах Дальнего Востока недостаточно освещены, отсутствуют также исследования возрастного профиля этих изменений, процессов конвергенции/дивергенции данного показателя в субъектах.

Цель настоящего исследования состоит в анализе современных тенденций продолжительности жизни в период проведения активной демографической политики и оценке вклада возрастных групп в эволюцию ОПЖ мужчин и женщин в регионах Дальнего Востока.

² Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 г. № 484 // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/bIT1JDkAw1JWhBgHy1SAZIkBRINmT3pG.pdf> (дата обращения: 06.01.2025).

³ Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 г. № 793 // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/JCaHgEI5IzUMCxPZDPmoLmLBU3FsTKB6.pdf> (дата обращения: 06.01.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 // Президент России : [сайт]. URL <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 06.01.2025).

Методология исследования

Исследование уровня ожидаемой продолжительности жизни в целом по Дальнему Востоку и в разрезе его субъектов было проведено нами по официальным публикациям открытых данных Росстата. Выбор анализируемого периода с 2004 г. был обусловлен началом стабилизации демографической ситуации в стране: ростом ожидаемой продолжительности жизни, снижением общей и младенческой смертности [10].

Для оценки вклада возрастных групп в изменение ОПЖ был использован метод декомпозиции по возрасту, разработанный Э. Арриагой и Е. М. Андреевым [11; 12]. Оценивание проводилась отдельно для мужского и женского населения по всем субъектам Дальнего Востока за период 2004–2023 гг.

В нашей работе возрастная группировка была определена на основе классификации возрастных групп ВОЗ и материалах исследования А. В. Шура и С. А. Тимошина [13]. Для определения степени межрегиональных различий в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин было рассчитано среднеквадратичное (стандартное) отклонение.

Среднеквадратичное отклонение показателей ожидаемой продолжительности жизни было рассчитано по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\sum_{i=1}^n \frac{(x_i - \bar{x})^2}{n}},$$

где σ – среднеквадратичное отклонение ОПЖ, x_i – ОПЖ в конкретном регионе, $\bar{x}$ – среднее значение показателя, n – количество регионов.

Результаты

По показателям ожидаемой продолжительности жизни ДФО занимает последнее место среди всех федеральных округов России. В 2023 г. отставание от среднероссийского показателя составило 3,6 года, от значений ОПЖ мужчин 4,2 года, ОПЖ женщин 2,4 года (табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в федеральных округах РФ в 2023 г. (лет)

Table 1

Life expectancy in the federal districts of the Russian Federation in 2023 (years)

Федеральные округа	Общая ОПЖ	ОПЖ мужчины	ОПЖ женщины	Место по ОПЖ, 2023 г.
Российская Федерация	73,41	68,04	78,74	-
Северо-Кавказский федеральный округ	77	73,29	80,69	1
Центральный федеральный округ	74,79	69,87	79,63	2
Северо-Западный федеральный округ	73,83	68,56	78,80	3
Южный федеральный округ	73,6	68,59	78,69	4
Уральский федеральный округ	72,88	67,15	78,48	5
Приволжский федеральный округ	72,75	66,92	78,57	6
Сибирский федеральный округ	71,05	64,93	77,19	7
Дальневосточный федеральный округ	69,81	63,80	76,27	8

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

Ожидаемая продолжительность жизни в Дальневосточном макрорегионе в среднем увеличилась на 7,5 года за последние два десятилетия и достигла в 2023 г. 69,8 года (63,8 для мужчин и 76,3 для женщин). Максимальные значения показателя ОПЖ были зафиксированы в 2017 г. В региональном разрезе наиболее значительный прирост на 9,1 года за весь рассматриваемый период отмечен в Республике Саха (Якутия), где зарегистрировано и самое высокое значение показателя на Дальнем Востоке (рис. 1).

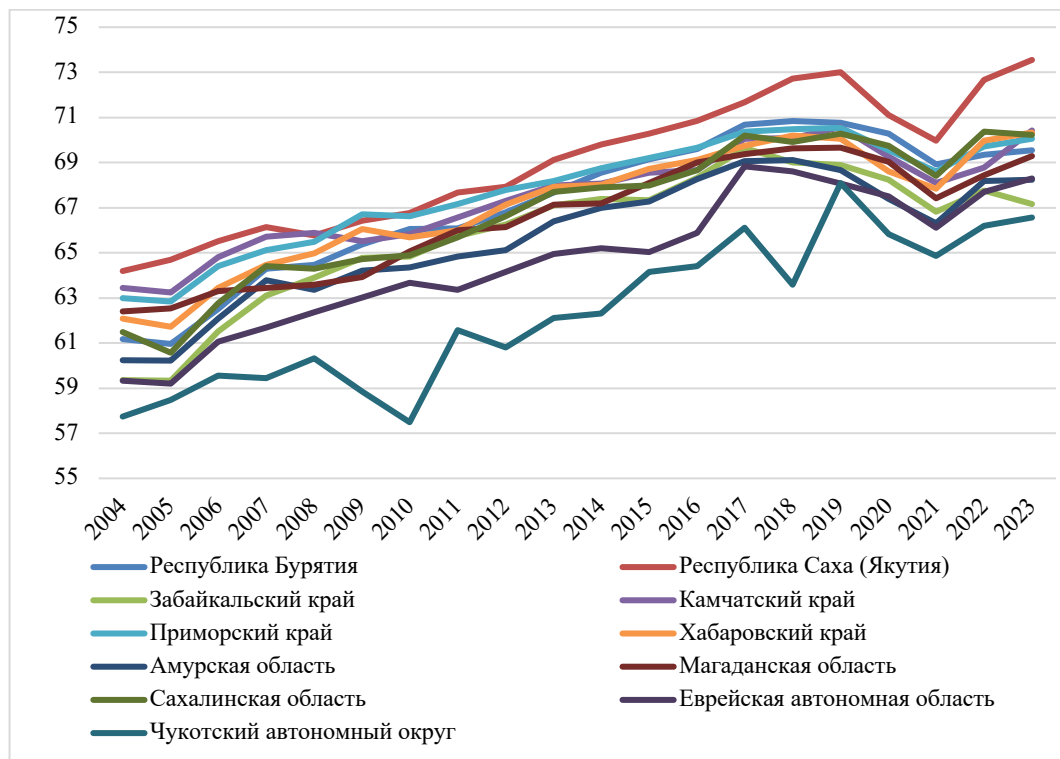

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в субъектах ДФО (лет)

Fig. 1. Dynamics of life expectancy in the regions of the Far East (years)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁶

Среди мужчин показатель ОПЖ за 2004–2023 гг. вырос более существенно – на 7,5 лет (с 56,3 до 63,8), нежели среди женщин – на 6,8 лет (с 69,5 до 76,3). Лидерами по приросту ожидаемой продолжительности жизни у мужчин являются Республика Саха (Якутия) – 9,4 года, Еврейская автономная область – 8,7 лет, Хабаровский край – 8,6 лет. Самый большой рост ОПЖ у женщин отмечен в Чукотском

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

автономном округе – 14,4 года⁷, в Республике Саха (Якутия) – 8,6 лет и Сахалинской области – 8,2 года (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в ДФО в 2004–2023 гг. (лет)

Table 2

Average life expectancy in the Far Eastern Federal District in 2004–2023 (years)

Субъект	2004		2023		Прирост 2023/2004	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
ДФО	56,30	69,49	63,80	76,27	7,50	6,78
Республика Бурятия	54,60	68,92	62,88	76,52	8,28	7,60
Республика Саха (Якутия)	58,49	70,63	67,92	79,27	9,43	8,64
Забайкальский край	53,22	66,80	60,68	74,33	7,46	7,53
Камчатский край	57,81	70,20	65,20	76,36	7,39	6,16
Приморский край	56,91	70,00	64,24	76,25	7,33	6,25
Хабаровский край	55,74	69,70	64,36	76,71	8,62	7,01
Амурская область	54,21	67,61	62,30	74,74	8,09	7,13
Магаданская область	56,87	69,01	63,57	75,33	6,70	6,32
Сахалинская область	55,37	69,02	64,04	77,30	8,67	8,28
Еврейская АО	53,67	66,18	62,36	74,38	8,69	8,20
Чукотский АО	54,22	61,99	58,67	76,39	4,45	14,40

Источник: составлено автором по данным Росстата⁸

Рост ожидаемой продолжительности жизни на Дальнем Востоке сформировался в результате неоднородных и нестабильных процессов в каждом субъекте региона.

Период с 2006 по 2019 г. характеризуется сравнительно устойчивой положительной динамикой. В целом на Дальнем Востоке в данном временном интервале отмечен рост ОПЖ. Обращает на себя внимание максимальный прирост продолжительности жизни в 2006 г. – 1,6 года (1,7 года у мужчин и 1,2 лет у женщин). Именно в 2006 г. был принят приоритетный национальный проект «Здоровье», направленный на укрепление первичного звена здравоохранения, повышение доступности и качества медицинской помощи, в том числе профилактической.

В 2007 г. была принята Концепция демографической политики до 2025 г.⁹, одной из главных целей которой определено увеличение продолжительности жизни и сокращение смертности. Впрочем, рост продолжительности жизни в разных регионах возник где-то раньше, а где-то позже начала реализации мер Концепции демографической политики (рис. 1), что было предопределено предшествующей динамикой. Позитивная динамика сохранялась вплоть до 2019 г., но темпы роста продолжительности жизни снижались, а после 2017 г. в большинстве регионов стала

⁷ При оценке ситуации и тенденций продолжительности жизни в Чукотском АО важно учитывать малую численность населения в регионе, что определяет существенные колебания показателей год от года из-за колебаний чисел умерших и неустойчивости их возрастного-полового состава.

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

⁹ Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» // Правительство России. [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/61461/> (дата обращения: 27.12.2024).

наблюдаться стагнация. Исключение составили Еврейская АО, где с 2017 г. показатели снижались, и Саха (Якутия), где напротив, темпы роста ОПЖ сохранялись.

Период с 2020 г. – это временной отрезок, на который пришлось распространение коронавирусной инфекции COVID-19, резкое ухудшение показателей общественного здоровья, рост смертности и сокращение продолжительности жизни во всех субъектах Дальнего Востока.

В целом, после завершения пандемии COVID-19 мы наблюдаем процесс восстановления показателей ожидаемой продолжительности жизни после ее критического снижения. Однако в гендерном отношении вклад женского населения в рост данного показателя гораздо более значительный, чем мужского. Это связано с сохраняющимся ростом смертности мужчин, который отмечался в некоторых субъектах ДФО. К примеру, в 2023 г. в 6 регионах из 11 сохраняющийся рост смертности среди мужского населения привел к еще большему снижению продолжительности жизни у мужчин по сравнению с 2022 г. В таких регионах, как Забайкальский край (-1,3 лет), Хабаровский край (-0,3 года), Амурская область (-0,3 лет), Сахалинская область (-1,4 года), Чукотский автономный округ (-2,7 года) налицо сокращение продолжительности жизни у мужчин. В Республике Бурятия (-0,07 лет) и Приморском крае (-0,12 лет) ситуация относительно стабилизировалась.

В период роста продолжительности жизни на всей территории Дальнего Востока наблюдался процесс сокращения разрыва в показателях между мужчинами и женщинами. Максимум различий был пройден на разном уровне в большинстве регионов в 2004–2005 гг., кроме Магаданской области, где самая большая дифференциация в показателе ОПЖ между полами отмечалась в 2011 г. – 12,5 лет, и Чукотском автономном округе в 2023 г. – 17,7 года (табл. 3). Позитивный тренд был нарушен в период пандемии COVID-19: минимальный разрыв в ОПЖ был достигнут в 2021 г., и в последующие два года он возрастал. Относительная стабилизация разрыва в ожидаемой продолжительности жизни отмечалась только в Камчатском крае и Магаданской области в 2023 г. Изменения в разрыве ОПЖ между мужчинами и женщинами между остальными Дальневосточными субъектами заметно различаются.

Таблица 3

Динамика различий в ОПЖ между полами в регионах ДФО (лет)

Table 3

Gender differences in life expectancy in the regions of the Far East (years)

Год	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
2004	14,32	12,14	13,58	12,39	13,09	13,96	13,4	12,14	13,65	12,51	7,77
2005	14,26	12,88	14,25	12,47	12,89	14,07	13,78	11,8	13,52	12	9,14
2006	13,18	12,06	13,32	11,08	12,45	13,46	13,05	12,04	13,58	12,99	11,63
2007	12,04	11,46	13,49	11,31	12,06	12,97	12,18	11,84	12,59	12,73	11,96
2008	12,49	11,49	12,58	11,19	11,91	12,8	12,22	11,72	13,85	12,27	8,25
2009	12,08	11,47	12,17	11,88	11,44	12,66	12,37	11,17	12,95	13,39	11,46
2010	12,41	12,16	12,1	11,33	11,51	12,77	12,44	11,29	12,38	13,39	10,87
2011	12,01	12,08	12,15	10,62	11,42	12,61	12,56	12,46	12,44	12,44	8,82

Продолжение таблицы 3

Год	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
2013	10,74	11,46	11,63	11,48	11,15	11,83	12,00	10,93	11,36	12,82	7,77
2014	11,79	11,16	11,73	11,06	10,96	11,75	11,72	11,63	11,89	11,86	7,78
2015	10,81	10,9	11,11	11,15	10,54	11,15	11,62	10,25	11,72	12,35	10,34
2016	10,74	10,2	10,93	11,06	10,58	11,38	11,55	10,91	11,53	12,29	9,85
2017	10,68	10,68	10,04	10,04	10,16	11,07	10,95	12,08	11,5	11,00	11,33
2018	10,11	10,22	10,54	10,81	9,99	10,83	10,11	11,63	10,81	10,52	8,75
2019	10,76	9,73	11,46	10,26	10,05	11,28	10,39	11,12	10,7	9,59	8,40
2020	9,84	10,23	11,06	11,16	10,14	10,98	10,52	11,56	10,48	10,18	6,26
2021	9,69	8,82	9,26	9,17	9,47	10,03	9,36	10,03	9,69	8,85	8,7
2022	13,08	9,93	11,9	11,58	10,94	10,65	11,64	11,83	10,21	11,86	9,96
2023	13,64	11,35	13,65	11,16	12,01	12,35	12,44	11,76	13,26	12,02	17,72

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

На территории Дальневосточного федерального округа в период 2004–2023 гг. значительные колебания в мужской смертности привели к необычным скачкам в разрыве средней продолжительности жизни между полами.

Интересной демографической тенденцией в макрорегионе является также и тот факт, что непрерывное увеличение средней продолжительности жизни в регионах происходило на фоне роста и последующего снижения дифференциации в значениях ОПЖ между полами. Исключением выступает 2023 г., в котором во всех субъектах, кроме Забайкальского края, Камчатского края и Магаданской области, разрыв увеличивался за счет более быстрых темпов снижения женской смертности в сравнении с мужской.

Для того, чтобы определить степень межрегиональных различий в демографических показателях, многие исследователи используют среднеквадратичное (стандартное) отклонение [14; 15].

Чем больше значение среднеквадратичного отклонения, тем больший разброс (дивергенция) имеется в значении показателей ожидаемой продолжительности жизни в федеральном округе. Меньшие значения, наоборот, указывают на конвергенцию региональных значений между собой. Изменение среднеквадратичного отклонения в показателях средней продолжительности жизни на Дальнем Востоке представлено в табл. 4.

Данные табл. 4 свидетельствуют скорее о колебаниях, а не о постоянной тенденции к конвергенции/дивергенции во времени. В целом среднеквадратичное отклонение сократилось с 2,144 до 1,845, то есть за 2004–2023 гг. произошло снижение разброса регионов по показателям средней продолжительности жизни преимущественно за счет ускорения догоняющего роста продолжительности жизни в отстающих регионах Дальневосточного федерального округа. Уменьшение среднеквадратичного отклонения с 2,711 в 2004 г. до 1,378 в 2024 г. в показателях ОПЖ

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

у женского населения свидетельствует о конвергенции в его значениях. У мужчин, наоборот, налицо процесс дивергенции в показателях ожидаемой продолжительности жизни – величина среднеквадратичного отклонения выросла с 1,83 в 2004 г. до 2,351 в 2023 г. При этом в период выхода из пандемии COVID-19 мы наблюдаем нарастание процесса дивергенции в ОПЖ у мужского населения и заметного процесса конвергенции ОПЖ у женского населения. Отдельной задачей для будущих исследований становится выявление изменений в структуре причин смерти, повлиявших на данные процессы.

Таблица 4

Динамика значений среднеквадратичного отклонения в продолжительности жизни в ДФО

Table 4

Dynamics of the values of the standard deviation in life expectancy in the Far East

Год	Значение среднеквадратичного отклонения в показателях ожидаемой продолжительности жизни		
	общий	мужчины	женщины
2004	2,144	1,833	2,711
2005	2,062	1,891	2,397
2006	1,921	1,882	1,767
2007	2,066	1,981	1,803
2008	1,789	1,418	2,166
2009	2,418	2,250	2,256
2010	2,691	2,450	2,705
2011	1,855	1,588	2,151
2012	2,202	1,887	2,701
2013	2,034	1,644	2,399
2014	2,129	1,721	2,468
2015	1,939	1,947	1,814
2016	1,896	1,887	1,840
2017	1,426	1,622	1,381
2018	2,262	2,084	2,459
2019	1,413	1,356	1,496
2020	1,468	1,227	2,002
2021	1,474	1,423	1,587
2022	1,709	1,839	1,588
2023	1,845	2,351	1,378

Источник: составлено автором по данным Росстата¹¹

Рассмотрим, за счет каких возрастов произошло увеличение ожидаемой продолжительности жизни для мужского и женского населения в каждом субъекте ДФО. Структура вклада возрастных групп в изменение ОПЖ имеет существенные гендерные отличия (табл. 5–6).

У мужчин основной прирост продолжительности жизни был связан со снижением смертности в возрастах от 30 до 75 лет. Причем в большинстве регионов максимум вклада ассоциируется со снижением смертности в возрастах от 45 до 60 лет: в Амурской области (25,1%), Приморском крае (25,3%), Республике Бурятия (22,9%), Хабаровском (26,6%) и Забайкальском (29,8%) краях. Тогда как в Камчатском крае

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

(29,4%), Магаданской (35,7%) и Сахалинской (27,8%) областях наибольший прирост продолжительности жизни мужчин обусловило снижение смертности в группе 60–74 года. В Республике Саха (Якутия) значимость возрастных групп 45–59 лет и 60–74 года в приросте ОПЖ мужчин практически одинакова. Единственный регион Дальнего Востока, в котором максимальный вклад в увеличение ОПЖ мужчин внесло снижение смертности в средних возрастах 30–44 года (24%) – это Еврейская АО.

У женщин основной прирост ОПЖ был обеспечен за счет вклада возрастов старше 45 лет. К тому же в половине регионов максимум вклада связан с возрастной группой 60–74 года: Амурская область (27,1%), Еврейская АО (23,7%), Магаданская область (37,6%), Приморский край (25,1%), Забайкальский край (25,4%). В остальных территориях наибольший прирост СПЖ женщин обусловило сокращение смертности в самых старших возрастах (75 и выше).

Таким образом, главным движущим фактором изменения продолжительности жизни женщин выступают возраста старше 60 лет, что, вероятно, связано с работой медицинских учреждений. У мужчин же вклад возрастных групп старше 60 лет имеет не такой значительный вес, что может быть связано со снижением смертности, обусловленной, преимущественно, поведенческими факторами риска, что дало ожидаемое большее сокращение потерь трудоспособного населения за период 2004–2023 гг. (табл. 5)

Таблица 5
Вклад отдельных возрастных групп в изменение ОПЖ в ДФО в 2004–2023 гг. (лет)
Table 5

Contribution of age groups to changes in life expectancy in the Far East in 2004–2023 (years)														
Субъект	0–14		15–29		30–44		45–59		60–74		75+		Итого	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Амурская обл.	1,1	1,2	0,7	0,9	0,9	1,7	1,4	2,0	2,0	1,6	1,1	0,5	7,2	8,0
Еврейская АО	1,0	1,3	0,6	1,1	0,5	2,1	1,7	1,9	1,8	1,7	1,5	0,6	7,4	8,7
Камчатский край	0,3	1,1	0,3	0,5	0,5	0,4	0,7	1,4	2,1	2,0	2,2	1,4	6,1	6,7
Магаданская обл.	0,4	0,9	-0,1	0,1	0,3	0,2	1,1	1,5	2,3	2,2	2,1	1,2	6,1	6,1
Приморский край	0,7	0,9	0,6	0,9	0,8	1,0	1,2	1,7	1,6	1,6	1,4	0,6	6,4	6,7
Респ. Бурятия	0,8	1,1	0,8	1,3	0,9	1,8	1,5	1,9	1,8	1,5	2,0	0,7	7,8	8,4
Респ. Саха (Якутия)	0,6	1,1	0,5	1,4	0,9	1,6	1,2	1,9	2,6	1,9	2,9	1,3	8,8	9,1
Сахалинская обл.	1,0	0,5	0,3	0,6	0,9	1,2	1,3	2,0	2,2	2,2	2,4	1,5	8,1	8,0
Хабаровский край	0,9	1,0	0,6	0,8	0,8	1,6	1,2	2,3	1,6	1,8	1,9	1,1	7,1	8,6
Забайкальский край	0,4	0,8	1,1	1,2	1,3	1,5	1,8	2,1	1,9	1,4	0,9	0,1	7,5	7,2
Чукотский АО	0,9	-0,4	0,5	0,4	1,0	-0,3	0,3	1,1	4,5	1,8	11,8	1,1	18,9	3,7

Источник: рассчитано автором по данным Росстата¹²

Характерная черта роста продолжительности жизни в регионах Дальнего Востока – заметный вклад детских возрастных групп и молодежи (особенно у мужчин). В целом в рассматриваемых субъектах вклад возрастов 0–14 лет

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025). Различия с данными табл. 3 связаны с округлением чисел при расчете вкладов отдельных возрастных групп.

в женской популяции меньше, чем в мужской, за исключением Чукотского автономного округа (0,9 и -0,4 лет), где смертность девочек снизилась, а мальчиков выросла, и Сахалинской области (1,0 и 0,5 лет), где темпы сокращения смертности девочек были выше, чем у мальчиков.

Влияние возрастов 0–14 лет максимально в таких регионах, как Амурская область – 1,11 года (15,4%) у женщин, 1,24 года (15,6%) у мужчин; Еврейская АО – 0,96 лет (13,0%) у женщин, 1,28 лет (14,7%) у мужчин (табл. 6).

Таблица 6

Вклад отдельных возрастных групп в изменение ОПЖ в ДФО в 2004–2023 гг. (%)

Table 6

**Contribution of age groups to changes in life expectancy in the Far East
in 2004–2023 (%)**

Субъект	0–14		15–29		30–44		45–59		60–74		75+	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	ж	м	ж	м	ж
Амурская обл.	15,4	15,6	10,4	10,8	12,7	21,8	18,8	25,1	27,1	20,4	15,7	6,3
Еврейская АО	13,0	14,7	12,6	13,2	6,6	24,0	23,4	22,3	23,7	19,2	20,7	6,7
Камчатский край	5,2	16,8	6,0	7,1	8,2	6,2	10,6	20,0	33,7	29,4	36,3	20,4
Магаданская обл.	7,0	15,1	-0,7	1,1	5,0	2,4	17,4	25,2	37,6	35,7	33,6	20,5
Приморский край	10,5	14,0	10,1	13,4	13,1	15,0	19,1	25,3	25,1	23,1	22,1	9,2
Респ. Бурятия	10,2	13,5	10,8	15,6	11,5	21,4	18,7	22,9	22,7	18,2	26,1	8,5
Респ. Саха (Якутия)	6,3	12,0	6,8	15,4	10,7	17,9	13,4	20,5	30,0	20,2	32,9	13,9
Сахалинская обл.	11,9	6,7	4,5	7,5	10,8	15,2	16,3	24,9	26,8	27,8	29,7	18,0
Хабаровский край	12,7	12,2	9,1	8,7	11,0	19,0	17,6	26,6	23,0	21,0	26,8	12,5
Забайкальский край	4,9	11,5	15,2	16,7	17,6	21,2	24,6	29,8	25,4	18,9	12,4	1,9
Чукотский АО	4,8	-9,8	2,3	10,1	5,1	-6,8	1,8	28,5	23,9	47,9	62,1	30,2

Источник: рассчитано автором по данным Росстата¹³

Отличительной особенностью для женской популяции является незначительная доля вклада возрастных групп молодых трудоспособных возрастов от 15–29 лет в значение показателя ОПЖ. Исключение составляет Забайкальский край, в котором сокращение смертности в 15–29 лет внесло 15,2% в рост ОПЖ или 1,09 года. В Магаданской области за счет некоторого роста смертности девушек и молодых женщин в возрасте 15–29 лет вклад этой возрастной группы в динамику продолжительности жизни даже слабо отрицательный, составляет -0,04 года.

В возрастных группах 15–29 лет вклад мужчин в ожидаемую продолжительность жизни во всех субъектах Дальнего Востока выше, чем женщин. Наибольший темп снижения смертности молодых мужчин демонстрирует Республика Саха (Якутия), где продолжительность жизни выросла на 1,4 года.

Положительный вклад в динамику ожидаемой продолжительности жизни за счет возрастных групп 30–44 года отмечается также у мужчин в большей степени, чем у женщин. Исключением выступают северные регионы Дальневосточного федерального округа – Камчатский край (0,4 года против 0,5 у женщин), Магаданская область (0,2 лет против 0,3 у женщин) и Чукотский автономный округ (-0,3 года

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.01.2025).

против +0,3 года у женщин), в которых налицо незначительное сокращение или даже рост смертности мужчин на фоне более позитивных тенденций у женщин.

Во всех регионах Дальнего Востока вклад возрастных групп старшего трудоспособного возраста 45–59 лет больше в мужской популяции, чем в женской, что связано с существенно менее выраженными позитивными тенденциями смертности в этих возрастах у женщин в сравнении с мужским населением. Еще более выраженные подобные соотношения характерны для старших возрастов.

Обсуждение

Таким образом, в условиях роста продолжительности жизни на Дальнем Востоке происходит уменьшение межрегионального разброса в показателях ожидаемой продолжительности жизни у женщин и рост межрегионального разброса в показателе ОПЖ у мужчин.

Региональная конвергенция в показателях ОПЖ у женщин произошла за счет роста показателя во всех регионах, при этом максимальные вклады внесли как самый крайний по значению показателя регион (Чукотский автономный округ), так и самый лидирующий по показателю ОПЖ женского населения регион (Республика Саха (Якутия)).

Нарастание дивергенции в показателях ожидаемой продолжительности жизни мужчин на Дальнем Востоке связано со снижением продолжительности их жизни с 2022 г. сразу в 6 регионах – Чукотский автономный округ, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Амурская область, Магаданская область. Из этого следует, что самое пристальное внимание к вопросам смертности мужского населения в этих Дальневосточных регионах должно стать одним из приоритетов демографической политики.

Наибольший вклад в рост продолжительности жизни у женщин вносят возраста от 60 лет, что в первую очередь связано с большей медицинской активностью и самосохранительным поведением, о чем говорят результаты отдельных исследований [16–17]. В то же время у мужского населения вклад в рост ОПЖ вносят возраста до 60 лет, что связано со снижением смертности в трудоспособных возрастах, прежде всего от внешних причин [18].

Наибольшими резервами роста продолжительности жизни у мужчин за счет снижения смертности в детских возрастах и в наиболее трудоспособных возрастах 30–44 года обладает Чукотский автономный округ.

Дальнейшая демографическая политика на Дальнем Востоке должна быть нацелена на снижение смертности в тех возрастах и устранение причин смерти, где демографические потери самые существенные. Поэтому актуальной задачей будущих исследований вынужден стать анализ особенностей причин смертности мужского и женского населения в макрорегионе.

Выводы

Рост продолжительности жизни в 2004–2023 гг. в субъектах Дальнего Востока характеризует важная особенность – он произошел в основном за счет снижения смертности лиц старше трудоспособного возраста в женской популяции, а также снижения смертности в трудоспособных и детских возрастах в мужской.

Процесс снижения смертности охватил не все возрастные группы и не во всех регионах Дальнего Востока. Неблагоприятной тенденцией следует считать отрицательный вклад детских, молодых и средних возрастных групп в динамику продолжительности жизни в Магаданской области (за счет роста смертности женщин 15–29 лет) и Чукотском автономном округе (за счет роста смертности мужчин в возрасте 0–14 лет и 30–44 года).

Результаты проведенного нами исследования показывают, что в условиях роста продолжительности жизни происходит сближение регионов по показателям продолжительности жизни у женского населения и расхождение у мужского. Дивергенция продолжительности жизни мужчин свидетельствует о том, что в регионах Дальнего Востока нецелесообразно использовать единые механизмы повышения ОПЖ у мужчин, они должны быть адаптированы под текущую ситуацию со смертностью и заболеваемостью мужского населения в каждом регионе.

Список литературы

1. Исаев, А. Г. Теория, методы и практика пространственной экономики: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика П. А. Минакира / под общ. ред. А. Г. Исаева. Хабаровск : Институт экономических исследований ДВО РАН, 2024. 424 с. EDN [QWSZJP](#).
2. Авдеев, Ю. А. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату / Ю. А. Авдеев, В. Л. Ушакова // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 1. С. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24](#). EDN [EBFBEG](#).
3. Полянская, Е. В. Социально-экономические градиенты и детерминанты продолжительности жизни населения на территории Дальнего Востока / Е. В. Полянская, Л. Г. Манаков // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 1. С. 115–131. DOI [10.15838/ptd.2024.1.129.8](#). EDN [GOLBZJ](#).
4. Вишневский, А. Г. Избранные демографические труды. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. Москва : Наука, 2005. 368 с. ISBN 5-02-033776-5.
5. Мотрич, Е. Л. Проблемы и перспективы развития демографических процессов на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 67–76. EDN [YVPAPZ](#).
6. Полянская, Е. В. Анализ демографических тенденций Дальневосточного региона (на примере Амурской области) // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 3. С. 99–112. DOI [10.15838/ptd.2023.3.125.7](#). EDN [TVZFQO](#).
7. Хайруллин, Р. Н. Поведенческие предикторы ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации (по итогам Всероссийского выборочного наблюдения состояния здоровья населения в 2019 и 2023 гг.) / Р. Н. Хайруллин, Ч. И. Ильдарханова, Г. Н. Ершова // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. № 70 (4). Ст. 8. DOI [10.21045/2071-5021-2024-70-4-8](#).
8. Ivanova, A. E. Regional Differences in Life Expectancy in Russia Through the Lens of Epidemiological Transition / A. E. Ivanova, V. G. Semyonova, T. P. Sabgayda, E. V. Polyanskaya // Changing Societies & Personalities. 2024. Vol. 8, № 2. Pp. 351–374. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.278](#). EDN [IBYHND](#).
9. Рыбаковский, Л. Л. Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего Востока в общероссийских координатах (1959–2015 гг.) / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова, В. И. Савинков // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 3. С. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-3-01](#).
10. Новоселова, С. В. Основы демографии (Пособие) / С. В. Новоселова, М. Б. Денисенко. Минск : АЛБТИОРА-ЖИВЫЕ КРАСКИ, 2012. 138 с. ISBN 978-985-6831-73-0.
11. Andreev, E. M. Algorithm for Decomposition of Differences Between Aggregate Demographic Measures and Its Application to Life Expectancies, Healthy Life Expectancies, Parity-Progression Ratios and Total Fertility Rates / E. M. Andreev, V. M. Shkolnikov, A. Z. Begun // Demographic Research. 2002. № 7. P. 499–522. DOI [10.4054/demres.2002.7.14](#). EDN [LHLJDX](#).
12. Arriaga, E. E. Measuring and Explaining the Change in Life Expectancies // Demography. 1984. Vol. 21, № 1. Pp. 83–96.
13. Шур, А. Е. Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ / А. Е. Шур, С. А. Тимонин // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 108–133.

DOI [10.17323/demreview.v7i3.11638](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638). EDN CCZDJA.

14. Попова, Л. А. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 228–242. DOI [10.15838/esc.2019.6.66.13](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.13). EDN HINFEI.

15. Шубат, О. М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 3. С. 736–748. DOI [10.17059/2019-3-9](https://doi.org/10.17059/2019-3-9). EDN JUDROP.

16. Courtenay, W. H. Behavioral Factors Associated with Disease, Injury, and Death among Men: Evidence and Implications for Prevention // The Journal of Men's Studies. 2000. Vol. 9, № 1. Pp. 81–142. DOI [10.3149/jms.0901.81](https://doi.org/10.3149/jms.0901.81).

17. Зинькина, Ю. В. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин: обзор генетических, социальных и ценностных факторов / Ю. В. Зинькина, А. В. Коротаев // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 1. С. 106–126. DOI [10.17323/demreview.v8i1.12395](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12395). EDN GXRNIH.

18. Пьянкова, А. М. Резервы роста продолжительности жизни в северных регионах России / А. М. Пьянкова, Т. А. Фаттахов // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23, № 2. С. 89–96. DOI [10.17116/profmed20202302189](https://doi.org/10.17116/profmed20202302189). EDN GDZVDJ.

Сведения об авторе

Полянская Елена Викторовна, кандидат экономических наук, директор, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); РИНЦ SPIN-код: [9921-6511](https://elibrary.ru/9921-6511); Web of Science Researcher ID: [L-6244-2016](https://orcid.org/L-6244-2016).

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; принята в печать 24.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

LIFE EXPECTANCY IN THE RUSSIAN FAR EAST: DYNAMICS OF SPATIAL DIFFERENTIATION

Elena V. Polyanskaya

*Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration,
Blagoveshchensk, Russia*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

For citation: Polyanskaya, E. V. Life Expectancy in the Russian Far East: Dynamics of Spatial Differentiation. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.3).

Abstract. The article considers the features of life expectancy in the regions of the Far Eastern Federal District. The objective of the study is to analyze modern trends in life expectancy during the period of active demographic policy and to assess the contribution of age groups to the evolution of life expectancy (LE) of men and women in the regions of the Far Eastern Federal District. The author conducted a statistical analysis of official data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) on life expectancy indicators in the Far East as a whole, broken down by region, year, and gender. A decomposition of shifts in life expectancy of men and women in the regions of the Far East for the period 2004–2023 was carried out. It was found that the structure of the contribution of age groups to the growth of life expectancy of the population has significant gender and regional differences. For women, the main contribution to the growth of life expectancy is provided by older age groups from 60 years and older, for men, on the contrary, by younger age groups under 60 years. There are also processes of increasing differentiation in the indicators of life expectancy of the male and female population within the regions after the COVID-19 pandemic. At the same time, the maximum gender differences in life expectancy are noted in the Chukotka Autonomous Okrug, the Republic of Buryatia and the Zabaikalsky Krai. It has been proven that in the context of increasing life expectancy in the Far East, there are processes of convergence in life expectancy indicators for women and divergence for men, which have been increasing since 2022.

Keywords: life expectancy, convergence, divergence, region, Far Eastern Federal District

References

1. Isaev, A. G. *Teoriya, metody i praktika prostranstvennoy ekonomiki [Theory, Methods, and Practice of Spatial Economics]: A Collection of Articles Based on the Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation in Memory of Academician P. A. Minakir*. Ed. by A. G. Isaev. Khabarovsk: Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 424 p. (In Russ.).
2. Avdeev, Yu. A., Ushakova, V. L. Demographic Challenges, or Why the Demographic Policy of the Far East Does Not Lead to the Desired Result. *Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24). (In Russ.).
3. Polyanskaya, E. V., Manakov, L. G. Socio-Economic Gradients and Determinants of Life Expectancy in the Far East. *Problems of Territory's Development*. 2024. Vol. 28, No. 1. Pp. 115–131. DOI [10.15838/ptd.2024.1.129.8](https://doi.org/10.15838/ptd.2024.1.129.8). (In Russ.).
4. Vishnevsky, A. G. *Izbrannyye demograficheskiye trudy. T. 1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya [Selected demographic works. Vol. 1. Demographic theory and demographic history]*. Moscow : Nauka Publ., 2005. 368 p. ISBN 5-02-033776-5. (In Russ.).
5. Motrich, E. L. Problems and Prospects for the Development of Demographic Processes in the Far East of Russia. *Science. Culture. Society*. 2018. No. 4. Pp. 67–76. (In Russ.).
6. Polyanskaya, E. V. Analysis of Demographic Trends in the Far Eastern Region (on the Example of the Amur Oblast). *Problems of Territory's Development*. 2023. Vol. 27, No. 3. Pp. 99–112. DOI [10.15838/ptd.2023.3.125.7](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.3.125.7). (In Russ.).
7. Khairullin, R. N., Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N. Behavioral Predictors of Life Expectancy in the Russian Federation (Based on the Results of the All-Russian Sample Observation of Health in 2019 and 2023). *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social aspects of population health]*. 2024. No. 70 (4). Article 8. DOI [10.21045/2071-5021-2024-70-4-8](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-4-8). (In Russ.).
8. Ivanova, A. E., Semyonova, V. G., Sabgayda, T. P., Polyanskaya, E. V. Regional Differences in Life Expectancy in Russia Through the Lens of Epidemiological Transition. *Changing Societies & Personalities*. 2024. Vol. 8, No. 2. Pp. 351–374. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.278](https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.278).
9. Rybakovsky, L. L., Kozhevnikova, N. I., Savinkov, V. I. Life Expectancy of the Population of Siberia and the Far East and Its Dynamics in Russian National Coordinates. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 3. Pp. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-3-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-01). (In Russ.).
10. Novoselova, S. V., Denisenko, M. B. *Osnovy demografii [Fundamentals of demography] (Manual)*. Minsk : “ALTIORA-LIVING COLORS” Publ., 2012. 138 p. (In Russ.).
11. Andreev, E. M., Shkolnikov, V. M., Begun, A. Z. Algorithm for Decomposition of Differences Between Aggregate Demographic Measures and Its Application to Life Expectancies, Healthy Life Expectancies, Parity-Progression Ratios and Total Fertility Rates. *Demographic Research*. 2002. No. 7. P. 499–522. DOI [10.4054/demres.2002.7.14](https://doi.org/10.4054/demres.2002.7.14).
12. Arriaga, E. E. Measuring and Explaining the Change in Life Expectancies. *Demography*. 1984. Vol. 21, No. 1. Pp. 83–96.
13. Shchur, A. E., Timonin, S. A. Center-Peripheral Differences in Life Expectancy in Russia: Regional Analysis. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 108–133. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11638](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638). (In Russ.).
14. Popova, L. A., Zorina, E. N. Regional Reserves for Raising Life Expectancy in the Conditions of Convergence of Its Level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12, No. 6. Pp. 228–242. DOI [10.15838/esc.2019.6.66.13](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.13). (In Russ.).
15. Shubat, O. M. Regional Convergence of Fertility in Russia. *Economy of Region*. 2019. Vol. 15, No. 3. Pp. 736–748. DOI [10.17059/2019-3-9](https://doi.org/10.17059/2019-3-9). (In Russ.).
16. Courtenay, W. H. Behavioral Factors Associated with Disease, Injury, and Death among Men: Evidence and Implications for Prevention. *The Journal of Men's Studies*. 2000. Vol. 9, No. 1. Pp. 81–142. DOI [10.3149/jms.0901.81](https://doi.org/10.3149/jms.0901.81).
17. Zinkina, Yu. V., Korotayev, A. V. The Gender Gap in Life Expectancy: A Review of Genetic, Social and Value Factors. *Demographic Review*. 2021. Vol. 8, No. 1. Pp. 106–126. DOI [10.17323/demreview.v8i1.12395](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12395). (In Russ.).
18. Pyankova, A. M., Fattakhov, T. A. Potential of the Increase of Life Expectancy in the Northern Regions of Russia. *Russian Journal of Preventive Medicine*. 2020. Vol. 23, No. 2. Pp. 89–96. DOI [10.17116/prof-med20202302189](https://doi.org/10.17116/prof-med20202302189) (In Russ.).

Bio note

Elena V. Polyanskaya, Candidate of Economic Sciences, Director, Leading Researcher, Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshchensk, Russia.

Contact information: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); RSCI SPIN code: [9921-6511](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=9921-6511); Web of Science Researcher ID: [L-6244-2016](https://orcid.org/L-6244-2016).

Received on 23.01.2025; accepted for publication on 24.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.4)EDN [UMHZTY](https://edn.umhztu.ru)

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ

Кашепов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования: Кашепов, А. В. Проблемы занятости населения старшего поколения в период повышения пенсионного возраста в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 55–70. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.4). EDN [UMHZTY](https://edn.umhztu.ru).

Аннотация. Предметом работы является баланс трудовых ресурсов Российской Федерации на среднесрочную перспективу с учетом специфики занятости старшего поколения и других возрастных групп населения. Рассматривается влияние на занятость населения экономики и других внешних по отношению к рынку труда процессов и явлений. Актуальность исследования предопределяется современными изменениями в политике, экономике и демографической ситуации, среди которых реформа пенсионного возраста, пандемия COVID-19, специальная военная операция (СВО) на Украине и резкий рост оборонных расходов. Цель заключается в тестировании традиционной методологии баланса трудовых ресурсов как инструмента интеграции потоков экономической, демографической информации и учета политической ситуации в процессе прогнозирования занятости населения. В результате исследования разработаны варианты оценки и прогнозы на 2025–2027 гг. численности и структуры трудовых ресурсов России, в том числе трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, лиц за пределами трудоспособного возраста и трудовых мигрантов, занятых и безработных. Ожидается, что в среднесрочной перспективе сохранится тренд экономического роста, который будет оказывать постепенно ослабевающее давление на рынок труда, поддерживая сформировавшийся в течение 2010–2020-х гг. системный дефицит трудовых ресурсов, и создавать базу для конкуренции работодателей за рабочую силу и повышения заработной платы. Демографическая ситуация в среднесрочной перспективе будет складываться из периодических подъемов номинальной численности населения трудоспособного возраста в ходе заключительного этапа пенсионной реформы, которые не окажут значительного влияния на количество рабочей силы. Регулирующая роль в численности трудовых ресурсов и рабочей силы сохранится за внешней трудовой миграцией. Безработица останется на нынешнем уровне, который в макроэкономическом смысле стремится к нулю.

Ключевые слова: баланс трудовых ресурсов, рынок труда, экономический рост, спрос на труд, предложение труда, занятость, старшее поколение

Введение

Относительный недостаток численности трудовых ресурсов, возникающий по демографическим причинам, во многих странах мира выступает в качестве ограничителя экономического роста. Сталкиваясь с замедлением экономического роста и старением населения, эти страны пытаются действовать в нескольких направлениях: увеличивают заработную плату, способствуют повышению производительности труда, регулируют внешние миграционные потоки и пытаются максимизировать использование имеющихся трудовых ресурсов. В частности, стимулировать

выход на рынки труда тех категорий взрослого населения, которые в предшествующий период находились «вне рабочей силы», включая женщин и представителей старшего поколения. В ситуации, когда экономический рост обеспечивается повышением государственных расходов, как это происходит в РФ в 2020-е гг., при этом возникает и усиливается системный дефицит кадров, исследование экономической роли населения старшего поколения является актуальным.

Под «старшим поколением» в данной работе подразумеваются лица предпенсионных и первых лет пенсионного возраста.

Обзор литературы и источников

Положение пожилых людей на рынке труда имеет значение для анализа занятости, указывают Р. Г. Эренберг, Р. С. Смит [1, с. 260–263]. «Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения» МОТ от 04.06.1952 г. устанавливает минимальные нормативы пенсионных выплат¹. Рекомендация МОТ от 23.06.1980 г. «О пожилых трудящихся» определяет их как «трудящихся, которые с возрастом могут испытывать трудности в области труда и занятий»².

Занятость старшего поколения в РФ исследовали Ю. В. Сони́на и М. Г. Колосни́цына [2], демографические и экономические последствия пенсионной реформы 2018 г. анализировал А. В. Кашепов [3; 4], занятость населения пенсионного возраста в современный период изучали О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Т. С. Хроленко, Г. В. Ниорадзе [5]. Дефициту кадров в экономике и его демографическим последствиям посвящены работы Р. И. Капелюшников [6], Г. Л. Подвойского, В. А. Прокудина [7], Э. Д. Рубинской [8], В. Е. Гимпельсона³. Анализ актуального экономического положения в стране содержится в публикации А. Л. Ведева, К. А. Тузова, В. А. Еремкина [9].

Методы исследования

Основным методом анализа и прогноза занятости в статье является метод баланса трудовых ресурсов. Помимо баланса трудовых ресурсов в работе используются методы ретроспективного анализа статистических данных, аналитических таблиц, корреляции и регрессии.

¹ C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No. 102) // International Labour Organization : [site]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312247 (accessed on 01.04.2025).

² R162 – Older Workers Recommendation, 1980 (No. 162) // International Labour Organization : [site]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312500:NO (accessed on 01.04.2025).

³ Колесников, А. «Пожилым придется делать работу молодых». Владимир Гимпельсон – о том, что происходит на рынке труда // Журнал «Горби» : [сайт]. URL: <https://gorby.media/articles/2025/05/20/pozhilym-pridetsia-delat-rabotu-molodykh> (дата обращения: 01.04.2025).

В качестве источников данных выступают серии экономических и демографических сборников и бюллетеней Федеральной службы государственной статистики (Росстата)⁴, а также документы Министерства экономического развития⁵.

Экономическая ситуация и спрос на труд

Балансовая методология прогнозирования трудовых ресурсов и занятости состоит в том, что перспективная численность рабочих мест (спрос на труд) прогнозируется на основе предвидения макроэкономической ситуации – как правило, исходя из ожидаемой динамики валового внутреннего продукта (ВВП), производительности труда, инвестиций и других предикторов. Если прогнозирующий субъект не имеет технической базы для автономного прогнозирования макроэкономических параметров, он использует данные официальных прогнозов. В данной работе используются показатели динамики ВВП из прогноза Министерства экономического развития на период до 2027 г. В этом случае горизонт прогнозирования привязывается к временному интервалу соответствующего официального прогноза. Предложение труда – трудовые ресурсы, рабочая сила, рассчитываются исходя из демографических прогнозов численности основных половозрастных групп населения. Здесь так же, как при оценке предложения – прогнозист может рассчитать перспективные параметры автономно или использовать готовые, из официальных публикаций Росстата.

Прогноз трудовых ресурсов, таким образом, выглядит как «мост», соединяющий официальные макроэкономические и демографические прогнозы, или как «надстройка» над ними. При этом он может предупреждать о возможных рисках, которые не были зафиксированы в официальных публикациях. В то же время главной целью работы в рамках данной методологии является не опровержение официальных макроэкономических и демографических прогнозов, а поиск баланса между ними – в том числе определение численности трудовых ресурсов, рабочей силы, безработных и уровня безработицы на перспективу. Дополнительной целью прогнозирования может быть сопоставление прогнозов разных ведомств с целью проверки их адекватности происходящим или ожидаемым изменениям. Так, например, прогнозы Министерства экономического развития на среднесрочную

⁴ Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.02.2025); Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025); Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.02.2025); Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 01.02.2025); Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.02.2025); Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3a.xls (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Прогнозы социально-экономического развития // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

перспективу, опубликованные одновременно с началом повышения пенсионного возраста в 2018–2019 гг., в части численности рабочей силы и безработных, оказались не адекватными возможным рискам, их пришлось корректировать разработчикам неофициальных прогнозов [3].

После «санкционной» рецессии 2022 г. в РФ начался экономический рост, который в 2023 г. составил 104,1%, а в 2024 г. – 104,3%⁶. Основными факторами роста стали экспансия оборонных расходов и быстрая переориентация экономики и экспорта в условиях санкций с «запада» на «восток». РАНХиГС выделяет в качестве основных факторов «состояние внешней торговли, отношения между российским и иностранным бизнесом, политику правительства и Банка России» [9]. Прогнозы ВВП РФ на среднесрочную перспективу, которые можно использовать для построения баланса трудовых ресурсов, были разработаны Министерством экономического развития⁷, РАНХиГС [9] и другими авторами. Применение сложных многофакторных математических моделей не гарантирует прогнозы от ошибок, поэтому тренды прогнозов Министерства экономического развития РФ и РАНХиГС, разработанных в 2024 г., уже к концу названного года, пошли значительно ниже линии отчетных данных. Исходя из этого, при расчетах прогноза спроса на труд для данной статьи, значения годового роста ВВП из этих прогнозов (1,4–1,7% в 2025–2027 гг.) были приняты в качестве «низкого варианта», а «высокий вариант» был условно оценен автором в 3,5% годовых. Эти варианты прогнозов динамики ВВП показаны в табл. 1.

Таблица 1

Прогнозы численности занятых (спроса на труд) в увязке с ростом валового внутреннего продукта РФ на среднесрочную перспективу

Table 1

Forecasts of the number of employed (demand for labor) in relation to the growth of the gross domestic product of the Russian Federation in the medium term

Показатель	Вариант	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.
Динамика ВВП (раз к предыдущему году)	Низкий	1,043	1,015	1,014	1,017
	Высокий	-	1,035	1,035	1,035
Динамика численности занятых (раз к предыдущему году)	Низкий	1,008	1,003	1,003	1,004
	Высокий	-	1,008	1,008	1,008
Численность занятых (спрос на труд) (млн человек)	Низкий	74,2	74,4	74,6	74,9
	Высокий	-	75,0	75,4	76,0

Источник: рассчитано автором на основе отчетных данных Росстата⁸ и прогнозов Минэкономразвития РФ⁹

⁶ Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 01.04.2025).

⁷ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

⁸ Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025).

⁹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html

В соответствии с методологией баланса трудовых ресурсов, имея вариантный прогноз динамики ВВП, можно рассчитать показатели перспективного спроса на труд. Единицами спроса в таких расчетах выступают условные рабочие места, а получаемый показатель совместим с ретроспективным статистическим рядом «численность населения, занятого в экономике».

Коэффициент корреляции годовых показателей роста численности занятых в разгах к предыдущему году и динамики ВВП в сопоставимых ценах, в разгах к предыдущему году, за период 2010–2024 гг. составляет 0,59. Уравнение линейной регрессии между этими показателями имеет невысокий коэффициент детерминации $R^2=0,35$, математико-статистическая программа оценивает его как «адекватное исходным данным», что делает возможным его применение для прогнозирования. Форма уравнения:

$$\Delta ЧЗ = 0,752 + 0,248 * \Delta ВВП, \quad (1)$$

где $\Delta ВВП$ – годовой темп роста ВВП,

$\Delta ЧЗ$ – годовой темп роста численности занятых.

Подставляя в уравнение (1) данные $\Delta ВВП$ из табл. 1, получаем, что $\Delta ЧЗ$ в 2025 г. может составить от 100,3% до 100,8%. Данная оценка и аналогичные расчеты на 2026–2027 гг. показаны в табл. 1. Таким образом, численность занятых, которая в перспективе рассматривается как «спрос на труд в национальном хозяйстве» или «число функционирующих рабочих мест», может увеличиться с 74,2 млн человек в 2024 г. до 74,4–75,0 млн человек в 2025 г. Расчеты по формуле (1) на 2026–2027 гг. также продублированы непосредственно в балансе трудовых ресурсов (табл. 2). Предполагается, что численность занятых в экономике может вырасти до 74,6–75,4 млн человек в 2026 г. и 74,9–76,0 млн человек в 2027 г., против 74,2 млн человек в 2024 г.

Системный дефицит рабочей силы в гражданском сегменте экономики, предпосылки которого формировались давно, обострился в 2022–2024 гг. в результате резкого увеличения спроса на труд под влиянием оборонных расходов и частичной мобилизации. Под системным дефицитом рабочей силы в данной статье подразумевается дефицит, который, во-первых, носит всеобщий характер, охватывая в различной степени все регионы и отрасли национальной экономики, и во-вторых, проявляет взаимосвязь с базисными макроэкономическими категориями и процессами – ВВП, инфляцией и т. д. Дефицит кадров может быть компенсирован иностранной трудовой миграцией, если ее не сдерживают институциональные и политические факторы. Р. И. Капелюшников (НИУ ВШЭ) характеризует дефицит кадров как «навес вакансий» и утверждает, что его «пусковым механизмом послужили два мощных негативных шока – коронакризис 2020 г. и второй санкционный кризис 2022 г.» [6]. Г. Л. Подвойский и В. А. Прокудин (Институт экономики РАН) считают, что абсолютная величина дефицита кадров в 2023 г. была примерно эквивалентна 4,8 млн человек [7]. Э. Д. Рубинская (РГЭУ) считает, что «оперативно сбалансировать ситуацию с дефицитом рабочей силы на отечественном рынке труда возможно лишь привлечением трудовых мигрантов из-за рубежа» [8]. В. Е. Гимпельсон (НИУ

ВШЭ) предполагает, что в эпоху дефицита кадров, «пожилым нужно будет учиться делать работу молодых»¹⁰.

Предложение труда старшего поколения и баланс трудовых ресурсов

Задачей прогноза трудовых ресурсов является сопоставление социально-демографического предложения труда с экономическим спросом на рабочую силу и, исходя из этого, определение возможных масштабов и уровня безработицы (или дефицита кадров) на перспективу. Последний по времени отчетный баланс трудовых ресурсов на момент написания данной статьи был опубликован Росстатом по состоянию на 2022 г. (табл. 2). В 2006–2016 гг. численность трудовых ресурсов была довольно стабильна – около 92 млн человек, потом, вследствие сокращения численности населения трудоспособного возраста и колебаний численности трудовых мигрантов, к 2018 г. уменьшилась до 89,7 млн человек, что и послужило одной из причин пенсионной реформы. В 2022 г., в результате повышения пенсионного возраста, численность трудовых ресурсов вернулась к 91,6 млн человек

Таблица 2

Баланс трудовых ресурсов РФ на период до 2027 г. (млн человек)

Table 2

The balance of labor resources of the Russian Federation for the period up to 2027 (million people)

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г. (оценка)	2026 г. (прогноз)	2027 г. (прогноз)
Трудовые ресурсы, в том числе:	90,5	91,6	-	-	91,9	92,9	92,7
трудоспособное население в трудоспособном возрасте	80,2	81,5	-	-	81,9	83,2	83,1
иностранцы трудовые мигранты	3,1	3,5	-	-	3,4	3,3	3,2
лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике	7,2	6,6	-	-	6,6	6,4	6,4
Население в трудоспособном возрасте (за 2025–2027 гг. средний вариант Росстата)	84,4	83,4	84,7	-	84,4	85,8	85,6
Рабочая сила, в том числе:	75,4	74,9	76,0	76,1	75,8	76,6	76,5
Занятые в экономике	71,7	72,1	73,6	74,2	74,4-75,0	74,6-75,4	74,9-76,0
Безработные	3,6	3,0	2,4	1,9	0,8-1,4	1,2-2,0	0,5-1,6
Уровень безработицы (%)	4,8	3,9	3,2	2,5	1,0-1,8	1,6-2,7	0,6-2,0

Источник: рассчитано автором на основе отчетных данных Росстата¹¹, прогнозов Росстата¹² и Минэкономразвития РФ¹³

¹⁰ Колесников, А. «Пожилым придется делать работу молодых». Владимир Гимпельсон – о том, что происходит на рынке труда // Журнал «Горби»: [сайт]. URL: <https://gorby.media/articles/2025/05/20/pozhilym-prividetsia-delat-rabotu-molodykh> (дата обращения: 01.04.2025).

¹¹ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 01.02.2025); Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025).

¹² Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3a.xls (дата обращения: 01.02.2025).

¹³ Прогнозы социально-экономического развития // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy>

Прогностический баланс трудовых ресурсов требует проведения перспективных расчетов исходя из прогноза численности населения по социально-демографическим группам. В данной статье для этого используется последняя по времени публикации «Предположительная численность населения Российской Федерации», выпущенная Росстатом в 2023 г.

Главным компонентом баланса трудовых ресурсов, определяющим предложение на макрорынке труда, является «численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте», то есть население трудоспособного возраста за вычетом инвалидов и льготных (досрочных) пенсионеров. Расчет численности «трудоспособного населения в трудоспособном возрасте» можно выполнить исходя из соотношения отчетных величин данного показателя с «численностью населения в трудоспособном возрасте». В прогнозе, представленном в табл. 2, таким способом было определено, что в 2025–2027 гг. численность данной группы населения может составить 81,9–83,2 млн человек.

Основные изменения в балансе трудовых ресурсов в конце 2010-х-начале 2020-х гг. были связаны с повышением пенсионного возраста. В «Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации», принятой в 2012 г., ставилась задача к 2030 г. обеспечить «коэффициент замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате; обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера» и другие, повышение пенсионного возраста не предусматривалось¹⁴. Решение о повышении пенсионного возраста было оформлено Федеральным законом № 350-ФЗ от 03.10.2018 г.¹⁵ Возможные экономические и социальные последствия принятия данного закона не были надлежащим образом спрогнозированы правительственными ведомствами, или эти прогнозы не публиковались. Поэтому после выхода закона № 350-ФЗ был разработан авторский прогноз-предупреждение о балансе трудовых ресурсов на период до 2023 г. [3]. Был составлен следующий перечень рисков от предстоящего повышения пенсионного возраста: возможность увеличения численности населения в трудоспособном возрасте на несколько миллионов человек, рост предложения на рынке труда с последующим увеличением безработицы. Предполагалось относительное уменьшение доходов работающих пенсионеров в возрасте 55 (60) +, так как раньше они могли получать заработную плату и пенсию, а теперь будут получать только заработную плату. Также предполагалось, что женщины в возрасте 55–60 лет, которые раньше «работали бабушками», теперь не смогут этим заниматься, что будет отрицательно сказываться на рождаемости [3]. Часть этих прогнозов оправдались, часть оправдались частично вследствие того, что

socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rf-na-2025-god-i-na-planovyy-period-2026-i-2027-godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. N 2524-р О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70290226/> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁵ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. N 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72066782/> (дата обращения: 01.02.2025).

пенсионная реформа совпала по времени с COVID-19 и рядом других непрогнозируемых событий [4].

Как показано на графиках рис. 1–2, во время первого раунда пересмотров границы пенсионного возраста в 2019 г. численность населения трудоспособного возраста увеличилась на 1,3 млн человек, а пенсионного уменьшилась на 1,4 млн человек по отношению к предыдущему году. Во время второго раунда в 2021 г. к числу трудоспособных по возрасту прибавилось 2,5 млн человек, от численности лиц пенсионного возраста убавилось 1,6 млн человек. Увеличение численности трудоспособного населения в 2021 г. было бы больше, если бы не избыточная смертность от COVID-19. Следующий раунд повышения возрастной границы в 2024 г., по предварительным оценкам (исходя из прогнозов 2023 г.¹⁶), мог принести в категорию населения трудоспособного возраста еще 1,3–1,4 млн человек. Соответствующая отчетность будет опубликована Росстатом в конце 2025 г. Раунд 2026 г. может добавить к населению трудоспособного возраста еще примерно 1,4–1,6 млн человек, и раунд 2028 г. 1,5–1,7 млн человек. После чего снова начнется сокращение численности населения в трудоспособном возрасте под влиянием демографических процессов.

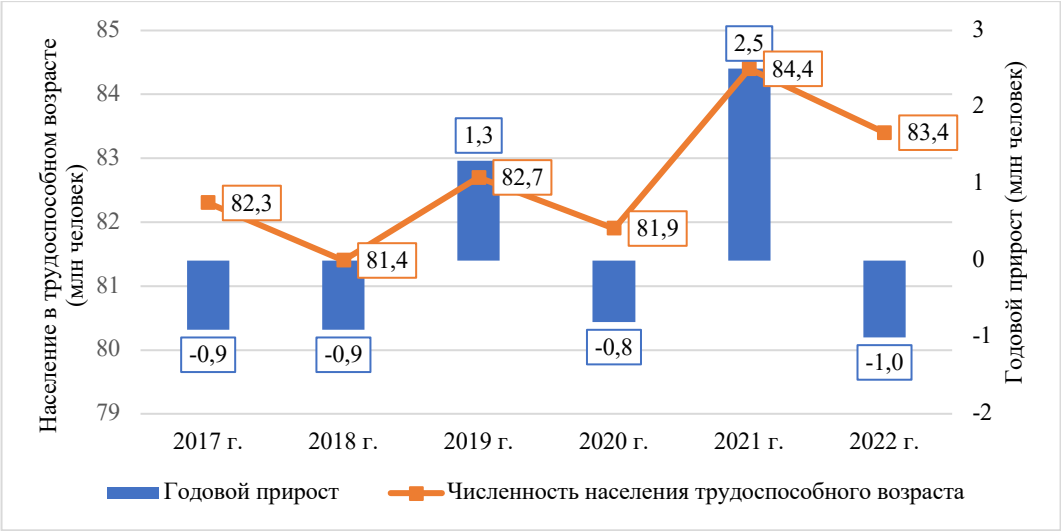

Рис. 1. Численность населения в трудоспособном возрасте и его прирост в 2017–2022 гг., на конец года (млн человек¹⁷)

Fig. 1. Working-age population and its growth in 2016–2022, at the end of the year (million people)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁸

¹⁶ Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3a.xls (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁷ Здесь и далее численность возрастных групп населения приводится в соответствии с публикациями Росстата 2023–2024 гг., то есть с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.

¹⁸ Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xlsx> (дата обращения: 01.04.2025).

Как показано на рис. 2, численность населения пенсионного возраста прошла «исторический» максимум в 2018 г. – 38,0 млн человек и к последней по времени отчетной оценке Росстата (2022 г.) сократилась до 35,8 млн человек.

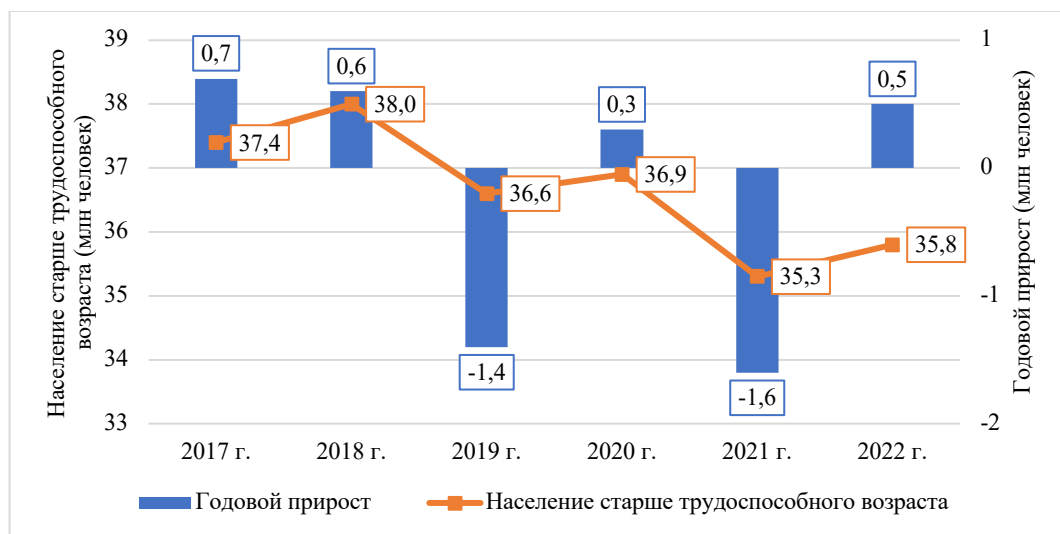

Рис. 2. Численность населения старше трудоспособного возраста и его прирост в 2017–2022 гг., на конец года (млн человек)

Fig. 2. The population over the working age and its growth in 2016–2022, at the end of the year (million people)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁹

Как показано на рис. 3, в 2019 г. численность пенсионеров в РФ прошла свой «исторический» максимум в 46,5 млн человек, из них пенсионеры по старости составляли 36,7 млн человек, а «нагрузка» общей численности пенсионеров на 1 000 человек населения составляла 314,5. К 2024 г. общее количество пенсионеров сократилось до 41,1 млн человек, в том числе по старости до 33,4 млн человек, а «нагрузка» опустилась до 281,1. Официальная точка зрения на реформу пенсионного возраста 2018 г. состояла в том, что она не только увеличит численность трудовых ресурсов в стране, но и повысит уровень доходов «оставшихся» пенсионеров, в том числе пенсионеров по старости. Однако этого не произошло: коэффициент замещения утраченной заработной платы у неработающих пенсионеров на протяжении большинства лет пореформенного периода снижался [4].

¹⁹ Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xlsx> (дата обращения: 01.04.2025).

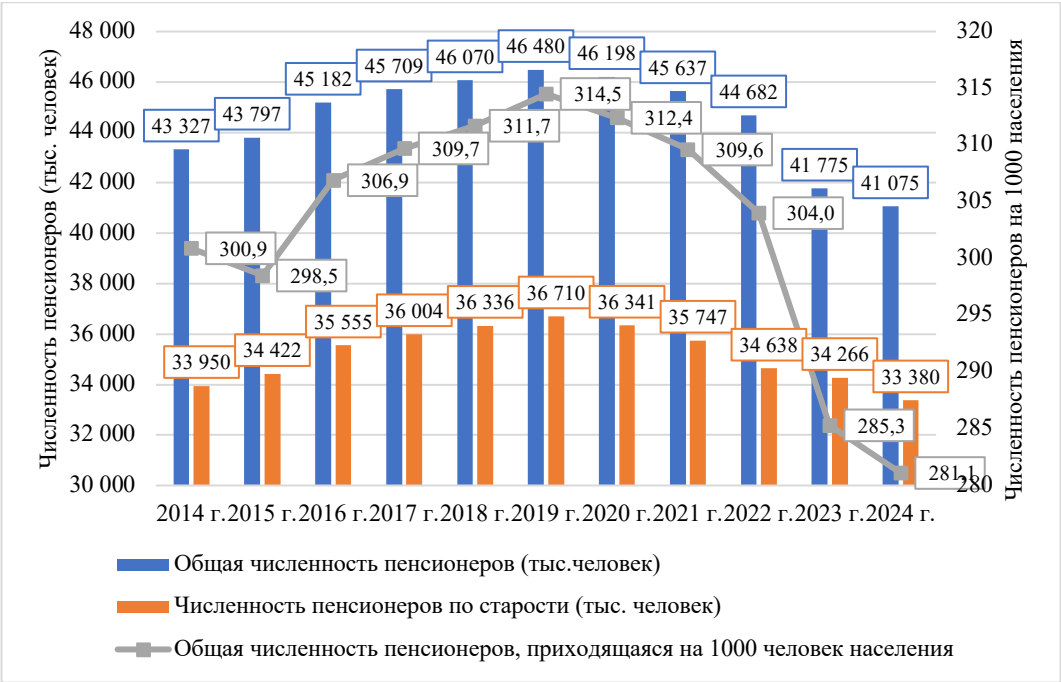

Рис. 3. Общая численность пенсионеров, численность пенсионеров по старости и нагрузка общей численности пенсионеров на 1 000 человек населения
Fig. 3. The total number of pensioners, the number of old-age pensioners and the burden of the total number of pensioners per 1 000 population

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата²⁰

Основные пропорции этого снижения за 2018–2024 гг. позволяет оценить табл. 3, где рассчитано соотношение средней назначенной пенсии и средней начисленной заработной платы. С 2018 по 2024 гг. указанное соотношение сократилось с 30,6% до 23,8%, несмотря на повышение номинального размера пенсий в 2022–2024 гг., и значительно отставало от норматива 40%, рекомендованного МОТ и предусмотренного стратегическими программами РФ²¹. Соотношение среднего размера пенсий с прожиточным минимумом пенсионера в 2024 г. было примерно на том же уровне, что и в 2018 г. (табл. 3).

²⁰ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 01.04.2025); Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 1.04.2025).

²¹ C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No. 102) // International Labour Organization : [site]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312247 (accessed on 01.04.2025); Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. N 2524-р О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70290226/> (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 3

Средний размер назначенных пенсий (на конец года) в сопоставлении со средней заработной платой и прожиточным минимумом пенсионера

Table 3

The average amount of pensions awarded (at the end of the year) in comparison with the average salary and the minimum subsistence level of a pensioner

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Среднемесячная начисленная заработная плата наемных работников (руб.)	43 724	47 867	51 344	57 244	65 338	74 854	87 952
Средний размер назначенных пенсий, в среднем за год (руб.)	13 360,2	14 163,4	14 985,5	16 641,5	17 824,7	19 489,7	20 963,8
Величина прожиточного минимума пенсионера (руб.)	8 483	9 002	9 308	10 022	11 970	12 363	13 290
Соотношение среднего размера назначенных пенсий (%)							
с величиной прожиточного минимума пенсионера	157,5	157,3	161,0	166,0	148,9	157,6	157,7
со средним размером начисленной заработной платы	30,6	29,6	29,2	29,1	27,3	26,0	23,8

Источник: составлено автором по данным Росстата²²

После реформы 2018 г. сократилась численность работающих пенсионеров. Учет работающих пенсионеров в ПФР-СФР отличается от их учета в Росстате, показатель численности «работающих пенсионеров» статистики ПФР на начало 2016 г. составлял 15,2 млн человек и более чем вдвое превышал среднегодовую численность работающих пенсионеров, согласно Росстату. К началу 2018 г. этот показатель уменьшился до 9,7 млн человек (из них 8,6 млн человек по старости) и к началу 2025 г. – до 8,2 млн человек (6,9 млн человек по старости)²³.

В табл. 4 представлены экономическая активность и занятость мужчин и женщин старшего поколения и их изменение за годы реформы пенсионного возраста. В сопоставимых возрастных группах число работающих (экономически активных) пожилых мужчин значительно больше, чем пожилых женщин. Преобладание числа работающих мужчин над числом работающих женщин значительно увеличилось в период нарастающего системного дефицита кадров в 2022-2024 гг. Например, в возрастной группе работающего населения 60-69 лет число занятых мужчин в 2024 г. было больше числа женщин на 24%, несмотря на то, что преобладание общей численности женщин этого поколения над численностью мужчин велико, и их смертность в этой возрастной категории меньше, чем у мужчин.

²² Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.02.2025); Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025); Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 01.04.2025); Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.04.2025).

²³ Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.4_2025.xlsx (дата обращения: 02.02.2025).

Таблица 4

**Рабочая сила, занятые и безработные мужчины 60–69 лет и женщины
по возрастным группам 55–69 лет**

Table 4

**Labor force, employed and unemployed men aged 60–69 years and women
by age group 55–69 years**

На конец года (тыс. человек)	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Прирост за 2018–2024 гг.
Занятые								
Женщины 55-59	3 408	3 471	3 507	3 616	3 774	3 660	3 710	302
Женщины 60-69	1 984	2 109	2 121	2 120	2 228	2 397	2 638	654
Мужчины 60-69	2 015	2 210	2 248	2 492	2 720	3 058	3 259	1 244
Всего занятых по трем группам	7 407	7 790	7 876	8 228	8 722	9 116	9 607	2 200
Безработные								
Женщины 55-59	87	110	120	183	90	81	77	-10
Женщины 60-69	46	68	81	39	24	55	55	9
Мужчины 60-69	68	71	93	72	70	43	43	-25
Всего безработных по трем группам	201	249	294	294	184	180	176	-25
Рабочая сила								
Женщины 55-59	3 495	3 581	3 627	3 799	3 865	3 742	3 787	292
Женщины 60-69	2 030	2 177	2 202	2 159	2 252	2 453	2 681	651
Мужчины 60-69	2 083	2 281	2 341	2 564	2 765	3 145	3 324	1 241
Всего рабочей силы по трем группам	7 608	8 039	8 170	8 522	8 882	9 340	9 792	2 184

Примечание: сумма занятых и безработных по некоторым столбцам в данной базе данных Росстата не выходит на численность рабочей силы

Источник: составлено автором по данным Росстата ²⁴

Получается, что мужчины старшего поколения более экономически активны, чем женщины. Можно предположить, что в пожилом возрасте женщины в большей степени нацелены на выполнение семейных функций, чем мужчины – то есть «работают бабушками», а также что в преимущественно женских отраслях и профессиях дефицит кадров меньше, чем в мужских.

В табл. 4 показано, что численность работающих женщин на 0–15 лет старше и мужчин на 0–10 лет старше «старого» пенсионного возраста за 2019–2024 гг. увеличилась на 2,2 млн человек. Если абстрагироваться от учета различий в численности групп населения разных возрастов («демографических волн»), можно предположить, что это и есть основной экономический результат реформы 2018 г. Как отмечают О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Т. С. Хроленко, Г. В. Ниорадзе, «наибольшая доля занятых в возрасте старше трудоспособного и в 2017 г., и в 2022 г., несмотря на проводимую реформу, сохранилась в образовании (15,9%), здравоохранении (13,2%), обрабатывающих производствах, то есть в промышленности (12,7%) ... мужчин в 1,5 раза больше, чем женщин занято в обрабатывающих производствах (16,6%), в 3 раза – в транспортировке и хранении (12,8%), в 1,8 раза – в сельском и лесном хозяйствах, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (12%). В то время как женщины чаще заняты

²⁴ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.02.2025).

в образовании – 19,3% (в 2,6 раза больше мужчин), в здравоохранении – 16,4% (в 3 раза) и в торговле – 14,5% (в 2 раза)» [5].

Завершив прогнозирование баланса трудовых ресурсов РФ на перспективу до 2027 г. Группа «лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике» в балансе трудовых ресурсов (табл. 2) состоит в основном из работающих пенсионеров, число зарегистрированных статистикой работающих подростков незначительно. Численность населения этой категории, которая прошла свой «исторический» максимум 7,6 млн человек в 2018 г., впоследствии постепенно снижалась. В 2022 г. она снизилась по отношению к 2021 г. на 0,6 млн человек и составила 6,6 млн человек. В табл. 2 представлен расчет, согласно которому численность данной категории в балансе трудовых ресурсов в 2025–2027 гг. будет снижаться с 6,6 до 6,4 млн человек. Как уже было сказано, это будет не физическое сокращение работающих представителей старшего поколения, а их статистический перевод из категории «занятое населения пенсионного возраста» в категорию «занятое население».

Третья «приходная» статья баланса трудовых ресурсов – «иностранные трудовые мигранты» – в нынешних условиях является наименее предсказуемой. Институциональное давление на мигрантов выталкивает их из РФ, в то же время статистически их количество растет вследствие повышения легализации. В табл. 2 миграционный компонент представлен исходя из предположения о его возможном сокращении с максимальных 3,5 млн человек в 2022 г. до 3,2 млн человек в 2027 г. Общий объем показанных в табл. 2 компонентов в итоге составляет трудовые ресурсы РФ, которые, согласно расчетам, будут увеличиваться с 91,7 млн человек в 2022 г. до 92,6 млн человек в 2027 г.

Рабочая сила, которая до 2015 г. называлась в РФ «экономически активным населением», на перспективу рассчитывается по аналогии с трудовыми ресурсами как часть демографически предопределенного предложения труда. Численность занятых определяются как спрос на труд со стороны экономики (табл. 1), число безработных – как разница между числами рабочей силы и занятых (табл. 2). Определенная таким путем численность безработных прогнозируется на 2026 г. в количестве 0,8–1,4 млн человек (1,0–1,8% от рабочей силы) с последующим изменением в 2027 г. до 0,5–1,6 млн человек (0,6–2,0%). Таким образом, нынешний балансовый прогноз занятости и безработицы на среднесрочную перспективу выглядит достаточно консервативно и не предсказывает резкого изменения трендов, сложившихся в 2023–2024 гг.

Выводы

1. В результате реформы пенсионного возраста 2018 г. численность рабочей силы увеличилась в меньшей степени, чем население трудоспособного возраста. На примерно 9 млн человек ожидавшегося в 2018 г. увеличения численности населения трудоспособного возраста пришлось только 2,2 млн человек увеличения численности занятых мужчин и женщин в возрастных группах 55–69 лет. В социально-экономическом статусе работников старшего возраста, на которых уже распространились новые нормы, произошла блокировка совмещения зарплаты и пенсии, что замедлило рост доходов данной группы. Соотношение среднего размера пенсий

с прожиточным минимумом существенно не изменилось, коэффициент замещения заработной платы пенсией снизился. Пенсионная реформа сократила число женщин в возрасте 55–60 лет, имеющих возможность «работать бабушками», что ухудшило положение части молодых семей, оставшихся без помощи.

2. В среднесрочной перспективе со стороны демографических процессов будет продолжаться прерывистое (кроме 2026 и 2028 гг.) сокращение численности населения трудоспособного возраста, которое в отдаленной перспективе снова станет постоянным. Численность трудовых мигрантов, как компонент баланса трудовых ресурсов, будет колебаться под влиянием институциональных факторов. В пределах рассматриваемого периода времени численность трудовых ресурсов будет увеличиваться в 2026г. с последующим сокращением.

3. Спрос на труд будет расти медленнее, чем это было в 2023–2024 гг., или стабилизируется в связи с возможным прекращением СВО и началом сокращения государственных оборонных заказов и инвестиций (реконверсии). В 2025–2026 гг. могут последовать структурные изменения на рынке труда – высвобождение людей, экстренно вовлеченных в 2022–2024 гг. в Вооруженные силы, оборонную промышленность, транспорт, логистику, связь и их перераспределение в другие отрасли экономики. Однако увеличение безработицы не прогнозируется.

Список литературы

1. Ehrenberg, R. G. Modern Labor Economics: Theory and Public Policy / R. G. Ehrenberg, R. S. Smith, K. F. Hallock. 14th Edition. New York : Routledge. 2021. 782 p. ISBN 9780367346980.
2. Сони́на, Ю. В. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста / Ю. В. Сони́на, М. Г. Колосни́цына // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 2. С. 37–53. EDN [VBTESV](#).
3. Ка́шенов, А. В. Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4(210). С. 9–17. EDN [VPJBHQ](#).
4. Ка́шенов, А. В. Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 56–67. DOI [10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67](#). EDN [IOMTKE](#).
5. Воробьева, О. Д. Тенденции трудовой занятости пенсионеров в разрезе занятий и видов экономической деятельности в 2017–2022 гг. / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1(54). С. 60–72. DOI [10.34022/2658-3712-2024-54-1-60-72](#). EDN [PCCBDU](#).
6. Капелюшников, Р. И. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 81–111. DOI [10.32609/0042-8736-2024-7-81-111](#). EDN [FWPMZT](#).
7. Подвойский, Г. Л. Дефицит работников в новых условиях развития национальной экономики / Г. Л. Подвойский, В. А. Прокудин // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2(55). С. 41–53. DOI [10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53](#). EDN [HVOORO](#).
8. Рубинская, Э. Д. Российский рынок труда и иностранная рабочая сила: поиск путей решения проблемы кадрового дефицита // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 167–175. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.10](#). EDN [EVCZRZQ](#).
9. Ве́дев, А. Л. Высокие риски и слабые темпы роста экономики: макропрогноз для России на среднесрочную перспективу / А. Л. Ве́дев, В. А. Еремкин, К. А. Тузов // Вопросы экономики. 2024. № 2. С. 5–22. DOI [10.32609/0042-8736-2024-2-5-22](#). EDN [CQGLKO](#).

Сведения об авторе

Кашепов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); РИНЦ SPIN-код: [9522-8321](https://elibrary.ru/9522-8321).

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; принята в печать 19.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF THE OLDER GENERATION DURING THE PERIOD OF RAISING THE RETIREMENT AGE IN RUSSIA

Alexey V. Kashenov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: avkash@list.ru

For citation: Kashenov, A. V. Problems of Employment of the Older Generation during the Period of Raising the Retirement Age in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 55–70. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.4).

Abstract. The subject of the work is the balance of labor resources of the Russian Federation in the medium term, taking into account the specifics of employment of the older generation and other age groups of the population. The influence of the economy and other processes and phenomena external to the labor market on the employment of the population is considered. The relevance of the study is determined by modern changes in politics, economics and the demographic situation, including the reform of the retirement age, COVID-19, special military operation, and a sharp increase in defense spending. The aim is to test the traditional methodology of labor resource balance as a tool for integrating the flows of economic, demographic information and taking into account the political situation in the process of forecasting employment. As a result of the study, variant estimates and forecasts for 2025–2027 were developed for the number and structure of the Russian labor force, including the able-bodied population of working age, people beyond working age and migrant workers, employed and unemployed. It is assumed that in the medium term, the trend of economic growth will continue, which will gradually weaken pressure on the labor market, supporting the systemic shortage of labor resources that formed during the 2010s and 2020s, and create a base for employers to compete for labor and increase wages. The demographic situation in the medium term will consist of periodic increases in the nominal working-age population during the final stage of pension reform, which will not have a significant impact on the number of workers. The regulatory role in the number of labor resources and labor force will remain with external labor migration. Unemployment will remain at the current level, which tends to zero in the macroeconomic sense.

Keywords: labor resources balance, labor market, economic growth, labor demand, labor supply, employment, the older generation

References

1. Ehrenberg, R. G., Smith, R. S., Hallock, K. F. *Modern Labor Economics: Theory and Public Policy*. New York : Routledge. 2021. 782 p. ISBN 9780367346980.
2. Sonina, Yu. V., Kolosnitsyna, M. G. Pensioners on the Russian Labour Market: Trends of Economic Activity in Pension Age. *Demographic Review*. 2015. Vol. 2, No. 2. Pp. 37–53. (In Russ.).
3. Kashenov, A. V. Forecasting Employment and Unemployment in the Conditions of Increasing the Retirement Age. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018. No. 4(210). Pp. 9–17. (In Russ.).
4. Kashenov, A. V. Pension Reform: Preliminary Results and Assessment of Their Impact on the Economic Situation of Older Age Groups of the Population. *Social and Labour Research*. 2023. No. 3(52). Pp. 56–67. DOI [10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67). (In Russ.).

5. Vorob'eva, O. D., Topilin, A. V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S. Trends in the Employment of Pensioners in the Context of Occupations and Types of Economic Activity in 2017–2022. *Social and Labour Research*. 2024. No. 1(54). Pp. 60–72. DOI [10.34022/2658-3712-2024-54-1-60-72](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-60-72). (In Russ.).

6. Kapeliushnikov, R. I. Expansion of Vacant Jobs in the Russian Labor Market: Dynamics, Composition, Triggers. *Voprosy Ekonomiki*. 2024. No. 7. Pp. 81–111. DOI [10.32609/0042-8736-2024-7-81-111](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-7-81-111). (In Russ.).

7. Podvoiskii, G. L., Prokudin, V. A. Labor Shortage in New Conditions of National Economy Development. *Social and Labour Research*. 2024. No. 2(55). Pp. 41–53. DOI [10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53). (In Russ.).

8. Rubinskaya, E. D. Russian Labor Market and Foreign Workforce: Searching for Ways to Solve the Problem of Staffing Shortage. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 167–175. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.10). (In Russ.).

9. Vedev, A. L., Eremkin, V. A., Tuzov, K. A. High Risks and Weak Pace of Economic Growth: Russia Macroeconomic Forecast for the Medium Term. *Voprosy Ekonomiki*. 2024. No. 2. Pp. 5–22. DOI [10.32609/0042-8736-2024-2-5-22](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-5-22). (In Russ.).

Bio note

Alexey V. Kashenov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); RSCI SPIN code: [9522-8321](https://elibrary.ru/9522-8321).

Received on 22.03.2025; accepted for publication on 19.05.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5)EDN [SUWXYK](https://www.edn.ru/SUWXYK)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Хотеева Е. А.

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

E-mail: ehoteeva@petsu.ru

Для цитирования: Хотеева, Е. А. Трудовая миграция как фактор развития рынка труда Арктической зоны России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 71–83. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5). EDN [SUWXYK](https://www.edn.ru/SUWXYK).

Аннотация. В статье проводится анализ трудовой миграции как фактора развития рынка труда Арктической зоны России (далее – АЗ РФ). На современном этапе, несмотря на активное развитие технологий, включая искусственный интеллект, замена значительной части рабочей силы роботизированными системами, особенно на период действия «Стратегии развития АЗ РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», по инфраструктурным и системным причинам не представляется возможной. Предметом исследования является трудовая миграция как источник кадрового обеспечения экономики и развития рынка труда геостратегических территорий за счет формирования предложения рабочей силы в условиях дефицита трудовых ресурсов и снижения численности трудоспособного населения. Цель статьи заключается в том, чтобы выделить и проанализировать факторы миграционных процессов, связанные с функционированием рынка труда АЗ РФ, и обосновать целесообразность трудовой миграции для рынка труда и экономики Арктической зоны России. Гипотеза исследования состоит в том, что регулирование трудовой миграции в развитии рынка труда АЗ РФ не замыкается на экономических факторах, а предполагает учет и иных институциональных аспектов. Исследование базируется на выводах ученых, изучающих миграцию в процессе воспроизводства трудовых ресурсов, специалистов в области рынка труда и кадрового обеспечения экономики. С помощью общенаучных методов и методов анализа статистических данных факторы миграции в АЗ нашей страны систематизированы в экономические, демографические и институциональные группы. Выделены институциональные факторы в части подготовки кадров в системе профессионального образования и миграционные программы в АЗ РФ, играющие важную роль в регулировании миграции. Научная значимость результатов исследования состоит в том, что уточнено значение и обоснована целесообразность трудовой миграции в развитии рынков труда регионов с ограниченными возможностями подготовки кадров. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по регулированию трудовой миграции в АЗ РФ. Областью применения результатов является сфера управленческих решений по снижению дисбаланса в кадровом обеспечении экономики Арктической зоны за счет потенциала трудовой миграции, а также профориентационная работа. Перспектива исследования заключается в углублении и детализации процессов трудовой миграции на уровне муниципальных образований с учетом специфики сухопутных границ АЗ России.

Ключевые слова: миграция населения, трудовая миграция, Арктическая зона РФ, рынок труда, регулирование миграции, трудовые ресурсы

Введение

Население в Арктической зоне РФ необходимо как по геополитическим и стратегическим соображениям, изложенным в стратегических документах по развитию Арктики^{1,2}, так и с экономической точки зрения. Для национальной экономики важно воспроизводство трудоспособного населения на геостратегических

¹ Указ Президента РФ от 05 марта 2020 г. № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период 2035 года» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/73706526/> (дата обращения: 15.07.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 06.06.2024).

территориях, в том числе за счет миграционных процессов. Сохранение трудоспособного населения, повышение его благосостояния, улучшение качества жизни способствуют росту производительности труда, значимому при ограниченности возможностей наращивания рабочей силы.

В АЗ РФ за десятилетний период снижение численности трудоспособного населения составило 15%³; индекс производительности труда в 2022 г. к предыдущему году составил 99,6%⁴. При этом значение Арктики в национальной экономике оценивается очень высоко: вклад арктической экономики в ВВП России в ближайшие годы может вырасти с 5,5% до 14%⁵. В условиях интенсивного сокращения рынков труда в части предложения рабочей силы прогнозируется создание 183 тыс. новых рабочих мест⁶, растут масштабы резидентства как инвестиционного института⁷, запланированы крупные экономические и инфраструктурные проекты.

Динамика трудоспособного населения в Арктической зоне страны, являющейся частью Севера России, исторически зависит от миграционного фактора. Структурно возникающий дефицит трудовых ресурсов преодолевается за счет увеличения подготовки кадров, переподготовки безработных, а также миграции населения. Сложность миграционных процессов, протекающих в АЗ РФ, при очевидной значимости трудовой миграции, делают анализ ее факторов и эффектов актуальной научной проблемой. Научная новизна исследования состоит в аргументации значения и целесообразности трудовой миграции населения как фактора развития рынка труда в части формирования предложения рабочей силы в АЗ РФ. Данный ракурс проблемы актуален на фоне дискуссионных мнений относительно потенциала внутрироссийской трудовой миграции для развития удаленных территорий на современном этапе.

Значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы как аналитическая основа и ориентиры в регулировании (и, при необходимости, стимулировании) миграционного притока, в разработке мер внутрироссийской миграционной политики и территориальной трудовой мобильности населения в рамках управления социально-экономическим развитием АЗ РФ.

³ Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/74370528/> (дата обращения: 22.06.2024).

Согласно ФЗ № 193-ФЗ, сухопутные границы АЗ ограничены территориями 10 субъектов РФ, целиком или частично входящих в состав АЗ, требующие анализа данных и показателей на уровне муниципальных образований. Четыре субъекта входят в АЗ РФ полностью (Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) и шесть входят в АЗ РФ частично (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Республика Саха (Якутия)).

⁴ Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (дата обращения: 27.12.2024).

⁵ Эксперт: вклад арктической экономики в ВВП может вырасти почти в три раза в ближайшие годы // ТАСС : [сайт]. 20.11.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7160873> (дата обращения: 29.07.2024).

⁶ В Арктике создадут более 180 тыс. новых рабочих мест за 15 лет // ТАСС : [сайт]. 08.12.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10203915> (дата обращения: 29.06.2024).

⁷ Арктическая зона Российской Федерации // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://erdc.ru/about-azrf> (дата обращения: 06.06.2024).

Обзор научной литературы

Теоретические положения к пониманию сущности миграции, ее характеристик и компонентов, лежащих в основе системного научного знания о миграции, представлены в работах Л. Л. Рыбаковского [1], Г. С. Вечканова [2], Ж.А. Зайончковской [3]. Взаимосвязь демографических процессов и динамики экономических показателей рассматривается в исследованиях С. В. Рязанцева [4], А. В. Кашепова [5], А. В. Топилина [6]. Широко исследуются теоретические и практические вопросы взаимовлияния численности населения, миграционного движения и показателей экономического роста, демографической нагрузки на рынок труда.

Анализ демографической динамики и трудовой миграции в АЗ РФ присутствует в достаточно широком перечне исследований. Важное значение миграции населения в контексте экономического развития Арктической зоны обсуждается в коллективных работах Н. А. Волгина [7], И. Н. Долговой [8], И. С. Степущик с соавторами [9]. Статистические оценки и факторы миграции в АЗ РФ подробным образом рассматриваются в работах научных коллективов А. Г. Шеломенцева [10], Т. П. Скуфьиной [11]. Сравнительный анализ демографической ситуации АЗ РФ и стран зарубежной Арктики представлен в исследовании Т. Элениака [12]; вопросы миграции и проблемы доступности трудовых ресурсов, укомплектованности персоналом в концепции устойчивого развития арктических городов исследуются в работе под редакцией Р. У. Орттунга [13].

Детерминация миграции путем выделения ключевых причин и факторов при управлении миграционными потоками анализируется Е. С. Вакуленко. Согласно исследованию [14], ведущими факторами миграции населения являются экономические факторы, однако, в связи со снижением межрегиональной дифференциации по экономическим показателям, роль экономических факторов падает, а инфраструктуры и качества жизни – повышается.

По результатам исследования Е. А. Моисеевой и Р. В. Маньшина [15] отмечается, что миграция сглаживает дисбалансы спроса и предложения труда в регионах России, пополняя ресурсы трудодефицитных регионов, но действие такого механизма несовершенно. Как указывают авторы этого исследования, на мигрантов оказывают влияние и иные факторы притяжения, помимо конъюнктуры рынка труда, особенно – в отношении внутрироссийской миграции. В исследовании А. А. Яника, С. М. Поповой и С.Ф. Карповой [16] констатируется, что дополнительное развитие региональных рынков труда предполагается за счет расширения разнообразия институциональных норм и факторов их функционирования, которые в условиях дефицита трудовых ресурсов должны затрагивать и адресную миграционную политику.

Таким образом, трудовая миграция в современных демографических тенденциях все большее внимание получает как фактор воспроизводства трудовых ресурсов и их распределения. Проблематика регулирования процессов миграции в контексте развития рынка труда неразрывно связана с анализом факторов и последствий, что обусловило необходимость исследования применительно к АЗ РФ.

Методология и методы исследования, источники информации

Теоретические рамки исследования определяются экономическим подходом к пониманию сущности и факторов трудовой миграции, исходя из которых, трудовая миграция представляется механизмом перераспределения рабочей силы в территориальном измерении. При этом природно-климатические факторы стоят в стороне в данном исследовании, так как при высоком уровне жизни их значимость снижается.

На первом этапе на основе ранее проведенных исследований, объясняющих внутрироссийские миграционные процессы [10; 14], определено, что в первую очередь миграционная динамика детерминирована экономическими и демографическими факторами, при этом влияние экономических факторов, в частности, среднедушевых доходов, во всероссийском масштабе снижается. В практическом плане на формирование миграционных потоков влияют институциональные факторы, например, качество инфраструктуры, создающие нормативные условия и предпосылки миграции. Применительно к АЗ РФ в единую группу институциональных факторов объединены такие факторы, как возможности системы профессионального образования и миграционные программы.

На втором этапе из всего многообразия были выбраны те показатели, которые доступны для анализа на уровне муниципальных образований⁸ в связи с утвержденными сухопутными границами АЗ РФ⁹ и количественно отражают состояние факторов миграции населения:

1. Демографические факторы (численность населения, численность населения в трудоспособном возрасте, коэффициент миграционного прироста, сокращение численности молодежной когорты).

2. Экономические факторы (показатели заработной платы и ее отношения к величине прожиточного минимума).

3. Институциональные факторы (количество образовательных организаций профессионального образования и показатели приема обучающихся в организации профессионального образования¹⁰, действие миграционных программ).

В представленном исследовании с использованием общенаучных методов и методов анализа статистических данных Росстата, Роструда, Министерства науки и высшего образования РФ приведены количественные оценки и на их основе дана интерпретация факторов миграции населения на арктических территориях субъектов АЗ РФ в контексте развития рынка труда.

Результаты

В настоящем исследовании были агрегированы и количественно оценены демографические, экономические и институциональные факторы миграционных процессов в АЗ РФ, затрагивающие функционирование рынка труда в части

⁸ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 26.10.2024).

⁹ Об Арктической зоне РФ // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://erdc.ru/about-azrf-old/> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁰ Данные ГИВЦ Минорбнауки России по состоянию на 2021 г., полученные по запросу Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета.

формирования предложения рабочей силы. Количественная оценка указанных факторов миграции населения, агрегированных в табл. 1, представлена по показателям для регионов АЗ РФ, наиболее крупных по критерию численности населения.

Таблица 1

**Количественная оценка факторов миграции населения в субъектах АЗ РФ
(арктические территории)**

Table 1

**Quantitative assessment of population migration factors in the subjects of the Arctic
Zone of the Russian Federation (Arctic territories)**

Показатели, характеризующие факторы миграции населения	Красно- ярский край	Мур- манская область	Респуб- лика Коми	Ямало- Ненец- кий АО	Архан- гель- ская об- ласть
Демографические факторы					
Численность населения, в среднем за год, 2023 г. (человек)	225 443	657 568	134 941	514 174	576 778
в т. ч. в трудоспособном возрасте (человек)	155 873	334 050	83 919	331 701	328 753
Коэффициент миграционного прироста, 2023 г. (‰)	41,2	10,1	-23,0	-5,0	-5,4
Сокращение численности молодежной когорты 16–34 лет с 2013 по 2023 гг. (%)	-23,6	-36,1	-38,1	-29,1	-41,2
Экономические факторы					
Средняя начисленная заработная плата, 2023 г. (тыс. руб.)	133 042	98 818	92 488	145 050	82 030
Отношение средней начисленной заработной платы к прожиточному минимуму	7,6	3,9	4,9	6,4	4,5
Институциональные факторы					
Число образовательных организаций высшего образования (ОО ВО), 2021 г.	1	8	2	1	4
Прием обучающихся в ОО ВО, очная форма обучения, 2021 г. (человек)	235	944	56	0	3 437
Число образовательных организаций среднего профессионального образования (ОО СПО), 2021 г.	8	25	8	11	24
Прием обучающихся в ОО СПО, очная форма обучения, 2021 г. (человек)	1 028	4 681	821	2 695	3 385
Число привлеченных из неарктических субъектов РФ по программам «Земский доктор/фельдшер», 2022 г.	10	н/д	6	5	14
Действие программы «Повышение мобильности трудовых ресурсов»	да	нет	да	нет	да

Источник: составлено автором на основе данных Росстата, Минобрнауки России и запросов в региональные органы власти в сфере здравоохранения субъектов АЗ РФ

С точки зрения развития рынка труда, миграция способствует улучшению ситуации в Красноярском крае – по критерию заработной платы этот регион характеризуется наилучшими позициями. Как и заработная плата, система подготовки кадров играет роль в формировании предложения на рынке труда. Норматив финансового обеспечения обучения по образовательным программам высшего образования (не менее чем 800 студентов на каждые 10 000 человек в возрасте от 17 до 30 лет)¹¹ в региональном разрезе в АЗ РФ дифференцирован. Только в Архангельской

¹¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/> (дата обращения: 22.06.2024).

области можно отметить достаточность показателя норматива – 999,9 человек, в Мурманской области он составляет 359,4 человек¹². Интенсивное снижение населения в молодежном возрасте в субъектах АЗ РФ, в том числе по причине образовательной миграции ввиду недостаточных возможностей получения профессионального образования, вносит вклад в снижение численности трудоспособного населения. С другой стороны, миграционные программы достаточно фрагментарно действуют в Арктической зоне России и очень ограниченно участвуют в формировании предложения на рынке труда.

С 2013 по 2023 гг. численность населения в трудоспособном возрасте по арктическим территориям субъектов АЗ РФ снизилась на 15%. По состоянию на 2023 г. доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения составила 58,6%, в то время как в 2013 г. данный показатель был равен 60,9% (рис. 1). Демографическая база, характеризующаяся общим снижением численности населения, уменьшает возможности формирования трудовых ресурсов для экономики Арктической зоны нашей страны.

Рис. 1. Динамика изменения численности населения в трудоспособном возрасте на арктических территориях субъектов АЗ РФ, 2013–2023 гг.

Fig. 1. Dynamics of changes in the working-age population in the Arctic territories of the subjects of the Arctic Zone of the Russian Federation, 2013–2023

Источник: составлено автором по данным Росстата (без учета показателей ЗАТО Мурманской области)¹³

¹² Показатели рассчитаны в рамках выполнения договора оказания услуг № 0000000035022P010002/498/22 от 24 августа 2022 г. по оказанию услуг по определению текущей и перспективной кадровой потребности отраслей экономики и социальной сферы субъектов Арктической зоны Российской Федерации, исследованию количественных показателей кадровой подготовки системой образования АЗ РФ, образовательной и постобразовательной миграции в АЗ РФ.

¹³ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 26.10.2024).

Вклад в формирование предложения рабочей силы возможен за счет трудовой постобразовательной миграции выпускников системы профессионального образования. Согласно данным Мониторинга трудоустройства выпускников¹⁴, порядка 2,5 тыс. выпускников были трудоустроены в субъектах АЗ РФ. Необходимость внимания к трудовой миграции выпускников как фактору развития рынка труда обоснована экономической целесообразностью для государственного бюджета и семей (домохозяйств).

Ежегодно государство инвестирует значительные финансовые средства в подготовку квалифицированных кадров. Государственные расходы на образование в расчете на одного обучающегося по подразделам классификации расходов бюджетов (в постоянных ценах 2022 г.) на высшее образование составляют 403 тыс. руб. в год¹⁵, (ориентировочно 1 612 тыс. руб. необходимо на подготовку одного бакалавра). С учетом неравномерности образовательной сети в региональном измерении и объемов подготовки кадров постобразовательная миграция и трудоустройство выпускников в трудодефицитных регионах АЗ РФ способствуют кадровому обеспечению экономики субъектов Арктической зоны России.

Согласно Мониторингу экономики образования НИУ ВШЭ, расходы домашних хозяйств на образование за год обучения одного студента вуза равны 148,2 тыс. руб. по состоянию на 2021 г. [17]; за весь период обучения с учетом сопутствующих трат на жизнеобеспечение студента (транспорт, жилье и т. д.), эта стоимость многократно увеличивается. При достаточно оперативном трудоустройстве выпускника вуза после завершения обучения вложенные средства семьи окупятся не менее чем через 2,5 года после начала трудовой деятельности (с учетом средней заработной платы выпускника вуза по Российской Федерации 51 500 руб.), при этом самый высокий уровень заработных плат демонстрируют выпускники, трудоустроенные в Ямало-Ненецком АО – 110 тыс. руб. [18]. При трудоустройстве в АЗ РФ окупаемость затрат домохозяйств на профессиональное образование может сократиться почти в два раза.

Регулирование трудовой миграции в Арктической зоне России находится в поле рассмотренных факторов и включает экономически обоснованный потенциал развития рынка труда геостратегического региона.

Обсуждение

Полученные результаты исследования корреспондируются с рядом выводов, которые получены в ранее проведенных исследованиях по тематике миграции и рынку труда в АЗ РФ.

В авторской классификации факторов, влияющих на миграционные процессы в Арктической зоне [19], представлен достаточно широкий и объемный спектр факторов миграции (экономические, демографические, социальные (связанные с образовательной инфраструктурой) и др.). Среди всего многообразия возможных

¹⁴ Показатели трудоустройства выпускников в регионах АЗ РФ 2018–2021 годов выпуска по состоянию на 2022 г. получены по запросу в Федеральной службе по труду и занятости при выполнении договора оказания услуг № 0000000035022P010002/498/22 от 24 августа 2022 г.

¹⁵ Образование в цифрах – 2023 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др]. Москва : НИУ ВШЭ, 2023. 132 с.

факторов миграции в настоящей статье проанализированы факторы, напрямую связанные с функционированием регионального рынка труда и формированием предложения рабочей силы. Неоднородность социально-экономического развития АЗ РФ по показателям заработной платы, демографической ситуации и возможностям подготовки кадров объясняет снижение потенциала демографической базы для воспроизводства трудовых ресурсов.

Тезисы, связанные с необходимостью сохранения населения в АЗ РФ и снижением миграционных потерь, подтверждаются механизмом «опорности», который подразумевает выделение определенного каркаса территориальных образований с постоянным населением, выполняющих инфраструктурные и логистические функции в АЗ РФ. Доказаны субурбанизационные процессы [20], при которых население с периферийных территорий АЗ РФ стягивается в более крупные населенные пункты (агломерации Арктики)¹⁶, и значение в них фактора образовательной инфраструктуры (колледжей и вузов) для реализации инвестиционных проектов с опорой на подготовку местных кадров. В нашем исследовании, с учетом этих выводов, как дополнительный вариант рассматривается возможность трудовой postобразовательной миграции выпускников в АЗ РФ, который усилит трудовой потенциал Арктики и частично компенсирует недостаток подготовки кадров. При этом временная трудовая миграция как вахтовый метод организации труда не противоречит обоснованию постоянной миграции. Вахтовое освоение целесообразно на малоосвоенных, труднодоступных и пионерно разрабатываемых территориях с присутствием постоянного населения в опорных и развитых населенных пунктах [21].

По оценкам исследователей [22], порядка четверти выпускников совершают миграцию в первый год после завершения обучения. При этом на фоне сильной неравномерности и ограниченности образовательной сети в Арктике и концентрации студентов и выпускников в неарктических мегаполисах [22], обеспечение postобразовательной миграции с последующим трудоустройством выпускников системы профессионального в АЗ РФ рассматривается как инвестиция в развитие кадрового обеспечения экономики субъектов АЗ РФ.

Заключение

Подводя итоги полученным научно-практическим результатам, сформулируем следующие наиболее важные выводы.

Во-первых, в контексте развития рынка труда АЗ РФ наряду с экономическими факторами миграции важную роль играют институциональные факторы, создающие нормативные условия для трудовой миграции, к которым относятся действие миграционных программ и функционирование сети образовательных организаций, участвующих в формировании предложения рабочей силы в АЗ РФ.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике» // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/> (дата обращения: 27.10.2024).

Во-вторых, для предприятий и компаний Арктической зоны страны, заинтересованных в привлечении кадров, трудовая миграция выпускников из регионов является серьезным ресурсом в устранении дефицита кадров. Трудовая миграция выпускников, являясь результатом кооперации, укрепляет результаты взаимодействия работодателей и системы профессионального образования при подготовке по «арктическим специальностям» и реализации научно-исследовательского потенциала. В исследовании обоснована целесообразность инвестирования средств в подготовку кадров, выбирающих для трудоустройства АЗ РФ. Трудовая миграция выпускников представляет собой инвестицию в развитие кадрового обеспечения экономики арктических субъектов на фоне сильной неравномерности и ограниченности образовательной сети в Арктике и концентрации студентов и выпускников в мегаполисах. Важно укреплять кооперацию предприятий и системы профессионального образования, совершенствовать систему наставничества.

В-третьих, в миграционной политике важно уделять больше внимания внутрироссийским миграционным процессам и создавать более прозрачные информационные условия для формирования и укрепления трудовой мотивации молодежи с точки зрения ее занятости в экономике АЗ РФ.

Список литературы

1. Рыбаковский, Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51–61. EDN [ZDQTLZ](#).
2. Вечканов, Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР : Полит.-экон. аспект. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1981. 143 с.
3. Зайончковская, Ж. А. Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд. 2005. № 6. С. 31–37.
4. Рязанцев, С. В. Влияние демографических и миграционных процессов на систему расселения в Тюменской области / С. В. Рязанцев, В. А. Добрякова, А. В. Смирнов, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 171–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.11](#). EDN [HGACQT](#).
5. Кашепов, А. В. Взаимосвязи экономики и демографии. Москва : МАКС Пресс, 2019. 176 с. ISBN 978-5-317-06240-8. EDN [VCSPLD](#).
6. Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](#). EDN [CZSKEV](#).
7. Волгин, Н. А. Российская Арктика: социально-трудовые и демографические особенности развития / Н. А. Волгин, Л. Л. Мосина, Л. Н. Широкова // Социально-трудовые отношения. 2019. № 1 (34). С. 117–133. EDN [VXCRII](#).
8. Долгова, И. Н. Макроэкономическая оценка состояния рынков труда европейской части российской Арктики после 2013 г. / И. Н. Долгова, А. Г. Коровкин, А. Л. Сеница // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1 (196). С. 117–128. DOI [10.47711/0868-6351-196-117-128](#). EDN [FYUAWH](#).
9. Степуть, И. С. Миграционные потоки выпускников школ и вузов в регионах Российской Арктики: объемы, вектора и оценка соразмерности / И. С. Степуть, А. В. Симакова, В. А. Гуртов, Е. А. Хотеева // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 1 (79). С. 80–94. DOI [10.37614/2220-802X.1.2023.79.005](#). EDN [EYAJLW](#).
10. Шеломенцев, А. Г. Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации / А. Г. Шеломенцев, Л. В. Воронина, Е. В. Смиреникова, А. В. Уханова // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 3. С. 396–418. EDN [XZIIIP](#).
11. Скуфьина, Т. П. Социально-демографические процессы в российской Арктике в статистических оценках и опросах населения / Т. П. Скуфьина, В. П. Самарина, С. В. Баранов, Е. А. Бажутова // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 127–149. DOI [10.37482/issn2221-2698.2021.45.127](#). EDN [SDMWPY](#).

12. *Heleniak, T.* Demographic Changes in the Arctic / T. Heleniak, E. Turunen, Sh. Wang. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. 2020. Pp. 41–59. DOI [10.1007/978-3-030-20557-7_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_4).
13. *Babenko, A.* Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities / A. Babenko, T. Kolesnikova // International Journal of Environmental Studies. 2020. Vol. 77, No. 5. Pp. 902–904. DOI [10.1080/00207233.2020.1817277](https://doi.org/10.1080/00207233.2020.1817277).
14. *Вакуленко, Е. С.* Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. № 3 (55). С. 113–118. DOI [10.24411/1993-7601-2019-10013](https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013). EDN [XOPXYV](https://www.edn.ru/XOPXYV).
15. *Моисеева, Е. М.* Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах / Е. М. Моисеева, Р. В. Маньшин // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). EDN [TNQFSE](https://www.edn.ru/TNQFSE).
16. *Яник, А. А.* Региональные рынки труда в России в новых условиях: проблемы и возможности выхода из «колеи развития» / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10). EDN [AGFHU](https://www.edn.ru/AGFHU).
17. Расходы населения на образование детей и молодежи: анализ статистических и социологических данных: информационный бюллетень // Н. Б. Шугаль, Н. В. Бондаренко. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 56 с. (Мониторинг экономики образования; № 10 (52)). ISBN 978-5-7598-3005-4.
18. *Емелина, Н. К.* Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы / Н. К. Емелина, К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин [и др.]. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2022. 160 с. ISBN 978-5-7598-2652-1.
19. *Уханова, А. В.* Классификация факторов миграции населения российской Арктики / А. В. Уханова, Е. В. Смиреникова, Л. В. Воронина // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 123–129. DOI [10.17513/ft.43011](https://doi.org/10.17513/ft.43011). EDN [VXAYWH](https://www.edn.ru/VXAYWH).
20. *Дружинин, П. В.* Выявление факторов, влияющих на динамику численности населения муниципальных районов Европейского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 3 (81). С. 78–91. DOI [10.37614/2220-802X.3.2023.81.005](https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.005). EDN [WEVSAE](https://www.edn.ru/WEVSAE).
21. *Бажутова, Е. А.* Региональные, муниципальные и корпоративные аспекты управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны Российской Федерации / Е. А. Бажутова, Т. П. Скуфына // Уголь. 2023. № 7 (1169). С. 41–49. DOI [10.18796/0041-5790-2023-7-41-49](https://doi.org/10.18796/0041-5790-2023-7-41-49). EDN [JRU-TIA](https://www.edn.ru/JRU-TIA).
22. *Антосик, Л. В.* Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России / Л. В. Антосик, Н. В. Ивашина // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 107–125. DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-107-125](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125). EDN [XCUUAK](https://www.edn.ru/XCUUAK).
23. *Соловьев, В. П.* Инженерные кадры для новой экономики / В. П. Соловьев, Т. А. Перескова // Экономика промышленности. 2022. Т. 15, № 3. С. 380–392. DOI [10.17073/2072-1633-2022-3-380-392](https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-380-392). EDN [EUNQOK](https://www.edn.ru/EUNQOK).

Сведения об авторе

Хотеева Евгения Александровна, младший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ehoteeva@petrsu.ru; ORCID ID: [0000-0003-4153-1142](https://orcid.org/0000-0003-4153-1142); РИНЦ SPIN-код: [6881-5011](https://elibrary.ru/6881-5011); Web of Science Researcher ID: [HMV-0443-2023](https://orcid.org/HMV-0443-2023); Scopus Author ID: [57201731596](https://orcid.org/57201731596).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-78-10148](https://elibrary.ru/22-78-10148) «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; принята в печать 07.04.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

LABOR MIGRATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA

Evgeniya A. Khoteeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

E-mail: ehoteeva@petrsu.ru

For citation: Khoteeva, E. A. Labor migration as a Factor in the Development of the Labor Market in the Arctic Zone of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 71–83. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5).

Abstract. The article conducts an analysis of labor migration as a factor in the development of the labor market of the Arctic zone of Russia (the AZ of the Russian Federation). At the present stage, despite the active development of technologies, including artificial intelligence, the complete replacement of labor with robotic systems, especially for the period of the “Strategy for the Development of the AZ of the Russian Federation and ensuring national security for the period until 2035”, is not possible for infrastructure and systemic reasons. The subject of the study is labor migration as a source of personnel support for the economy and the development of the labor market of geostrategic territories through the formation of the proposal of labor in the context of the shortage of labor resources and a decrease in the working-age population. The purpose of the article is to distinguish and analyze the factors of migration processes related to the functioning of the labor market of the Russian Federation and substantiate the feasibility of labor migration for the labor market and the economy of the AZ of the Russian Federation. The study hypothesis is that the regulation of labor migration in the development of the labor market of the AZ of the Russian Federation is not closed on economic factors but involves accounting for other institutional aspects. The study is based on the conclusions of researchers studying migration in the process of reproduction of labor resources, specialists in the field of labor market and personnel support of the economy. Using general scientific methods and methods for analyzing statistical data, migration factors in the AZ of the Russian Federation are systematized into economic, demographic and institutional groups. Institutional factors were allocated in terms of training in the vocational education system and migration programs in the AZ of the Russian Federation, playing an important role in regulating migration. The scientific significance of the results of the study is that the value is clarified and the feasibility of labor migration in the development of labor markets with disabilities with the disabilities of staff training is substantiated. Based on the analysis, recommendations are proposed to regulate labor migration in the AZ of the Russian Federation. The field of application of results is the scope of managerial decisions to reduce the imbalance in the personnel support of the economy of the Russian Federation due to the potential of labor migration, as well as career guidance work. The prospect of the study is to deepen and detail the processes of labor migration at the level of municipalities, considering the specifics of the ground boundaries of the AZ of the Russian Federation.

Keywords: population migration, labor migration, Arctic zone of the Russian Federation, labor market, migration regulations, labor resources

References

1. Rybakovsky, L. L. Factors and Causes of Migration, Mechanism of Their Relationship. *Population*. 2017. No. 2 (76). Pp. 51–61. (In Russ.).
2. Vechkanov, G. S. *Migratsiya trudovykh resursov v SSSR: Polit.-ekon. aspekt [Migration of labor resources in the USSR: Political and economic aspect]*. Leningrad : Leningrad University Publ. 1981. 143 p. (In Russ.).
3. Zayonchkovskaya, Zh. A. Migratsionnaya situatsiya v sovremennoy Rossii [Migration situation in modern Russia]. *Chelovek i trud [Man and labor]*. 2005. No. 6. Pp. 31–37. (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V., Dobryakova, V. A., Smirnov, A. V., Ryazantsev, N. S. Impact of Demographic and Migration Processes on the Settlement System in the Tyumen Region. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 171–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11). (In Russ.).
5. Kashepov, A. V. *Vzaimosvyazi ekonomiki i demografii. [Relationships Between Economics and Demography]*. Moscow : MAX Press. 2019. 176 p. ISBN 978-5-317-06240-8. (In Russ.).
6. Topilin, A. V. Demographic Characteristics of Labor Resources Formation and Use in the Largest Cities of Russia in 2019–2021. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). (In Russ.).
7. Volgin, N. A., Mosina, L. L., Shirokova, L. N. Russian Arctic: Social and Labor and Demographic Features of the Development. *Social & Labor Research*. 2019. No. 1 (34). Pp. 117–133. (In Russ.).

8. Dolgova, I. N., Korovkin, A. G., Sinita, A. L. Macroeconomic Assessment of the State of Labor Markets in the European Part of the Russian Arctic after 2013. *Studies on Russian Economic Development*. 2023. No. 1 (196). Pp. 117–128. DOI [10.47711/0868-6351-196-117-128](https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-117-128). (In Russ.).
9. Stepus, I. S., Simakova, A. V., Gurtov, V. A., Khoteeva, E. A. Migration Flows of School and University Graduates in the Russian Arctic Regions: Volume, Vectors, and Proportionality Assessment. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Formation of Economic Order]*. 2023. Vol. 26, No. 1 (79). Pp. 80–94. DOI [10.37614/2220-802X.1.2023.79.005](https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.005). (In Russ.).
10. Shelomentsev, A. G., Voronina, L. V., Smirennikova, E. V., Uhanova, A. V. Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Ars Administrandi*. 2018. Vol. 10, No. 3. Pp. 396–418. (In Russ.).
11. Skufyina, T. P., Samarina, V. P., Baranov, S. V., Bazhutova, E. A. Socio-Demographic Processes in the Russian Arctic in Statistical Assessments and Population Surveys. *Arctic and North*. 2021. No. 45. Pp. 127–149. DOI [10.37482/issn2221-2698.2021.45.127](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.45.127). (In Russ.).
12. Heleniak, T., Turunen, E., Wang, Sh. Demographic Changes in the Arctic. *Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*. 2020. Pp. 41–59. DOI [10.1007/978-3-030-20557-7_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_4).
13. Babenko, A., Kolesnikova, T. Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities. *International Journal of Environmental Studies*. 2020. Vol. 77, No. 5. Pp. 902–904. DOI [10.1080/00207233.2020.1817277](https://doi.org/10.1080/00207233.2020.1817277).
14. Vakulenko, E. S. Motives for Internal Migration in Russia: What Has Changed in Recent Years? *Applied Econometrics*. 2019. No. 3 (55). Pp. 113–138. DOI [10.24411/1993-7601-2019-10013](https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013). (In Russ.).
15. Moiseeva, E. M., Manshin, R. V. Labor Market Conditions and Labor Migration in Russian Regions. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). (In Russ.).
16. Yanik, A. A., Popova, S. M., Karpova, S. F. Regional Labor Markets in Russia under New Conditions: Problems and Possibilities of Path Dependence Overcoming. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10). (In Russ.).
17. *Households Spending on the Educational Services for Children and the Youth: Statistical and Sociological Analysis: Information Bulletin* / N. B. Schugal, N. V. Bondarenko. Moscow: ISSEK HSE Publ., 2023. (Monitoring of Education Markets and Organizations; No. 10 (52)). ISBN 978-5-7598-3005-4. (In Russ.).
18. Emelina, N. K., Rozhkova, K. V., Roshchin, S. Yu. [et al.]. *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda: trendy i vyzovy [Graduates of higher education in the Russian labor market: trends and highlights]*. Moscow: HSE Publ. house. 2022. 160 p. ISBN 978-5-7598-2652-1. (In Russ.).
19. Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V., Voronina, L. V. Classification of Migration Factors of the Russian Arctic Population. *Fundamental research*. 2021. No. 4. Pp. 123–129. DOI [10.17513/fr.43011](https://doi.org/10.17513/fr.43011). (In Russ.).
20. Druzhinin P. V. Evaluating the Impact of Geographic and Socio-Economic Factors on Population Dynamics in Municipalities Across the European North of Russia. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Formation of Economic Order]*. 2023. Vol. 26, No. 3 (81). Pp. 78–91. DOI [10.37614/2220-802X.3.2023.81.005](https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.005). (In Russ.).
21. Bazhutova, E. A., Skufina, T. P. Regional, Municipal and Corporate Aspects of Management of the Shift Migration in the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Ugol'. Russian Coal Journal*. 2023. No. 7 (1169). Pp. 41–49. DOI [10.18796/0041-5790-2023-7-41-49](https://doi.org/10.18796/0041-5790-2023-7-41-49). (In Russ.).
22. Antosik, L. V., Ivashina, N. V. Factors and Routes of Interregional Migration of University Graduates in Russia. *Educational Studies Moscow*. 2021. No. 2. Pp. 107–125. DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-107-125](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125). (In Russ.).
23. Solovyov, V. P., Pereskokova, T. A. Engineering Personnel for the New Economy. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2022. Vol. 15, No. 3. Pp. 380–392. DOI [10.17073/2072-1633-2022-3-380-392](https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-380-392). (In Russ.).

Bio note

Evgeniya A. Khoteeva, Junior Researcher, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: ehoteeva@petsu.ru; ORCID ID: [0000-0003-4153-1142](https://orcid.org/0000-0003-4153-1142); RSCI SPIN-code: [6881-5011](https://elibrary.ru/6881-5011); Web of Science Researcher ID: [HMY-0443-2023](https://orcid.org/HMV-0443-2023); Scopus Author ID: [57201731596](https://orcid.org/57201731596).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. [22-78-10148](https://elibrary.ru/22-78-10148) "Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects".

Received on 31.01.2025; accepted for publication on 07.04.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.6)

EDN [JGOCJV](https://www.edn.ru/jgocjv)

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Рахимова М. А.

Ташкентский государственный юридический университет,

Ташкент, Узбекистан

E-mail: muattara161@mail.ru

Для цитирования: Рахимова, М. А. Влияние региональной экономической интеграции на социально-демографические процессы в Узбекистане // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 84–101. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.6). EDN [JGOCJV](https://www.edn.ru/jgocjv).

Аннотация. В работе рассматривается влияние процессов региональной экономической интеграции в ландшафте постсоветского пространства на социально-демографические изменения в Республике Узбекистан. Внимание акцентируется на трудовой миграции как одной из ключевых проблем. После распада СССР Узбекистан стал основным донором трудовых мигрантов в регионе, что оказало влияние на социально-демографическую ситуацию в республике. Интеграция в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) открывает новые экономические горизонты, способствуя развитию стран Центральной Азии, однако также создает вызовы для миграционной политики и социальной инфраструктуры. В статье исследуются как позитивные, так и негативные стороны интеграции в контексте рынка труда, качества жизни и демографических показателей в Республике Узбекистан и соседних государствах. Упрощение визового режима и открытие границ способствуют увеличению трудовой миграции, что, с одной стороны, создает новые экономические возможности для населения, а с другой – может привести к дефициту трудовых ресурсов и снижению рождаемости в стране. При этом подчеркивается необходимость адаптации государственной политики к новым реалиям, включая меры по поддержке трудовых мигрантов и повышению уровня жизни населения. Кроме того, рассматриваются стратегии, направленные на улучшение социального обеспечения и создание условий для возвращения мигрантов. Интеграция в рамках ЕАЭС и других региональных форматов представляется важным шагом к улучшению демографической ситуации и экономического роста в Центральной Азии. Для достижения устойчивых результатов необходимо учитывать не только экономические, но и социальные аспекты, что позволит создать условия для гармоничного и стабильного развития региона в будущем.

Ключевые слова: СНГ, миграция, трудовая миграция, Узбекистан, интеграция, ЕАЭС, демографические процессы, социальная политика, экономическое сотрудничество

Введение

С распадом Советского Союза перед независимыми республиками Содружества Независимых Государств (СНГ) возник ряд ключевых задач. Среди них – укрепление международной правосубъектности и преобразование двусторонних отношений в полноценное многостороннее сотрудничество. На территории СНГ действуют как объединяющие факторы, так и элементы, способствующие конфликтам, такие как распределение водных ресурсов и вопросы безопасности. В то же время, помимо этих актуальных проблем, новые независимые государства столкнулись с множеством других вызовов, среди которых миграция занимает одну из ключевых позиций.

В начале 1990-х гг. основными странами-эмитентами мигрантов являлись Российская Федерация и Украина, в то время как Центральная Азия воспринималась как регион, откуда происходили иммигранты [1, с. 178–188]. Этот процесс миграции был вызван экономическими трудностями, политической нестабильностью

и социальными изменениями, что привело к перемещениям населения как на международном уровне, так и внутри государств.

В дополнение к сказанному заметим, что миграция несет в себе как позитивные, так и негативные аспекты: способствуя культурному обмену и экономическому развитию, вместе с тем она может приводить к напряженности в принимающих странах, увеличению социальной нагрузки и возникновению конфликтов на этнической или культурной почве. Важно, чтобы новые независимые государства разработали эффективные стратегии управления миграционными потоками, что позволит минимизировать негативные последствия и использовать миграцию как фактор развития. То есть миграционные процессы требуют комплексного подхода к управлению и сотрудничеству между государствами СНГ для обеспечения стабильности и развития в регионе.

Процесс распада СССР оказал серьезное негативное влияние на экономику Республики Узбекистан, что обусловило массовую миграцию из страны. Сначала уезжали граждане, не относящиеся к титульной нации, затем – и этнические узбеки. На протяжении многих лет Узбекистан остается одним из главных источников миграции в Россию. В 1993–1994 гг. число мигрантов из Узбекистана достигло своего пика. Стоит признать, что количество трудовых мигрантов из года в год варьировалось, показывая как рост, так и сокращение. Например, согласно данным Росстата, в 2023 г. в страну прибыли 560,4 тыс. мигрантов из-за рубежа. Из них лишь 4% составляли мигранты из Республики Узбекистан, 31% прибывающих в Российскую Федерацию были выходцами из Таджикистана, 10% – гражданами Кыргызстана, а по 9% – мигрантами из Украины, Армении и Казахстана¹. По оценкам Росстата, в 2024 г. миграционный прирост населения России достиг 568,5 тыс. человек, из которых 441,1 тыс. обеспечила миграция из стран СНГ. Данный показатель стал максимальным с 1995 г.² Однако оценивая его, стоит принимать во внимание изменение методологии учета миграции с августа 2024 г.

Такое распределение миграционных потоков отражает меняющиеся тенденции в сфере миграции и требует более глубокого изучения причин и последствий как для стран, экспортирующих рабочую силу, так и для государств, принимающих мигрантов. Необходимо подчеркнуть, что миграция оказывает влияние не только на экономику Узбекистана, но и затрагивает социальные и культурные аспекты жизни, как в самой стране, так и в России. Это включает в себя изменения в демографической структуре, взаимодействие культур и адаптацию мигрантов к современным условиям. В данной связи напрашивается вывод: трудовая миграция – это актуальная и сложная проблема, которая требует внимания исследователей и политиков, многостороннего и двустороннего сотрудничества между государствами.

Предмет исследования: миграционные процессы в границах СНГ с особым акцентом на трудовую миграцию из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию.

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 05.03.2025).

² Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года // РБК : [сайт]. 05.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b> (дата обращения: 05.03.2025).

Кроме того, изучается влияние распада Советского Союза на миграционные потоки, а также их социально-экономические последствия для обеих стран.

Объект исследования: социально-демографические процессы, связанные с трудовой миграцией из Республики Узбекистан и других государств-членов СНГ в Россию. При этом особое внимание уделяется рассмотрению механизмов регулирования миграционных потоков и их воздействия на социально-экономическую ситуацию в принимающей стране, а также на страны исхода мигрантов.

Основные задачи исследования:

- 1) анализ динамики миграционных потоков из Узбекистана и других стран СНГ в Россию с 1990-х гг. по настоящее время;
- 2) исследование причин и мотивов миграции, связанных с экономическими, политическими и социальными факторами;
- 3) оценка влияния миграционных процессов на социальную, демографическую и экономическую ситуацию в принимающих и отправляющих странах;
- 4) выявление основных проблем и вызовов, связанных с управлением миграционными потоками в условиях постсоветского пространства;
- 5) разработка рекомендаций по совершенствованию миграционной политики и механизмов межгосударственного сотрудничества в сфере миграции.

Гипотеза исследования: эффективное управление миграционными потоками на постсоветском пространстве, основанное на развитии многостороннего сотрудничества и согласованных миграционных политиках, способствует снижению негативных социально-экономических последствий миграции, стабильности и развитию региональных отношений. В то же время распад СССР и последующие экономические и политические трансформации существенно повлияли на структуру и объем миграционных потоков, что требует постоянного анализа и адаптации миграционных стратегий государств СНГ.

Аспекты интеграции на постсоветском пространстве

Интеграция проявляется в различных областях: экономической, политической, социальной и культурной. Экономическая интеграция включает в себя создание свободных торговых зон, таможенных и экономических союзов, что способствует упрощению торговых отношений между странами. Политическая интеграция выражается в объединении государств в международные организации, такие как Европейский союз и Содружество Независимых Государств (СНГ). Социальная интеграция охватывает взаимодействие различных этнических и культурных групп, тогда как культурная интеграция связана с обменом культурными ценностями и традициями.

Интеграция является важным фактором, оказывающим воздействие на социально-демографические процессы в разных странах, включая Республику Узбекистан. В последние годы Узбекистан активно развивает интеграционные связи как на региональном, так и на международном уровнях, что приводит к изменению социально-демографической ситуации в стране.

Некоторые исследователи подчеркивают роль интеграционных процессов и региональных объединений в формировании единого пространства, что непосредственно влияет на демографическую ситуацию и миграционные потоки.

Например, В. Ван указывает на то, что региональные элиты зачастую не осознают, что интеграция может способствовать укреплению межрегиональных связей и повышению мобильности населения, а значит, стимулировать миграцию внутри объединенного пространства [2]. В связи с чем поддержка интеграционных инициатив, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) или Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), зачастую носит защитный характер, отмечает Р. Эллисон [3]. Это способствует созданию условий для свободного перемещения людей и влияет на демографические процессы – рост населения за счет миграции или изменение возрастной структуры. Н. Геикдаи делает акцент на том, что создание единого рынка позволяет увеличить экономические возможности, улучшить условия жизни, обеспечить стабильность, снизить внутреннюю миграцию в целях поиска работы и повысить демографическую устойчивость региона [4]. В отчете Всемирного банка подчеркивается стратегическая важность интеграции предпринимательских сообществ, что является ключевым фактором в создании рабочих мест и стимулировании экономического роста. Этот процесс оказывает значительное влияние на миграционные потоки и демографические показатели, включая динамику численности населения и структурные трансформации его состава³.

Таким образом, интеграционные процессы и формирование общего экономического пространства играют ключевую роль в стабилизации демографической ситуации, стимулируя внутренние миграционные потоки в рамках региона. Это, в свою очередь, является фундаментальным фактором для обеспечения устойчивого развития. Успешная интеграция требует системного подхода и глубокого понимания взаимных интересов, что представляет собой неотъемлемую составляющую стратегического развития как для Республики Узбекистан, так и для соседних государств.

В разрезе нашего исследования важнейшее значение приобретает концепция интеграции как динамического и многоаспектного процесса взаимодействия различных систем, структур или субъектов. Этот процесс направлен на синергетическое объединение их функциональных возможностей, ресурсных потенциалов и стратегических целей. Интеграция стремится к достижению более высокой эффективности, гармонизации и устойчивости функционирования, как на уровне отдельных элементов, так и всей системы.

В контексте современных миграционных процессов интеграция представляет собой сложное и многоаспектное явление, подразумевающее системное включение мигрантов в социально-экономическую, культурную и политическую структуры принимающего общества. Данный процесс охватывает формирование устойчивых адаптационных механизмов, устранение существующих барьеров и создание благоприятных условий для полноценного участия мигрантов в общественной жизни, обеспечение гармоничного сосуществования различных социокультурных групп.

³ Усилия по достижению целей в области развития // Группа Всемирного банка : [сайт]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report/working-achieve-development-goals> (дата обращения: 05.03.2025).

Интеграция играет ключевую роль в трудовой миграции, так как помогает эффективно использовать человеческий капитал, улучшает трудовые отношения и способствует экономическому росту государства. Хорошо интегрированные мигранты быстрее осваиваются на новом месте, мотивированы к профессиональному развитию и могут внести значительный вклад в развитие общества. Это выгодно как для самих мигрантов, так и для работодателей и страны в целом. Успешная интеграция также снижает социальную напряженность, помогая создать более гармоничное и устойчивое общество.

Интеграционные процессы охватывают широкий спектр областей, включая экономику, политику, социум и культуру. В экономической сфере интеграция проявляется через создание зон свободной торговли и формирование таможенных и экономических союзов, что способствует либерализации торговых потоков и оптимизации экономических связей между государствами. Политическая интеграция представляет собой сложный процесс, в рамках которого государства объединяются в международные организации, такие как Европейский союз или СНГ. Этот феномен характеризуется формированием не только институциональных структур, но и наднациональных правовых норм и механизмов координации. Социальная интеграция, в свою очередь, предполагает гармонизацию взаимодействия различных этнических и культурных групп, что благоприятствует формированию более сплоченного и устойчивого общества. Культурная интеграция является динамическим процессом обмена культурными ценностями, традициями и инновациями, что ведет к взаимному обогащению и развитию культурного многообразия.

Интеграционные процессы играют фундаментальную роль в формировании социально-демографических трендов в различных странах, включая Республику Узбекистан. В последние годы Узбекистан демонстрирует активную динамику в развитии интеграционных связей как на региональном уровне, так и в глобальном контексте. Эти процессы оказывают значительное влияние на социально-демографическую структуру государства, приводя к трансформации важнейших демографических показателей и социальных характеристик населения.

В 2010-е гг. в условиях глобальной экономической взаимозависимости, усиления санкционного давления и борьбы за ресурсы, вопрос укрепления регионального сотрудничества вновь стал особенно актуальным.

В последнее время наблюдается значительное обновление внешнеполитических стратегий государств рассматриваемого региона. В таком контексте следует рассматривать трансформацию внешнеполитического курса Узбекистана под руководством Президента Шавката Мирзиёева, что оказывает существенное влияние на активизацию интеграционных процессов. Его политика направлена на восстановление и укрепление отношений с соседними государствами, что способствует созданию устойчивой и взаимовыгодной региональной среды. Активные инициативы Президента, такие, как участие в многосторонних форумах и развитие экономических связей, становятся важными шагами к углублению сотрудничества в Центральной Азии.

Центральная Азия, будучи сложным и многоаспектным регионом, характеризуется уникальной спецификой каждого из входящих в него государств. Страны ЕАЭС и Узбекистан демонстрируют устойчивый интерес к углублению торго-

экономических связей, что способствует формированию новых векторов интеграции. Внешнеполитические стратегии центральноазиатских стран акцентируют внимание на важности внутрирегиональной интеграции и укреплении внутрирегиональных связей, что является ключевым фактором для устойчивого развития.

Современные интеграционные процессы в Центральной Азии, как и на других постсоветских территориях, имеют преимущественно экономическую основу. Они представляют собой ответ на вызовы глобализации. Страны региона стремятся повысить свою конкурентоспособность в глобальной экономике и решить демографические проблемы. В условиях трансформации мирового рынка труда они активно ищут пути оптимизации условий для мигрантов, что способствует не только экономическому росту, но и социальной стабильности. Интеграционные инициативы включают реализацию совместных проектов в области инфраструктуры, энергетики и торговли, что стимулирует укрепление связей между государствами и формирование устойчивой экономической базы для их будущего развития.

Интеграция на постсоветском пространстве, начиная с формирования Содружества Независимых Государств и продолжая через Евразийский экономический союз, свидетельствует о наличии интереса к экономическому, а не политическому объединению [5, с. 47–49]. Следует отметить, что интеграционные процессы в Центральной Азии требуют внимания к миграции как одному из главных факторов, влияющих на демографические изменения в регионе.

К числу ключевых трансграничных проблем, требующих внимания, можно отнести не только миграцию, но и вопросы энергетической, водной и продовольственной безопасности. А. Дуррани акцентирует внимание на том, что проблемы безопасности служат основой для вовлечения внешних акторов в дела Центральной Азии, что, в свою очередь, влияет на демографические изменения и процессы интеграции в этом регионе⁴.

Первая попытка институционализации межгосударственных отношений в Центральной Азии была реализована в 1993 г. провозглашением Содружества Независимых Государств (СНГ). В 1994 г. был создан механизм Единого экономического пространства (ЕЭП), в который первоначально вошли Казахстан и Узбекистан, а впоследствии к ним присоединился Кыргызстан. Данный этап интеграционного процесса был подкреплен рядом политических инициатив, направленных на углубление взаимодействия между странами региона. В частности, в 1994 г. были учреждены Межгосударственный совет Центральной Азии (МГСЦА), Совет премьер-министров, Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны, Центральноазиатский банк сотрудничества и развития (ЦАБСР). Эти меры ознаменовали собой важные этапы на пути к институционализации интеграционных процессов в Центральной Азии, что призвано способствовать обеспечению региональной стабильности и устойчивого экономического развития [6].

Данное объединение стало первым и, по сути, уникальным прецедентом региональной политической интеграции. Однако впоследствии было принято

⁴ Дуррани, А. «Большая игра» для всех. Афганистан после ухода НАТО: последствия для региональной безопасности // Россия в глобальной политике : [сайт]. 23.12.2012. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-igra-dlya-vsesh/> (дата обращения: 05.03.2025).

стратегическое решение о рефокусировке интеграционных усилий с политического аспекта на экономическую интеграцию. Причины такого перехода были многоаспектными и включали следующие факторы:

1) существенные различия в восприятии интеграционных процессов среди политических лидеров затрудняли достижение консенсуса по ключевым политическим вопросам, что препятствовало консолидации региональных интересов и формированию единого политического курса;

2) значительная часть внимания национальных лидеров была направлена на решение острых социально-экономических проблем, возникших в посткризисный период, что отвлекало ресурсы и внимание от более амбициозных и долгосрочных политических инициатив;

3) обострение межгосударственных противоречий, обусловленных процессами распада СССР, создало дополнительные политические и институциональные барьеры для успешной реализации проектов политической интеграции, что потребовало переориентации интеграционных усилий на более прагматичные экономические меры [6].

Следовательно, экономическая интеграция стала более приоритетной, поскольку страны региона стремились к улучшению своих экономических показателей и стабильности, что, в свою очередь, могло способствовать созданию более благоприятной среды для будущей политической координации.

В 1998 г. был учрежден Центральноазиатский экономический союз (ЦАЭС), к которому впоследствии присоединился Таджикистан. Несмотря на то, что Туркменистан получил уставные документы, он так и не стал полноправным участником данного интеграционного объединения. В 2002 г. ЦАЭС претерпел трансформацию, преобразовавшись в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Однако уже в 2005 г. ОЦАС прекратила свое существование в связи с интеграцией в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) [6].

Перспективы возрождения центральноазиатского вектора многостороннего развития начали обретать реальные очертания с 2016 г., когда Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиев инициировал интенсификацию сотрудничества с государствами Центральной Азии, формируя так называемую «Центральноазиатскую четверку». В этот период Узбекистан провозгласил приоритетом своей внешней политики регион Центральной Азии, что стало ключевым моментом в контексте стратегического планирования и экономической интеграции. Данный вектор развития оказал значительное влияние не только на экономическое пространство, но и на демографические процессы, способствуя укреплению социально-экономической стабильности и улучшению качества жизни населения.

В Цели 94 Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг. под названием «Поднятие на высокий уровень тесного сотрудничества в области безопасности, торгово-экономической, водной, энергетики, транспорта и культурно-гуманитарной сферах в Центральной Азии» акцент делается на следующих аспектах:

1) проведение совещаний, включая межправительственные комиссии, политические консультации и заседания комиссий по межпарламентскому сотрудничеству, с использованием различных форматов диалога на высшем уровне и двустороннего взаимодействия с государствами Центральной Азии;

- 2) организация регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии на ежегодной основе и активное участие Узбекистана в таких встречах;
- 3) разработка Стратегии регионального сотрудничества в Центральной Азии, направленной на укрепление связей между государствами региона;
- 4) активное продвижение национальных интересов Узбекистана в рамках различных региональных организаций;
- 5) вывод сотрудничества в Центральной Азии на новый уровень в сфере экологии, включая меры по предотвращению загрязнения окружающей среды и охране природных ресурсов;
- 6) принятие скоординированных действий в сфере туризма, учитывающих современные реалии и эпидемиологические требования⁵.

Эти меры направлены на создание более интегрированной и взаимовыгодной региональной политики, что будет способствовать стабильному развитию всех стран Центральной Азии.

Второй этап интеграции в Центральной Азии

Началом второго этапа интеграционных процессов в Центральной Азии можно считать март 2018 г., когда в Астане по инициативе Узбекистана состоялся первый консультативный саммит глав государств региона. Данный форум стал важным событием после упразднения Организации Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), что актуализировало необходимость поиска новых форматов взаимодействия между странами региона. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев, вступивший в должность в 2017 г., за короткий срок установил конструктивные отношения с лидерами всех центральноазиатских государств. Его внешнеполитическая стратегия была направлена на укрепление регионального сотрудничества и создание благоприятных условий для экономического развития. Ключевым аспектом внешней политики Узбекистана стало стремление к экономической интеграции, что предполагало переход от модели импортозамещения к экспортоориентированной экономике. Для достижения этой цели были инициированы реформы, направленные на повышение конкурентоспособности узбекских товаров, модернизацию производственных мощностей и развитие инфраструктуры. Такие меры способствовали не только укреплению экономических связей между странами Центральной Азии, но и формированию предпосылок для создания единого экономического пространства.

Экономическая интеграция играет важную роль в развитии Узбекистана, оказывая значительное влияние на его экономический рост и модернизацию. Вступление в межгосударственные объединения, такие как ЕАЭС и ШОС, способствует расширению доступа к глобальным рынкам, диверсификации экспортно-импортных операций, снижению зависимости от отдельных торговых партнеров и привлечению иностранных инвестиций. Эти факторы повышают конкурентоспособность национальной экономики, стимулируют рост ВВП, развитие промышленного

⁵ О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 // Законодательство Узбекистана : [сайт]. URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (дата обращения: 05.03.2025).

производства и сферы услуг, а также способствуют созданию новых рабочих мест. Увеличение доходов населения положительно сказывается на качестве жизни граждан, что стимулирует процессы урбанизации и концентрацию трудовых ресурсов в ключевых экономических зонах.

Интеграционные процессы оказывают комплексное влияние и на миграционные процессы, трансформируя демографические структуры и социально-экономические ландшафты. Либерализация пограничного контроля и упрощение визовых режимов создают благоприятные условия для трудовой миграции, способствуя интенсификации трансграничного перемещения рабочей силы. В частности, значительное число узбекских граждан устремляется на заработки в соседние государства, что приводит к существенным демографическим сдвигам. С одной стороны, такие миграционные потоки предоставляют экономические возможности для мигрантов и их домохозяйств, стимулируя повышение уровня жизни. С другой стороны, массовый отток трудоспособного населения вызывает дефицит квалифицированных кадров в ряде регионов, что негативно сказывается на экономическом потенциале и устойчивости местных сообществ. Таким образом, интеграция, несмотря на свои очевидные преимущества, несет и определенные риски, в свете чего данный процесс требует тщательного анализа для определения наилучших механизмов управления миграционными потоками с целью минимизации негативных последствий и максимизации положительных эффектов для всех участников интеграционных объединений.

Улучшение экономической конъюнктуры и создание новых рабочих мест в ходе интеграционных процессов могут существенно снизить миграционные настроения населения. Граждане будут склонны оставаться в стране, если увидят реальные перспективы для карьерного роста и личного благосостояния. Следует отметить, что успешная экономическая интеграция способствует не только увеличению ВВП и повышению уровня занятости, но и улучшению социального климата, что к тому же благоприятно сказывается на демографических показателях.

В условиях отсутствия прямого выхода к Мировому океану, подобно другим государствам региона, Узбекистан обладает значительным потенциалом для оптимизации экспортных возможностей через развитую транспортно-логистическую инфраструктуру Центральной Азии. Для успешного внедрения новой экономической стратегии, ориентированной на интеграцию в глобальные цепочки поставок, Узбекистану необходимо активизировать межгосударственные отношения с соседними странами. В частности, следует сосредоточиться на решении актуальных проблем, связанных с международной торговлей, транспортными перевозками и кооперацией в различных отраслях экономики. Реализация данного подхода не только способствует улучшению экономической ситуации в стране, но и укрепляет региональные интеграционные процессы, создавая новые перспективы для взаимовыгодного сотрудничества.

Эффективная региональная интеграция представляет собой стратегический вектор, способствующий формированию устойчивой демографической динамики и повышению качества жизни в Центральной Азии. Научные работы авторитетных исследователей, таких как А. А. Мигранян [7], Г. И. Осадчая [8], С. В. Рязанцев [9–12], Г. А. Погосян [13] и ряда других подтверждают значимость межрегионального

сотрудничества в контексте решения актуальных демографических вызовов, включая регулирование уровня рождаемости, оптимизацию продолжительности жизни и обеспечение миграционной стабильности. Эти исследования демонстрируют, что интенсификация межгосударственного взаимодействия создает благоприятные условия для гармоничного демографического развития, а также способствует систематическому обмену передовыми практиками и научными достижениями.

В монографии «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты» [14] представлен всесторонний анализ влияния процессов интеграции в ЕАЭС на демографические тренды стран-участниц. Исследование акцентирует внимание на ключевых детерминантах, способствующих усилению межгосударственного взаимодействия и стабильности населения. Авторы подчеркивают, что дальнейшее развитие интеграционных инициатив может стать мощным инструментом для повышения социальной сплоченности и обеспечения устойчивых демографических трендов в регионе.

Интеграционные процессы в Центральной Азии оказали существенное воздействие на демографическую обстановку в данном регионе. Экономическое объединение способствовало росту миграционных потоков как внутри государств, так и между ними. Многие жители региона стали искать более выгодные экономические перспективы за пределами своих государств, что привело к изменению демографической ситуации. Рост трудовой миграции также способствовал формированию новых сообществ и интенсификации культурного обмена, что равным образом повлияло на социальную структуру и культурные традиции территории.

Кроме того, интеграционные процессы в регионе благоприятствовали развитию инфраструктуры и повышению качества жизни населения, что отразилось на демографических показателях, включая уровень рождаемости. На 1 января 2025 г. численность постоянного населения Узбекистана достигла 37 млн 543,2 тыс. человек⁶. Таким образом, рост населения за 2024 г. составил 2%, или 743,4 тысячи человек. Однако, несмотря на позитивные тенденции, необходимо учитывать и возможные негативные последствия интеграционных процессов. В частности, существует риск вымирания отдельных этнических групп и утраты культурной идентичности в условиях усиливающейся мобильности населения. Эти факторы требуют тщательного анализа и разработки соответствующих мер для сохранения культурного разнообразия региона.

В отличие от начального этапа интеграции, современная парадигма акцентирует внимание не только на институционализации многосторонних отношений, но и на существенном углублении экономического взаимодействия. Ключевыми аспектами такого процесса являются синхронизация логистических инфраструктур, модернизация транспортных систем, устранение барьеров для взаимной торговли и свободного передвижения трудовых ресурсов [6]. Важно подчеркнуть, что активное сотрудничество в области цифровых технологий и инноваций

⁶ Демография. Основные демографические показатели // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике : [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 05.03.2025).

содействует укреплению интеграционных связей и повышению конкурентоспособности участников этого процесса.

Интеграция в рамках Евразийского экономического союза оказывает заметное влияние на демографическую ситуацию в Узбекистане. Упрощение условий для трудовой миграции и облегчение доступа узбекских граждан к рынкам труда стран-участниц союза способствуют увеличению числа граждан, работающих за пределами своей страны. Что, в свою очередь, может привести к значительным изменениям в структуре населения, как в самой стране, так и в принимающих государствах.

Трудовая миграция обеспечивает важный источник дохода для семей, оставшихся в Узбекистане, активизируя экономическое развитие и повышая уровень жизни. В то же время массовый выезд рабочей силы может создать проблемы – дефицит квалифицированных кадров и снижение рождаемости, что в долгосрочной перспективе способно негативно сказаться на демографической ситуации.

В Республике Узбекистан, как стране, отправляющей мигрантов, проводится определенная работа по совершенствованию данной сферы. Например, воплощается в жизнь Стратегия Нового Узбекистана на 2022–2026гг., в которой предусмотрены различные мероприятия, направленные на поднятие государства на качественно новый уровень развития (документ утвержден Указом Президента Республики Узбекистан от 28.01.2022 г. № УП-60)⁷.

В данной Стратегии, основанной на принципе «Государство для человека», определены семь ключевых направлений, включающих 100 стратегических целей на ближайшие пять лет. Основной целью Стратегии является укрепление, развитие и процветание узбекского народа. В документе учтены важнейшие мировые тенденции – цифровизация, усиление роли гражданского общества, при этом особое внимание уделяется уязвимым категориям населения.

Реализация Стратегии потребует принятия дополнительных нормативно-правовых актов, создания инновационных механизмов и институтов, трансформации существующих структур. Важными аспектами будут внедрение современных технологий и новаторских решений, постоянное повышение информированности населения о проводимых преобразованиях, передовых практиках и успешном опыте.

Одно из семи направлений Стратегии, озаглавленное «Подход к глобальным проблемам на основе национальных интересов», включает в себя цели 79–88, касающиеся решения глобальных вызовов, таких как экологические проблемы, терроризм, коррупция, миграция, искоренение бедности и борьба с пандемиями⁸. Это направление предполагает разработку и внедрение мер, направленных на эффективное решение указанных проблем с учетом приоритетов и интересов государства.

Во главу угла Стратегии был выдвинут основной принцип «Государство для человека». В цели 86 «Обеспечение осуществления безопасной, организованной

⁷ О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 // Законодательство Узбекистана : [сайт]. URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (дата обращения: 05.03.2025).

⁸ Там же.

и законной трудовой миграции, а также ведение эффективной миграционной политики» раздела VI «Подход к глобальным проблемам, исходя из национальных интересов» Узбекистан выделил дальнейшее развитие международного сотрудничества в борьбе с незаконной внешней трудовой миграцией и торговлей людьми как одно из главных направлений.

Кроме того, были определены следующие основные задачи:

- 1) подготовка граждан к работе за границей через обучение профессиям и иностранным языкам, системное и оперативное внедрение мер по выдаче международных сертификатов, подтверждающих профессиональную квалификацию;
- 2) расширение практик финансовой и социальной поддержки трудовых мигрантов, в том числе страхование их жизни и здоровья;
- 3) реинтеграция возвращающихся с трудовой миграции, включая обеспечение их занятости, повышение профессиональной квалификации и поддержку предпринимательских инициатив;
- 4) обучение не менее 300 тысяч граждан, желающих работать за границей, профессиям и иностранным языкам;
- 5) организация безопасной и упорядоченной трудовой миграции для более чем 400 тыс. граждан, оказание адресной помощи в защите прав работников за границей⁹.

В качестве логического продолжения к сказанному выше Указом Президента Республики Узбекистан были утверждены Стратегия «Узбекистан-2030» и постановление «О мерах по качественной и своевременной реализации Стратегии «Узбекистан-2030» в 2023 г. В Стратегии развития Нового Узбекистана обозначены сто целей, распределенных по пяти приоритетным направлениям. Из них 44 направлены на создание достойных условий для реализации потенциала каждого гражданина.

В разделе «5.1. Реформы, направленные на проведение открытой, прагматичной и активной внешней политики» в 95-й цели предусмотрено «совершенствование системы внешней трудовой миграции, оказание всестороннего содействия гражданам, осуществляющим трудовую деятельность за рубежом». В этом контексте запланированы следующие меры:

- 1) увеличение числа соглашений с зарубежными странами по вопросам трудоустройства;
- 2) организация системы профессионального обучения и трудоустройства граждан в 2 тыс. зарубежных компаний, совместно с иностранными партнерами, в рамках государственного частного партнерства;
- 3) реинтеграция граждан, вернувшихся из трудовой миграции, включая обеспечение их занятости, повышение квалификации и стимулирование предпринимательской активности;

⁹ О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 // Законодательство Узбекистана : [сайт]. URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (дата обращения: 05.03.2025).

4) дальнейшее развитие международного сотрудничества в борьбе с нелегальной внешней трудовой миграцией и торговлей людьми¹⁰.

Среди основных факторов, способствующих предотвращению миграционных проблем, является решение вопросов занятости населения в стране. Для улучшения механизмов трудоустройства на свободные и квотируемые рабочие места, а также для стимулирования эффективных форм самозанятости в Узбекистане ежегодно разрабатываются специальные государственные проекты и программы.

В данной связи проводится масштабная работа по созданию достойных условий жизни для граждан, улучшению бизнес-климата и обеспечению занятости через социально-экономическое развитие. Внимание уделяется поддержке активного предпринимательства, внедрению инновационных идей и раскрытию созидательного потенциала населения. Примером таких инициатив служит программа «Каждая семья – предприниматель», которая направлена на вовлечение семей в предпринимательскую деятельность и создание новых рабочих мест¹¹.

Дополнительно стоит отметить, что реализация этих программ не только способствует улучшению уровня жизни, но и способствует развитию местных сообществ, снижению социального напряжения и укреплению экономики страны в целом. Следовательно, комплексный подход к вопросам занятости – важный шаг в решении проблемы миграции и создании устойчивого будущего для Узбекистана.

С учетом накопленного опыта и сложностей, возникающих в ходе переговоров между странами-участницами, интеграция в Центральной Азии, скорее всего, будет реализовываться в виде многостороннего партнерства. Это может открыть новые возможности для сотрудничества в сфере образования, здравоохранения и социальных программ, что также важно для стабилизации демографической ситуации в Республике Узбекистан.

Таким образом, интеграция с ЕАЭС не только оживляет экономические связи, но и вносит коррективы в демографические процессы, требуя от государства адаптации к современным реалиям, как в плане миграционной политики, так и в вопросах социальной поддержки населения.

Заключение

После распада Советского Союза страны СНГ столкнулись с множеством сложных проблем, среди которых миграция играла ключевую роль. Экономические трудности, политическая нестабильность и социальные изменения привели к значительному росту миграционных потоков. Это повлияло на демографическую ситуацию как в государствах, откуда уезжали люди, таких как Узбекистан, так и в тех, куда они прибывали, включая Россию.

Миграционные процессы, выступая в качестве ключевого фактора региональной интеграции, требуют комплексного подхода к управлению

¹⁰ О Стратегии «Узбекистан-2030». Указ Президента Республики Узбекистан, от 11.09.2023 г. № УП-158 // Законодательство Узбекистана : [сайт]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (дата обращения: 05.03.2025).

¹¹ О реализации программы «Каждая семья-предприниматель» Постановление Президента Республики Узбекистан, от 07.06.2018 г. № ПП-3777 // Законодательство Узбекистана : [сайт]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3772866> (дата обращения: 05.03.2025).

и межгосударственному взаимодействию в рамках Содружества Независимых Государств. В последние годы Узбекистан под руководством Президента Ш. Мирзиёева интенсифицировал свои усилия по углублению интеграционных связей, как на региональном уровне, так и в контексте участия в международных организациях, таких как ЕАЭС, ШОС. Данная стратегия способствовала созданию новых возможностей для развития торгово-экономических отношений и модернизации социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, может оказать положительное влияние на снижение уровня миграции и повышение качества жизни населения.

Современные интеграционные процессы на постсоветском пространстве характеризуются выраженной экономической доминантой, что обусловлено стремлением стран региона к повышению уровня конкурентоспособности в условиях глобализации. Однако для эффективного решения проблем, связанных с миграцией населения, необходимо учитывать не только экономические, но и социальные, культурные и институциональные аспекты. Успешная интеграция мигрантов требует комплексного подхода, включающего решение вопросов занятости, образования и социальной поддержки. Это позволит создать благоприятные условия для стабильного социально-экономического развития как в Узбекистане, так и в других странах Центральной Азии.

В рамках ЕАЭС и иных региональных форматов интеграция представляет собой важный инструмент для улучшения демографической ситуации и стимулирования экономического роста. Однако для достижения стабильных и устойчивых результатов необходимо продолжать работу по созданию благоприятных условий для мигрантов и их семей, а также развивать межгосударственное сотрудничество в различных сферах. Только комплексный и системный подход позволит обеспечить гармоничное и устойчивое развитие региона в долгосрочной перспективе.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы:

1. Распад Советского Союза как значимое геополитическое событие привел к масштабным миграционным процессам в странах СНГ. В результате наблюдались значительные изменения в демографических характеристиках населения, в том числе в возрастной структуре, этническом разнообразии и уровне урбанизации. Экономические последствия включали трансформацию рынка труда, изменение спроса на рабочую силу и рост неформальной занятости. Социально-экономическая ситуация в государствах постсоветского пространства претерпела значительные изменения, что потребовало адаптации существующих институтов и разработки новых стратегий управления демографическими процессами.

2. Миграция представляет собой ключевой фактор интеграции, требующий комплексного подхода в управлении и межгосударственного сотрудничества на различных уровнях. Эффективная миграционная политика необходима для минимизации негативных последствий данного процесса и обеспечения возможностей для наиболее полной реализации потенциала, заложенного в миграционных потоках. В этом контексте интеграция мигрантов в принимающие общества становится приоритетной задачей, требующей координации усилий как на национальном, так и на международном уровнях. Комплексный подход к управлению миграцией предполагает разработку и реализацию стратегий, направленных на адаптацию мигрантов, их интеграцию в социально-экономическую и культурную среду

принимающих стран, а также на обеспечение прав и свобод всех участников миграционного процесса.

3. Региональные интеграционные объединения – ЕАЭС и ШОС – комплексные механизмы, способствующие углублению торгово-экономических связей и укреплению социальной стабильности. Эти механизмы имеют потенциал для снижения уровня миграции и повышения качества жизни населения за счет синергетического эффекта от координации экономической и социальной политики. В рамках таких интеграционных объединений происходит институционализация механизмов сотрудничества, что позволяет более эффективно решать задачи экономического развития и социальной интеграции. Таким образом, региональные интеграционные процессы выступают важным инструментом для обеспечения устойчивого развития и повышения благосостояния населения.

4. Экономическая составляющая, несомненно, является фундаментальным элементом современных интеграционных процессов, однако для их эффективной реализации необходимо учитывать многофакторную природу взаимодействия, включая социальные и культурные аспекты. В частности, вопросы занятости, образования и социальной поддержки требуют тщательного анализа и комплексного подхода, поскольку они оказывают непосредственное влияние на устойчивость и динамику интеграционных инициатив.

Сформулируем следующие предложения:

1. Необходимо углублять и расширять интеграционные процессы на региональном уровне – в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Особое внимание следует уделить созданию условий для легальной и безопасной миграции. Следует выработать комплексные механизмы регулирования миграционных потоков, которые должны учитывать правовые, экономические и социальные аспекты. Это необходимо для устойчивого развития и стабильности в регионе.

2. Разработка комплексных программ адаптации и социальной интеграции мигрантов и их семей крайне важна для снижения социальной напряженности и гармоничного включения таких групп в принимающее общество. В условиях глобализации и роста числа прибывающих людей важно принимать стратегически обоснованные и научно подкрепленные меры. Эти меры должны минимизировать социокультурные различия и обеспечить равные возможности для всех. Программы обязаны учитывать специфику миграционных потоков, социально-экономические условия принимающего общества и индивидуальные потребности мигрантов. Такой подход создаст благоприятные условия для их успешной адаптации и интеграции.

3. Для эффективного решения проблемы миграционного давления и повышения уровня жизни населения необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на создание новых рабочих мест, модернизацию образовательной системы и развитие социальной инфраструктуры. Это позволит не только стабилизировать демографическую ситуацию, но и будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию региона.

4. В эпоху глобализации и изменения миграционных потоков важно усилить международное сотрудничество в области миграционной политики. Это

взаимодействие должно основываться на принципах синергии и координации, чтобы эффективно обмениваться информацией и снижать риски, связанные с миграцией. Для гармонизации миграционных потоков и устойчивого развития регионов необходим комплексный подход, включающий внедрение инновационных стратегий управления миграцией. Основные задачи: 1) создать эффективные механизмы обмена данными между странами, чтобы быстро реагировать на миграционные вызовы; 2) разработать правовые нормы, регулирующие миграционные процессы и защищающие права мигрантов; 3) интегрировать миграционную политику в стратегию устойчивого развития территорий, учитывая демографические, экономические и социальные факторы. Следовательно, укрепление международного сотрудничества в сфере миграционной политики – важнейший фактор гармоничного и устойчивого развития регионов.

5. Для повышения устойчивости и гармонизации социально-экономического развития региона необходимо стимулирование внутреннего экономического роста и социального прогресса в государствах-экспортерах трудовых ресурсов. Это даст возможность не только снизить миграционную активность, но и создать предпосылки для повышения уровня жизни населения таких стран. В рамках данной стратегии важно акцентировать внимание на реализации инициатив, направленных на модернизацию производственных мощностей, развитие инфраструктуры, улучшение качества человеческого капитала и формирование эффективных механизмов социальной защиты. Таким образом, только посредством системного и целенаправленного воздействия на ключевые факторы внутренней экономической и социальной среды можно обеспечить устойчивое развитие Центральной Азии в условиях глобальной нестабильности и региональных вызовов.

Список литературы

1. Миграционные процессы после распада СССР : Программа по исследованию миграции. Выпуск 5. Москва : Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994. 236 с. EDN [RVYRSR](#).
2. Wang, W. The Effects of Regional Integration in Central Asia // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2014. Vol. 50, Sup. 2. Pp. 219–232. DOI [10.2753/REE1540-496X5002S215](#).
3. Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27, № 2. Pp. 185–202. DOI [10.1080/02634930802355121](#).
4. Geyikdagi, N. V. Regional Integration in Central Asia // *Journal of Asia-Pacific Business*. 2005. Vol. 6, № 4. Pp. 61–74. DOI [10.1300/J098v06n04_05](#).
5. Кязимзаде, М. М. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные тенденции развития // *Инновации и инвестиции*. 2018. № 5. С. 47–51. EDN [ZHJWRW](#).
6. Махмутова, Е. В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // *Вестник МГИМО Университета*. 2018. № 4(61). С. 78–91. DOI [10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91](#). EDN [YMZUYP](#).
7. Миграция, А. А. Особенности демографии в странах Центральной Азии. Часть 1. Социально-демографические показатели стран Центральной Азии // *Обозреватель*. 2016. № 11(322). С. 98–108. EDN [XBDWUF](#).
8. Осадчая, Г. И. Мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: оценка миграционного опыта // *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 65–74. DOI [10.31857/S013216250019752-0](#). EDN [YFPGYO](#).
9. Рязанцев, С. В. Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России) / С. В. Рязанцев, Г. Н. Очирова // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 2. С. 46–63. DOI [10.17976/jpps/2021.02.04](#). EDN [YLCWXH](#).

10. Рязанцев, С. В. Система измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 971–986. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-3-18](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-18). EDN [GBNOOD](https://www.edn.ru/GBNOOD).

11. Рязанцев, С. В. Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Г. Н. Очинова // Вестник МГИМО Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 81–100. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100). EDN [HBMSTR](https://www.edn.ru/HBMSTR).

12. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). EDN [VNIFYFR](https://www.edn.ru/VNIFYFR).

13. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции» / С. В. Рязанцев, Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян [и др.] ; под общ. ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Осадчей. Выпуск № 4. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. 135 с. ISBN 978-5-907233-00-3. EDN [UMOYTC](https://www.edn.ru/UMOYTC).

14. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС : [научный доклад] / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, М. Л. Вартанова [и др.] ; под общ. ред. Г. И. Осадчей ; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). EDN [AXDMON](https://www.edn.ru/AXDMON).

Сведения об авторе

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права и прав человека, Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент, Узбекистан.

Контактная информация: e-mail: muattara161@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1542-1425](https://orcid.org/0000-0003-1542-1425).

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; принята в печать 19.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION ON SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN UZBEKISTAN

Muattara A. Rakhimova

Tashkent State University of Law, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: muattara161@mail.ru

For citation: Rakhimova, M. A. The Impact of Regional Economic Integration on Socio-Demographic Processes in Uzbekistan. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 84–101. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.6).

Abstract. The article examines the impact of regional economic integration processes in the post-Soviet landscape on socio-demographic changes in the Republic of Uzbekistan. Attention is focused on labor migration as one of the key problems. After the collapse of the USSR, Uzbekistan became the main donor of labor migrants in the region, which influenced the socio-demographic situation in the republic. Integration within the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) opens new economic horizons, contributing to the development of Central Asian countries, but also creates challenges for migration policy and social infrastructure. The article examines both positive and negative aspects of integration in the context of the labor market, quality of life and demographic indicators in the Republic of Uzbekistan and neighboring states. Simplification of the visa regime and opening of borders contribute to an increase in labor migration, which, on the one hand, creates new economic opportunities for the population, and on the other hand, can lead to a shortage of labor resources and a decrease in the birth rate in the country. The article emphasizes the need to adapt state policy to new realities, including measures to support labor migrants and improve the standard of living of the population. In addition, strategies aimed at improving social security and creating conditions for the return of migrants are considered. Integration within the EAEU and other regional formats seems to be an important step towards improving the demographic situation and economic growth in Central Asia. To achieve sustainable results, it

is necessary to consider not only economic but also social aspects, which will create conditions for harmonious and stable development of the region in the future.

Keywords: CIS, migration, labor migration, Uzbekistan, integration, EAEU, demographic processes, social policy, economic cooperation

References

1. *Migratsionnyye protsessy posle raspada SSSR : Programma po issledovaniyu migratsii* [Migration processes after the collapse of the USSR: Migration research program]. Issue 5. Moscow : Institute of Economic Forecasting RAS, 1994. 236 p. (In Russ.).
2. Wang, W. The Effects of Regional Integration in Central Asia. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2014. Vol. 50, Sup. 2. Pp. 219–232. DOI [10.2753/REE1540-496X5002S215](https://doi.org/10.2753/REE1540-496X5002S215).
3. Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia. *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27, No. 2. Pp. 185–202. DOI [10.1080/02634930802355121](https://doi.org/10.1080/02634930802355121).
4. Geyikdagi, N. V. Regional Integration in Central Asia. *Journal of Asia-Pacific Business*. 2005. Vol. 6, No. 4. Pp. 61–74. DOI [10.1300/J098v06n04_05](https://doi.org/10.1300/J098v06n04_05).
5. Kazimzade, M. M. Integratsionnyye protsessy na postsovetском prostranstve: osnovnyye tendentsii razvitiya [Integration processes in the post-Soviet space: main development trends]. *Innovation and Investment*. 2018. No. 5. Pp. 47–51. (In Russ.).
6. Makhmutova, E. V. Central Asia in Search for Its Own Way of Integration. *MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 4(61). Pp. 78–91. DOI [10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91). (In Russ.).
7. Migranyan, A. A. Features of Development of Demographic Processes in the Countries of CA. Part 1. Social And Demographic Indicators of the Countries of CA. *Observer*. 2016. No. 11(322). Pp. 98–108. (In Russ.).
8. Osadchaya, G. I. Migrants from Uzbekistan in the Moscow Agglomeration: Assessment of Migration Experience. *Sociological Studies*. 2023. No. 4. Pp. 65–74. DOI [10.31857/S013216250019752-0](https://doi.org/10.31857/S013216250019752-0). (In Russ.).
9. Ryazantsev, S. V., Ochirova, G. N. Is the Fight Against Illegal Immigration Effective (Experience of the USA, European Union and Russia)? *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. Pp. 46–63. DOI [10.17976/jpps/2021.02.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04). (In Russ.).
10. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. System for Measuring the Socio-Economic Sustainability of the Eurasian Economic Union. *Economy of Region*. 2021. Vol. 17, No. 3. Pp. 971–986. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-3-18](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-18). (In Russ.).
11. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Ochirova, G. N. Russian-Speaking Population in Far-Abroad Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 81–100. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100). (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sociological Studies*. 2019. No. 9. Pp. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). (In Russ.).
13. Ryazantsev, S. V., Osadchaya, G. I., Pogosyan, G. A. [et al.] *Proyekt “Sotsial’no-politicheskoye izmereniye realizatsii protsessov yevraziyskoy integratsii”* [Project “Socio-political dimension of the implementation of Eurasian integration processes”]. Ed. by S. V. Ryazantsev, G. I. Osadchaya. Issue No. 4. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2019. 135 p. ISBN 978-5-907233-00-3. (In Russ.).
14. Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Vartanova, M. L. [et al.] *Integratsionnyye protsessy v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze: sotsial’no-demograficheskiye aspekty. K 10-letiyu YEAES* [Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. On the 10th anniversary of the EAEU] : Scientific Report. Ed. by G. I. Osadchaya. Moscow : FCTAS RAS, 2025. 383 p. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). (In Russ.).

Bio note

Muattara A. Rakhimova, Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law and Human Rights, Tashkent State University of Law, Tashkent, Uzbekistan.

Contact information: e-mail: muattara161@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1542-1425](https://orcid.org/0000-0003-1542-1425).

Received on 25.03.2025; accepted for publication on 19.05.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.7)

EDN [LIKLFQ](https://www.edn.ru/liklfq)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Чжан Личэн

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай

E-mail: Licheng.zhang@mail.ru

Ван Цзяюэ

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай

E-mail: wangjiayue1015@163.com

Для цитирования: Чжан Личэн. Демографические проблемы России в зеркале китайской научной литературы / Чжан Личэн, Ван Цзяюэ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 102–119. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.7). EDN [LIKLFQ](https://www.edn.ru/liklfq).

Аннотация. Анализ демографических проблем является актуальным как для понимания внутренней ситуации в стране, так и для осуществления международного сотрудничества в области демографической и миграционной политики. Российская Федерация выступает долгосрочным стратегическим партнером Китая, и тема ее демографического развития привлекает внимание широкого круга китайских ученых. Статья посвящена анализу основных направлений исследований демографических проблем России в научной литературе КНР с помощью приложения CiteSpace 6.3. Исходным материалом для анализа служат 284 статьи, опубликованные в период с 1994 по 2024 г. в базе данных «Китайская национальная инфраструктура знаний» (China National Knowledge Infrastructure, CNKI). Цель исследования состоит в выявлении структурных и временных закономерностей и тенденций в китайской научной литературе, посвященной исследованию демографических проблем России. Установлено, что в эволюции научных изысканий ученых из КНР, посвященных этой теме, можно выделить три этапа развития: начальный (1994–2014 гг.), переходный (2015–2019 гг.) и современный (2020–2024 гг.). В области исследования демографической ситуации в России трудится несколько влиятельных китайских ученых, однако уровень их международного сотрудничества остается ограниченным. Анализ ключевых слов, используемых в публикации по данной проблематике, показывает, что внимание исследователей из Китая чаще всего привлекают «низкая рождаемость», «высокая смертность», «старение населения», «утечка умов» и «китайская миграция». Полученные нами результаты открывают перспективы для дальнейшего сравнительного анализа научной литературы, посвященной демографическим вызовам в России и Китае, что имеет большое значение не только для научной, но и для практической работы по решению названных проблем в обеих странах.

Ключевые слова: демография, демографические проблемы, миграционные проблемы, CiteSpace, визуализированная карта научных знаний, библиометрия

Введение

Демографические проблемы в мире важно изучать в связи с тем, что высокий естественный прирост населения может привести к глобальным проблемам, неизбежно охватывающим все сферы жизни общества [1, с. 85]. Население – это постоянно движущаяся социальная группа, проживающая в определенной социальной системе, на определенной территории, в определенный момент времени.

Особенность населения заключается в том, что оно постоянно восстанавливается в процессе воспроизводства и находится в состоянии саморазвития. Население является основным материальным компонентом человеческого общества [2, с. 69]. Так, развитие и изменение численности населения неразрывно связано с социально-экономической и политической обстановкой в стране. Поэтому исследование демографических проблем, несомненно, имеет большое значение для понимания состояния и перспектив развития государства.

Китай выступает стратегическим партнером России, и его интерес к российским социально-экономическим и демографическим процессам постоянно растет. Это связано как с географической близостью, так и с необходимостью понимания демографических тенденций для развития двустороннего сотрудничества в области экономики, торговли, миграции и культурного обмена. Перед лицом глобальных демографических вызовов как Китай, так и Россия должны провести соответствующие исследования и на их основе разработать эффективные меры. Благодаря взаимному обмену опытом две страны смогут более эффективно реагировать на демографические проблемы. На таком основании исследование демографических проблем Российской Федерации является не только обязанностью отечественных ученых, но и центром внимания международных демографов. Обзор результатов этих исследований поможет масштабно описать основные взгляды китайских ученых на демографические проблемы и ситуацию в России и доказать, что такие исследования являются перспективными. Он также может способствовать сотрудничеству и обмену мнениями между отечественными и зарубежными учеными в области исследования демографических проблем. Всем вышесказанным и обусловлена актуальность нашего исследования.

Обзор литературы по теме исследования

Китайские ученые проявляют большой интерес к заявленной проблематике. В КНР исследование демографических проблем РФ имеет глубокую историческую основу и увенчалось значительными успехами. В Китае эти исследования начались в конце XX века, особенно после распада Советского Союза в 1991 г. В то время изменения в социальных, экономических и демографических условиях России привлекли пристальное внимание китайских ученых. Исследования данного периода сосредоточены на описании состояния и развития населения Российской Федерации, а также на анализе причин демографического кризиса. Сюй Фэнцай отмечает, что экономический кризис и распад СССР привели к резкому сокращению численности населения России [3]. Кроме того, изменения в репродуктивных установках населения, высокий уровень разводов и несбалансированное соотношение мужчин и женщин также являются непосредственными причинами кризиса.

С начала XXI века по причине ускорения глобализации и углубления китайско-российских отношений перспективы академических исследований ученых двух стран постепенно расширяются и становятся более разнообразными. С одной стороны, китайские исследователи стали активнее заниматься всесторонним анализом исторической эволюции и последствий демографического кризиса в России, перспективами ее демографического развития. Важный вклад внесли такие китайские ученые, как Чэн Ицзюнь [4–6] и Ма Вэйюнь [7–9]. Их работы посвящены

вопросам как старения населения, низкой рождаемости и дисбаланса в демографической структуре. С другой стороны, в связи с изменениями в национальной демографической политике ученые из КНР проводят углубленные исследования демографической политики России. Дай Гуйцзю анализирует серьезный демографический кризис, с которым столкнулась Российская Федерация после распада Советского Союза, а также меры, принятые правительством для его преодоления [10]. Гао Цзисян исследует современное состояние проблем населения России и Китая и значение демографической политики России для Китая со сравнительной точки зрения [11].

В условиях углубления сотрудничества между КНР и РФ российская миграционная политика и китайско-российское трудовое сотрудничество¹ находятся в центре внимания китайских исследователей. Ван Сяобо изучает российскую миграционную политику и механизмы управления иностранными мигрантами с целью разработки рекомендаций для миграционной политики Китая [12]. Лю Хуэйли отмечает, что развитие Дальнего Востока России в значительной степени зависит от поддержки китайских работников [13]. В этой связи важно разработать эффективный механизм трудового сотрудничества между Китаем и Россией для содействия взаимному развитию. Следует отметить, что после глобальной эпидемии COVID-19 китайские исследователи начали уделять внимание влиянию пандемии на население Российской Федерации. Лю Вэйли подчеркивает, что она усугубила демографические проблемы, в результате чего рождаемость не удастся удерживать на уровне воспроизводства, а внутренняя миграция не может восполнить убыль населения [14].

В целом исследования китайских ученых, посвященные демографическим проблемам России, охватывают различные аспекты. Их исследования призваны доказать значимость демографических проблем России для Китая и их влияние на сотрудничество между двумя странами. В данной области существует множество специализированных исследований, в то время как количество работ по комплексному анализу, горизонтальному сравнению и глубокому изучению причин демографического кризиса все еще недостаточно. Эти аспекты требуют своего дальнейшего изучения.

Методология исследования

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что анализ исследований китайских ученых с использованием CiteSpace 6.3 позволяет определить темы, которые вызывают наибольший интерес, что может способствовать формированию совместных исследовательских проектов, обмену опытом и разработке стратегий для решения общих демографических проблем, таких как старение населения, миграция и ряда других. Были выявлены ключевые авторы и наиболее значимые публикации, научные институты, активно занимающиеся изучением демографических проблем. Это будет способствовать налаживанию научных связей, обмену данными и подготовке совместных публикаций, что

¹ Научная категория «трудовое сотрудничество» относится к взаимодействию между странами в области миграции рабочей силы, организации трудовой занятости и обмена профессиональными кадрами с целью улучшения экономической ситуации и взаимного развития.

укрепит академическое сотрудничество между двумя странами. В ходе нашего исследования были использованы библиометрический метод и метод статистического описания. Библиометрический метод сочетает в себе математические, статистические и библиографические характеристики. Для сбора данных был проведен поиск по всем журналам и диссертациям, включенным в проект CNKI – «Китайская национальная инфраструктура знаний». В базе данных CNKI, согласно темам «население России» или «демографическая проблема России», за период с 1 января 1994 г. по 1 января 2024 г. были отобраны 284 единицы литературы, включая 229 научных статей и 55 диссертаций.

В данной работе нами использовалось программное обеспечение CiteSpace 6.3 для обработки полученных данных. Напомним, что CiteSpace было разработано китайско-американским профессором Чэнь Чаомэй в 2004 г. Это важное в библиометрии программное обеспечение для визуализации, разработанное на языке Java, которое следит за основными импульсами и потенциальными тенденциями развития исследований в определенной области [15, с. 242]. С одной стороны, анализ количества опубликованной литературы, сетей совпадений авторов и добротных научных работ позволяет выявить общие характеристики исследований демографических проблем в России и в Китае. С другой стороны, с помощью визуализации совпадения ключевых слов, кластеров ключевых слов и всплеска цитирований ключевых слов мы можем глубоко проанализировать основное содержание и структуру в исследованиях демографической ситуации в наших странах. На основе полученных результатов в статье рассматриваются будущие тенденции исследования.

Результаты исследования

Общее количество опубликованных работ

Изменения в количестве публикаций часто рассматриваются как важный показатель динамики исследований. Логично, что значительное увеличение числа публикаций за определенный период времени обычно свидетельствует о повышенном интересе к соответствующей теме исследования. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод об активизации исследовательской деятельности в данной области. Цель настоящей работы – оценить уровень внимания и выявить процессы в сфере развития демографических проблем России в Китае на основе анализа ежегодного количества публикаций в базе данных CNKI.

На основании хронологических изменений, представленных на рисунке 1, мы можем выделить три этапа развития исследований демографических проблем России в Китае.

*Начальный этап (1994–2014 гг.)*² характеризуется относительно небольшим и неустойчивым объемом публикаций. В течение этого периода общее число статей составило 61, что в среднем равно 6 статьям в год. В первые годы внимание к демографическим проблемам России в КНР постепенно возрастало, однако трудности

² Данное исследование начинается с 1994 г., поскольку статьи, опубликованные в китайской научной базе данных – Китайская национальная электронная библиотека (CNKI), по демографическим проблемам России начали включаться в список с этого времени.

с доступом к исследовательским материалам замедляли рост количества публикуемых статей.

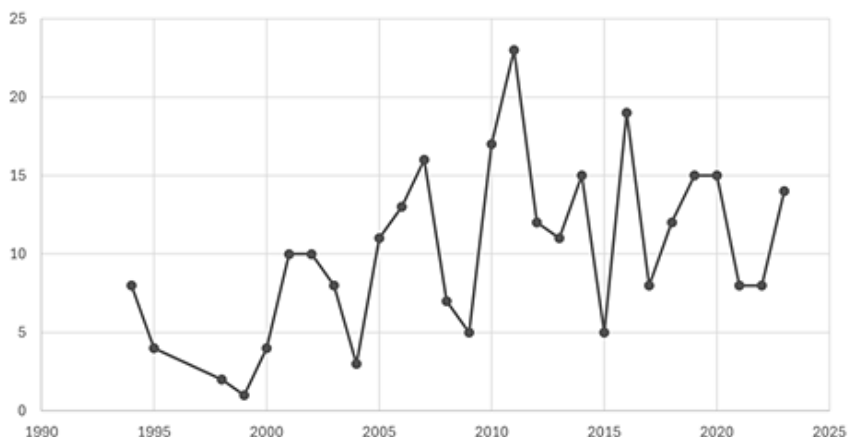

Рис. 1. Количество опубликованных работ

Fig. 1. Number of published works

Источник: составлено авторами по данным CNKI

На втором этапе (2015–2019 гг.) объем публикаций начинает значительно увеличиваться. Общее количество статей на этом этапе составило 141, а среднегодовое достигло 13. Причем налицо два исследовательских всплеска – в 2011 и 2016 гг. В 2011 г. в китайских академических кругах появилось множество статей, посвященных китайско-российскому трудовому сотрудничеству и миграции. Такой всплеск исследовательского интереса был обусловлен дальнейшим углублением китайско-российского сотрудничества. В 2009 г. начала реализовываться Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). И в июне 2011 г. была официально создана рабочая группа по китайско-российскому трудовому сотрудничеству и проведено ее первое заседание. Исходя из этого, у китайских ученых возник большой интерес к изучению китайско-российского трудового сотрудничества. Примерно в 2016 г. в Китае было опубликовано множество работ, в центре внимания которых оказалась демографическая политика Китая и России. Очевидно, что появление данного феномена тесно связано с серьезной корректировкой демографической политики КНР. С целью контроля роста населения в 1979 г. китайское правительство стало проводить политику «одна семья – один ребенок». В условиях продолжающегося снижения рождаемости демографическая структура Китая претерпела значительные изменения: увеличилась доля пожилых людей и детей. Для решения этой проблемы в октябре 2015 г. китайское правительство объявило о проведении политики двух детей, позволяющей семьям, в которых оба супруга являются единственными детьми, заводить второго ребенка. Такая политика была полностью реализована в 2016 г. Что касается России, в действительности, низкая рождаемость и сокращение численности населения наблюдались и ранее. В условиях отрицательного прироста населения президент РФ Владимир Путин

с момента прихода к власти предпринял ряд мер, направленных на улучшение демографической ситуации в стране. Это такие меры, как концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., материнский капитал, трехкомпонентная система пенсионного страхования и т. д. После введения политики «двух детей» китайские ученые пытаются изучить реализацию и влияние демографических политик обеих стран для более эффективного решения общих демографических проблем.

Современный этап (начиная с 2020 г.) характеризуется снижением числа публикаций. С 2017 г. в КНР исследования демографических проблем РФ вступили в более зрелую и стабильную стадию развития. В действительности демографические проблемы как в Китае, так и в России еще не до конца решены. С 2020 г. для дальнейшего повышения рождаемости китайское правительство продвигает внедрение политики, согласно которой семейная пара может иметь трех детей. Одним словом, ситуация в сфере демографии в России и Китае все еще остается весьма серьезной и будет находиться под постоянным вниманием властей и ученых.

Сеть совпадения авторов

Анализ сети совпадения авторов с помощью CiteSpace 6.3 позволяет выявить ключевых исследователей и их взаимосвязи в рассматриваемой области. Это помогает понять, как формируются научные сообщества и какие направления исследований являются наиболее значимыми. В данном разделе будут представлены основные результаты такого анализа.

С увеличением количества исследований демографических проблем России китайские специалисты все больше склоняются к совместному проведению более скрупулезных и специализированных исследований. Для визуализации масштабов их сотрудничества нами использована функция совпадения авторов в программе CiteSpace 6.3. Полученная карта сети показана на рисунке 2.

Рис. 2. Сеть совпадения авторов
Fig. 2. Co-authorship network

Источник: составлено авторами по данным CNKI с помощью CiteSpace 6.3

Линия между узлами на графике – это визуальное представление отношений сотрудничества. После запуска программы на карте появилось 268 узлов и 106 линий, плотность сети составила 0,003. Чем больше размер узлов, тем активнее автор и тем больше его публикаций в данной области. Линии между узлами представляют собой степень сотрудничества авторов, толщина линий связана с количеством совместных работ [16, с. 99]. В пятерку лидеров по количеству публикаций в области демографических проблем России входят Юй Сяоцин (于小琴, 10 статей) из Центра исследований России Хэйлунцзянского университета, Чэн Ицзюнь (程亦军, 9 статей) из Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пэн Вэньцзин (彭文进, 7 статей) из Синьцзянского университета, Ли Вэй (李伟, 5 статей) из Академии общественных наук Циндао в провинции Шаньдун и Лэй Липин (雷丽平, 5 статей) из Цзилиньского университета. Названные китайские специалисты провели более активное исследование демографических проблем России. Но степень их сотрудничества с другими авторами относительно невелика.

Данные рисунка 2 показывают, что в области исследования формируются четыре сети коллектива сотрудничества, в центре которой находятся китайские ученые Чжан Гуансян (张广翔), Чу Наньчэн (初南臣), Чэнь Сяотан (陈晓棠) и Хэ Ли (贺莉). Однако сотрудничество между остальными авторами незначительно, что может быть одной из главных причин низкой плотности общей сети совпадения авторов. Стоит отметить, что для обеспечения научной обоснованности и точности результатов исследований китайские ученые предпочитают сотрудничать с российскими коллегами с целью совместного проведения исследований демографических проблем России, международное сотрудничество способствует обмену знаниями и научными результатами.

Литература по теме исследования

Количество скачиваний и цитирований публикаций служит важным показателем их академической ценности и влияния. Количество скачиваний может отражать степень внимания к статьям в научном сообществе, а количество цитирований – степень признания статей. Поэтому важен и анализ литературы по демографическим проблемам России в Китае. На основе данных CNKI мы определили первые десять источников, лидирующих по показателю скачиваний (табл. 1) и цитирований (табл. 2).

В целом, тематику названных статей можно разделить на две категории. Первая категория направлена на анализ текущей демографической ситуации в России, обобщение причин демографических проблем, интерпретацию и совершенствование демографической политики. Другая категория работ посвящена глубокому изучению влияния демографической ситуации в России на экономическое развитие, спрос и предложение рабочей силы страны и т. п. Сравнив данные в таблицах 1 и 2, мы заметили, что две статьи относятся к наиболее скачиваемым и цитируемым, а именно: «Распределение населения и эволюция его пространственной структуры в России», «Демографические проблемы и политика внешней миграции в России».

Таблица 1

Топ-10 наиболее скачиваемых статей

Table 1

Top 10 most downloaded articles

№	Названия статей / Авторы	Год	Скачивания
1	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Распределение населения и эволюция его пространственной структуры в России / Ли Ша, Лю Вэйдун	2014	1 942
2	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Почему меры по стимулированию рождаемости в России имеют ограниченный эффект / С. В. Захаров др.	2020	1 490
3	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Изменения в росте русского населения и структуре их пространственного распределения с XXI века / Чу Наньчэн др.	2021	1 379
4	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Проблема демографического кризиса в современной России / Ван Цзя	2019	1 323
5	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографические проблемы России в первой половине XX века / Мэй Чунцай	2010	1 222
6	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Внешняя миграционная политика России / Ван Сяобо	2020	1 191
7	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Миграционная политика России в переходный период / Чжу Сюэцзе	2011	1 144
8	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Преодоление кризиса старения и низкого рождаемости: социальные и образовательные меры России / Сяо Шу др.	2023	1138
9	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Семейная политика России / Вей Лена	2012	1081
10	21-й век: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографические проблемы и политика внешней миграции в России / Дай Гуйцзю	2004	1050

Источник: составлено авторами по данным CNKI

Таблица 2

Топ-10 наиболее цитируемых статей

Table 2

Top 10 most cited articles

№	Названия статей / Авторы	Год	Цитирования
1	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Распределение населения и эволюция его пространственной структуры в России / Ли Ша, Лю Вэйдун	2014	53
2	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Бедность населения и демографический кризис в России / Лэй Липин	2003	34
3	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографические проблемы и политика внешней миграции в России / Дай Гуйцзю	2004	33
4	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Состояние, причины и политика демографических проблем в Китае и России / Гао Цзисян	2016	29
5	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографический кризис и миграционная политика в России / Пан Чанвэй	2006	26
6	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографическая ситуация, спрос и предложение рабочей силы на Дальнем Востоке России / Ли Чуаньсюнь	2011	25
7	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Влияние демографического кризиса на экономическое развитие России / Юй Лийин	2007	24
8	Россия: демографическая ситуация и ее перспективы / Н. В. Зырянов, О. В. Зырянова Демографическое развитие и ситуация в России / Ма Вэйюнь	2008	24

Продолжение таблицы 2

№	Названия статей / Авторы	Год	Цитиро- вания
9	俄罗斯远东地区的人口问题与中俄劳务合作 / 刘慧丽 Демографические проблемы Дальнего Востока России и китайско-российское трудовое сотрудничество / Лю Хуэйли	2007	22
10	俄罗斯的土著小民族: 人口、语言状况及国家法律支持 / 何俊芳 Местные малочисленные народы России: численность, языковая ситуация и государственно-правовая поддержка / Хэ Цзюньфан	2008	21

Источник: составлено авторами по данным CNKI

Ли Ша и Лю Вэйдун указывают на то, что население Российской Федерации продолжает сокращаться, и тенденция неравномерного регионального распределения населения усиливается. При этом наблюдается значительная пространственная автокорреляция распределения населения в России, т. е. существует два густонаселенных региона в Европейской части РФ – Прибрежный район Волги и Южная часть Уральского региона. Такая структура распределения зависит от ряда факторов: различий в природных условиях, разного уровня экономического и промышленного развития, а также поддержки национальной политики [17, с. 2014]. По данным Дай Гуйцзюй, с начала 1990-х гг. общая численность россиян имеет отрицательную динамику, причем большая часть снижения приходится на трудоспособное население. Причинами такого явления выступают снижение рождаемости и увеличение смертности, на них влияют бедность и изменение образа жизни населения России [10]. Можно сказать, что содержание и результаты этих двух статей заложили основу для изучения демографических проблем России в Китае.

Совпадение ключевых слов

Ключевые слова обобщенно отражают основное смысловое содержание статей, а также важную библиометрическую справочную информацию статистического плана [18, с. 110]. Частотность ключевых слов является субъективным отражением актуальности темы исследования. Ключевые слова наиболее часто свидетельствуют о важных вопросах, которые волнуют исследователей в определенной области. С помощью программы CiteSpace 6.3 были получены визуальная карта совпадений ключевых слов (рис. 3) и список совпадений ключевых слов с наибольшей частотностью (табл. 3) в исследованиях демографических проблем России в Китае.

Исходя из данных, представленных на рисунке 3 и в таблице 3, можно выделить основные особенности исследований в интересующей нас области. Исследования демографических проблем России в Китае в основном опираются на теоретические основы демографии и социологии. Китайские исследователи обычно изучают демографический кризис в Российской Федерации с помощью интерпретации политики и статистического анализа. В частности, анализу подвергаются различия в доходах жителей, утечка мозгов, низкая рождаемость и убывание населения, т. е. те демографические проблемы России, которые в первую очередь волнуют китайских ученых. Ключевыми группами населения в данной области служат мигранты, пожилые люди, рабочая сила и женщины детородного возраста. Исследования фокусируются не только на общей ситуации в России, но и на отдельных географических регионах, например, Сибири, Дальнем Востоке и Центральной Азии. Сравнительный

анализ демографических проблем в России и в Китае является важной исследовательской перспективой в данной области.

Рис. 3. Карта совпадений ключевых слов

Fig. 3. Keywords co-occurrence map

Источник: составлено авторами по данным CNKI с помощью CiteSpace 6.3

Таблица 3

Список совпадений ключевых слов с наибольшей частотностью

Table 3

List of keywords co-occurrence with the highest frequency

№	Частотность	Степень посредничества	Ключевые слова
1	145	1,37	俄罗斯 / Россия
2	36	0,06	人口危机 / Демографический кризис
3	21	0,05	人口 / Население
4	21	0,03	人口政策 / Демографическая политика
5	17	0,05	中国 / Китай
6	16	0,03	人口问题 / Демографическая проблема
7	16	0,04	移民 / Миграция
8	10	0,02	移民政策 / Миграционная политика
9	9	0,03	出生率 / Уровень рождаемости
10	8	0,03	死亡率 / Уровень смертности
11	8	0,01	劳务合作 / Трудовое сотрудничество
12	7	0,01	老龄化 / Старение
13	6	0,03	经济发展 / Экономическое развитие
14	5	0,08	中国移民 / Китайские мигранты

Источник: составлено авторами по данным CNKI с помощью CiteSpace 6.3

Кластеры ключевых слов

С помощью кластерного анализа программное обеспечение CiteSpace 6.3 может группировать высокочастотные ключевые слова для формирования различных категорий исследования, помогая ученым быстро определить наиболее актуальные темы. Качество визуализированной схемы кластеров ключевых слов определяется двумя показателями: модульность (modularity, Q) и средняя оценка силуэта

дисбалансу [20]. Китайские ученые подробно проанализировали основные показатели, влияющие на изменение демографической ситуации в России, т. е. рождаемость, смертность и миграционные потоки. Они отметили, что демографическая ситуация в России характеризуется низким уровнем рождаемости, высоким уровнем смертности и сниженным миграционным потенциалом [21]. Итак, китайские ученые большое внимание уделяют политике рождаемости, миграционной и пенсионной политике России. Подтверждая стратегическое значение этих политик, они также объективно оценивают последствия их реализации.

Кластер II. Демографический вызовы. На основе объективного анализа демографической структуры РФ ученые из КНР считают, что демографическая проблема является одной из наиболее острых, стоящих перед современной Россией. Во-первых, население страны в целом проявляет тенденцию к сокращению. С одной стороны, население РФ имеет низкий уровень рождаемости, что обусловлено стремительным сокращением числа женщин детородного возраста, особенно в сельской местности. С другой стороны, для населения России характерен высокий уровень смертности. Китайский ученый Ван Цзя пришел к выводам, что высокий уровень смертности объясняется высокой смертностью среди мужчин в трудоспособном возрасте, высокой смертностью от внешних причин, высокой материнской и младенческой смертностью и низкой продолжительностью жизни на душу населения [22, с. 52]. Китайские ученые в целом согласны с тем, что на демографический кризис в современной России влияют как традиционные демографические факторы, такие как различия в возрастной и гендерной структурах, так и состояние политического, экономического и социального развития страны. Для разрешения демографического кризиса правительство РФ приняло ряд мер – стимулирования рождаемости, социального обеспечения, медицинского обслуживания и развития Дальнего Востока. Эти меры в определенной степени улучшили демографическую ситуацию в России, но в настоящее время демографическая проблема в стране по-прежнему остается очень серьезной [23, с. 51].

Кластер III. Миграционная проблема. Миграция как социальное явление стала заметным вопросом в России, поэтому китайские исследователи начали активно изучать данное явление. С одной стороны, проблема отрицательного прироста населения побудила правительство РФ предпринять меры по привлечению иностранных мигрантов. По мнению Дай Гуйцзюй, такая политика в определенной степени смягчает проблему убыли населения за счет притока иностранных мигрантов, но рассматривается как эффективная временная мера по преодолению демографического кризиса [10]. Действительно, китайские ученые особое внимание уделяют обществу трудовых мигрантов из Китая. Научная работа Чжу Чжэньдуна посвящена китайским трудовым мигрантам на Дальнем Востоке России. Результаты исследования показывают, что мигранты из КНР вносят значительный вклад в предложение рабочей силы и товаропотоков в регионе. Однако в последние годы число китайских трудовых мигрантов в Российской Федерации сократилось из-за ужесточения миграционного законодательства и экономической инфраструктуры страны [24].

Всплески ключевых слов

Суть всплеска состоит в том, что внезапно появляются новые ключевые слова и словосочетания, за короткий период времени претерпевающие значительные изменения [18, с. 115]. Чем больше продолжительность всплеска, тем более прогрессивной является тема исследования. На основе программы CiteSpace 6.3 нам легче на графике всплеска цитирований наблюдать передовые темы в исследованиях демографических проблем России в Китае (рис. 5).

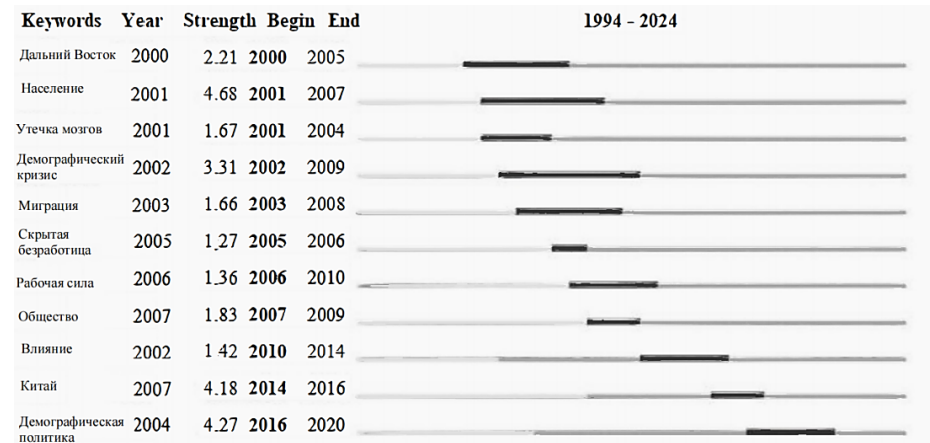

Рис. 5. Карта всплеска цитирований ключевых слов
Fig. 5. Citation burst map of keywords

Источник: составлено авторами по данным CNKI с помощью CiteSpace 6.3

Как показано на рисунке 5, в исследованиях демографических проблем России в Китае наблюдаются 11 ключевых слов с высокой продолжительностью всплеска: население (4,68), демографическая политика (4,27), Китай (4,18), демографический кризис (3,31) и т. д. Они в значительной степени соответствуют приведенному выше анализу кластеризации ключевых слов в исследуемой области. Временной промежуток всплеска цитирований ключевых слов представляет собой цикл популяризации. Чем длиннее цикл, тем больше устойчивое влияние. Поэтому, следя за изменением всплеска цитирований, мы можем обнаружить основные темы исследований в разные периоды времени. До 2008 г. «демографическая проблема на Дальнем Востоке», «утечка мозгов», «миграция» и «скрытая безработица» были в центре внимания китайских ученых. После 2008 г. исследования были сосредоточены на таких темах, как «рабочие силы», «Китай» и «демографическая политика». Исходя из этого, мы видим, что в КНР тенденция исследования демографических проблем РФ в основном характеризуется двумя особенностями. Первая – акцент исследования, который ставится на анализе демографического кризиса, постепенно смещается в сторону совершенствования демографической политики. И данная тенденция более очевидна с большей интенсивностью и продолжительностью всплеска. Вторая – китайские исследователи активно изучают вопросы о китайской рабочей силе в России.

Выводы

В результате визуализации и анализа исследований демографических проблем России в Китае мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в Китае исследование демографических проблем России делится на следующие этапы: начальный этап (1994–2014 гг.), этап развития (2015–2019 гг.) и современный этап (2020–2023 гг.). В 2021 г. объем публикаций в интересующей нас области исследования достиг максимума. Это свидетельствует о продолжающейся научной активности и влиянии исследований демографических проблем РФ в КНР. Во-вторых, карта совпадений авторов позволяет выявить структуру сети сотрудничества в данной сфере. Несмотря на наличие немалого числа активных авторов, уровень их сотрудничества с другими исследователями относительно низок. Такая низкая плотность сети сотрудничества может ограничивать глубину и широту обмена знаниями. Стоит также отметить, что для обеспечения научной обоснованности исследований китайские ученые более склонны к сотрудничеству с российскими учеными, что может способствовать взаимному обмену научными результатами. Далее, на основе анализа совпадений, кластера и всплеска ключевых слов мы обнаружили, что в Китае исследования демографических проблем России сосредоточены на трех основных категориях: демографическая ситуация, демографическая и миграционная проблемы. Среди них старение населения, низкий уровень рождаемости и утечка мозгов являются основными, волнующими китайских ученых, изучающих демографические проблемы Российской Федерации. Кроме того, мы заметили, что центр их исследований постепенно смещается от демографического кризиса к изучению вопросов совершенствования демографической политики России.

В заключение можно сказать, что в Китае исследования демографических проблем России имеют строго очерченные этапы развития и тематическую эволюцию. Несмотря на то, что результаты существующих исследований обеспечивают теоретическую и практическую поддержку для углубления двусторонних отношений между Китаем и Россией, их сотрудничество в области народонаселения требует дальнейшего расширения. Ученые, специализирующиеся на изучении проблем в данной сфере, должны продолжать углубленные исследования демографической политики Российской Федерации и ее социально-экономических последствий. Необходимо инициировать международное сотрудничество с целью совместного решения демографических проблем в условиях глобализации.

Список литературы

1. Кремнева, Е. Ю. Демографическая проблема в мировом хозяйстве / Е. Ю. Кремнева, Д. В. Зубайдулина // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 6(22). С. 84–87. EDN [XTRDFB](#).
2. Рзаев, М. А. Р. Рост населения и его влияние на экономическое положение стран // Наука, техника и образование. 2019. № 5(58). С. 69–75. EDN [NAQBSS](#).
3. 许凤才:《俄罗斯的人口危机》,《俄罗斯文艺》2000年第4期,第66–67+77页.DOI [10.16238/j.cnki.rla.2000.04.017](#).
4. 程亦军:《俄罗斯人口发展与社会问题》,《俄罗斯中亚东欧市场》2006年第3期,第8–18页.
5. 程亦军:《从最新普查看俄罗斯人口发展状况》,《西伯利亚研究》2013年第40(03)期,第70–78页.
6. 程亦军:《危机后的俄罗斯人口形势》,《俄罗斯学刊》2016年第06(03)期,第34–41页.

7. 马蔚云:《俄罗斯人口发展及现状》,《俄罗斯中亚东欧市场》2008年第2期,第7-12页.
8. 马蔚云:《俄罗斯人口低生育率初论》,《俄罗斯中亚东欧市场》2010年第2期,第25-31页. DOI [10.20018/j.cnki.reecas.2010.02.007](https://doi.org/10.20018/j.cnki.reecas.2010.02.007).
9. 马蔚云:《经济转轨以前俄罗斯人口贫困状况及原因》,《人口学刊》2010年第3期,第16-19+24页.
10. 戴桂菊:《俄罗斯的人口问题和外来移民政策》,《俄罗斯中亚东欧研究》2004年第3期,第15-21+95页.
11. 高际香:《中俄人口问题现状、成因与政策》,《欧亚经济》2016年第3期,第32-37+125+127页.
12. 汪晓波:《俄罗斯外来移民政策研究》,吉林大学,2020年,191页. DOI [10.27162/d.cnki.gjlin.2020.000256](https://doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.000256).
13. 刘慧丽:《俄罗斯远东地区的人口问题与中俄劳务合作》,《俄罗斯中亚东欧市场》2007年第2期,第41-45页.
14. 刘蔚莉:《新冠肺炎疫情背景下俄罗斯的人口发展》,黑龙江大学,2023年. DOI [10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000231](https://doi.org/10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000231).
15. 陈悦,陈超美,刘则:《CiteSpace 知识图谱的方法论功能》,《科学学研究》2015期,第33(02)期,第242-253页. DOI [10.16192/j.cnki.1003-2053.2015.02.009](https://doi.org/10.16192/j.cnki.1003-2053.2015.02.009).
16. 张向达,夏聪明:《中国儿童福利研究的演进、热点与展望:基于 CiteSpace 的可视化分析》,《当代青年研究》2024年第1期,第97-110页.
17. 李莎,刘卫东:《俄罗斯人口分布及其空间格局演化》,《经济地理》2014年第34(02)期,第42-49页. DOI [10.15957/j.cnki.jjdl.2014.02.009](https://doi.org/10.15957/j.cnki.jjdl.2014.02.009).
18. Ли, М. Исследование перевода политического дискурса в Китае (2012–2021 гг.): визуализация на основе программы CiteSpace / М. Ли, Х. Лю // Политическая лингвистика. 2022. № 3(93). С. 108–119. EDN [0AQNLO](https://www.edn.ru/0AQNLO).
19. 高莉莉,张富程:《基于知识图谱的科技金融研究可视化分析》,《技术与创新管理》2014年第42(05)期,第588-594页. DOI [10.14090/j.cnki.jsxc.2021.0514](https://doi.org/10.14090/j.cnki.jsxc.2021.0514).
20. 彭文进:《俄罗斯人口危机视阈下的人口结构分析》,《新疆师范大学学报》2010年第31(03)期,第69-74页. DOI [10.14100/j.cnki.65-1039/g4.2010.03.009](https://doi.org/10.14100/j.cnki.65-1039/g4.2010.03.009).
21. 刁利明,朱明仕:《俄罗斯社会人口形势动态及其结构性因素》,《社会科学战线》2022年第2期,第218-229页.
22. 王佳:《当代俄罗斯人口危机问题研究》,北京外国语大学,2019年,273页. DOI [10.26962/d.cnki.gbjwu.2019.000115](https://doi.org/10.26962/d.cnki.gbjwu.2019.000115).
23. 刘瑶:《俄罗斯人口结构问题研究》,黑龙江大学,2023年. DOI [10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000232](https://doi.org/10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000232).
24. 朱振东:《俄罗斯远东中国务工人员研究》,黑龙江省社会科学院,2019年.

Сведения об авторах

Чжан Личэн, кандидат филологических наук, доцент, Юго-восточный университет, Нанкин, Китай.

Контактная информация: e-mail: licheng.zhang@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6357-6416](https://orcid.org/0000-0002-6357-6416).

Ван Цзяюэ, магистрант, Юго-восточный университет, Нанкин, Китай.

Контактная информация: e-mail: wangjiayue1015@163.com; ORCID ID: [0009-0008-8801-2781](https://orcid.org/0009-0008-8801-2781).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Юго-Восточного университета в рамках научных проектов № 2242023R40023 и RF1028623192, а также при финансовой поддержке Фонда социально-гуманитарных наук провинции Цзянсу в рамках научных проектов № 24GCB004.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; принята в печать 14.04.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIA'S DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE MIRROR OF CHINESE ACADEMIC LITERATURE

Zhang Licheng

Southeast University, Nanjing, China

E-mail: Licheng.zhang@mail.ru

Wang Jiayue

Southeast University, Nanjing, China

E-mail: wangjiayue1015@163.com

For citation: Zhang Licheng, Wang Jiayue. Russia's Demographic Problems in the Mirror of Chinese Academic Literature. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 102–119. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.7).

Abstract. The analysis of demographic problems is relevant both for understanding the internal situation in the country and for implementing international cooperation in the field of demographic and migration policy. Russia is a long-term strategic partner of China, and the topic of its demographic development attracts the attention of a wide range of Chinese scientists. The article is devoted to the analysis of the main research directions of demographic problems of Russia in the Chinese scientific literature using the CiteSpace6.3 application. The source material for the analysis is 284 articles published between 1994 and 2024 in the China National Knowledge Infrastructure (CNKI) database. The purpose of the study is to identify structural and temporal patterns and trends in the Chinese scientific literature devoted to the study of demographic problems in Russia. It has been established that in the evolution of scientific research by scientists from China devoted to this topic, three stages of development can be distinguished: the initial stage (1994–2014), the transitional stage (2015–2019) and the modern stage (2020–2024). In addition, several influential Chinese scientists are working in the field of demographic situation research in Russia, however, the level of Their international cooperation remains limited. An analysis of the keywords used in publications on this issue shows that the attention of Chinese researchers is most often attracted by: “low birth rate”, “high mortality”, “population aging”, “brain drain” and “Chinese migration”. Our results open prospects for further comparative analysis of the scientific literature on demographic challenges in Russia and China, which is of great importance not only for scientific, but also for practical work on solving these problems in both countries.

Keywords: demography, demographic problems, migration issues, CiteSpace, visualized map of scientific knowledge, bibliometric

References

1. Kremneva, E. Yu, Zubaydullina, D. V. Demograficheskaya problema v mirovom khozyaystve [The demographic problem in the world economy]. *Alleya nauki [Alley of Science]*. 2018. Vol. 2, No. 6(22). Pp. 84–87. (In Russ.).
2. Rzaev, M.A.R.O. Growth of the Population and its Influence on the Economic Situation of the Countries. *Science, Technology and Education*. 2019. No. 5(58). Pp. 69–75. (In Russ.).
3. Xu Fengcai. Èluósī de rénkǒu wéijī [Russia's Population Crisis]. *Èluósī wényì [Russian Literature and Art]*. 2000. No. 4, Pp. 66–67+77. DOI [10.16238/j.cnki.rla.2000.04.017](https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2000.04.017). (In Chinese).
4. Cheng Yijun. Èluósī rénkǒu fāzhǎn yǔ shèhuì wèntí [Population development and social issues in Russia]. *Èluósī zhōng yà dōng'ōu shìchǎng [Russian, Central Asian and Eastern European Markets]*. 2006. No. 3. Pp. 8–18. (In Chinese).
5. Cheng Yijun. Cóng zuìxīn pǔchá kàn èluósī rénkǒu fāzhǎn zhuàngkuàng [A study on the development of Russian population from the latest census]. *Xībóliǎ yánjiū [Siberian Studies]*. 2013. No. 40(03). Pp. 70–78. (In Chinese).
6. Cheng Yijun. Wéijī hòu de èluósī rénkǒu xíngshì [The demographic situation in Russia after the crisis]. *Èluósī xué kān [Journal of Russian Studies]*. 2016. No. 06(03). Pp. 34–41. (In Chinese).
7. Ma Weiyan. Èluósī rénkǒu fāzhǎn jí xiànzhuàng [Population Development and Current Situation in Russia]. *Èluósī zhōng yà dōng'ōu shìchǎng [Russian, Central Asian and Eastern European Market]*. 2008. No. 2. Pp. 7–12. (In Chinese).

8. Ma Weiyun. Èluósī rénkǒu dī shēngyù lǚ chū lùn [A preliminary study on Russia's low fertility rate]. *Èluósī zhōng yà dōng'ōu shìchǎng* [Russian, Central Asian and Eastern European Markets]. 2010. No. 2. Pp. 25–31. DOI [10.20018/j.cnki.reecas.2010.02.007](https://doi.org/10.20018/j.cnki.reecas.2010.02.007). (In Chinese).
9. Ma Weiyun. Jīngjì zhuǎnguī yǐqián èluósī rénkǒu pínkùn zhuàngkuàng jí yuányīn [Poverty status and causes of Russian population before economic transition]. *Rénkǒu xué kān* [Journal of Population Studies]. 2010. No. 3. Pp. 16–19+24. (In Chinese).
10. Dai Guiju. Èluósī de rénkǒu wèntí hé wàilái yímín zhèngcè [Russia's population problems and immigration policy]. *Èluósī zhōng yà dōng'ōu yánjiū* [Russian Central Asian and Eastern European Studies]. 2004. No. 3. Pp. 15–21+95. (In Chinese).
11. Gao Jixiang. Zhōng é rénkǒu wèntí xiànzhuàng, chéngyīn yǔ zhèngcè [The Current Situation, Causes and Policies of Population Problems in China and Russia]. *Ōu yà jīngjì* [Eurasian Economy]. 2016. No. 3. Pp. 32–37+125+127. (In Chinese).
12. Wang Xiaobo. Èluósī wàilái yímín zhèngcè yánjiū [Research on Russian immigration policy]. Jilin University, 2020. 191 p. DOI [10.27162/d.cnki.gilin.2020.000256](https://doi.org/10.27162/d.cnki.gilin.2020.000256). (In Chinese).
13. Liu Huili. Èluósī yuǎndōng dìqū de rénkǒu wèntí yǔ zhōng é láowù hézuò [Population problems in Russia's Far East and Sino-Russian labor cooperation]. *Èluósī zhōng yà dōng'ōu shìchǎng* [Russian Central Asian and Eastern European Market]. 2007. No. 2. Pp. 41–45. (In Chinese).
14. Liu Weili. Xīnguān fèiyán yíqíng bèijīng xià èluósī de rénkǒu fāzhǎn [Population development in Russia under the background of COVID-19]. Heilongjiang University, 2023. DOI [10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000231](https://doi.org/10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000231). (In Chinese).
15. Chen Yue, Chen Chaomei, Liu Ze. CiteSpace zhìshì túpǔ de fāngfǎlùn gōngnéng [The methodological function of CiteSpace knowledge graph]. *Kēxué xué yánjiū* [Journal of Science of Science]. DOI [10.16192/j.cnki.1003-2053.2015.02.009](https://doi.org/10.16192/j.cnki.1003-2053.2015.02.009). (In Chinese).
16. Zhang Xiangda, Xia Congming. Zhōngguó értóng fúli yánjiū de yǎnjìn, rèdiǎn yǔ zhǎnwàng: Jīyú CiteSpace de kěshìhuà fēnxī [Evolution, hot topics and prospects of child welfare research in China: visual analysis based on CiteSpace]. *Dāngdài qīngnián yánjiū* [Contemporary Youth Research]. 2024. No. 1. Pp. 97–110. (In Chinese).
17. Li Sha, Liu Weidong. Èluósī rénkǒu fēnbù jí qí kōngjiān géjú yǎnhuà [Population distribution and spatial pattern evolution in Russia]. *Jīngjì dìlǐ* [Economic Geography]. 2014. No. 34(02). Pp. 42–49. DOI [10.15957/j.cnki.jjdl.2014.02.009](https://doi.org/10.15957/j.cnki.jjdl.2014.02.009). (In Chinese).
18. Li, M., Liu, H. A Study of Political Discourse Translation in China (2012–2021): Visualization via the Citespace Program. *Political Linguistics*. 2022. No. 3(93). Pp. 108–119. (In Russ.).
19. Gao Lili, Zhang Fucheng. Jīyú zhìshì túpǔ de kējì jīnróng yánjiū kěshìhuà fēnxī [Visual analysis of science and technology finance research based on knowledge graph]. *Jìshù yǔ chuàngxīn guǎnlǐ* [Technology and Innovation Management]. 2014. No. 42(05). Pp. 588–594. DOI [10.14090/j.cnki.jscx.2021.0514](https://doi.org/10.14090/j.cnki.jscx.2021.0514). (In Chinese).
20. Peng Wenjin. Èluósī rénkǒu wéijī shì yù xià de rénkǒu jiégòu fēnxī [Analysis of population structure under the perspective of Russia's population crisis]. *Xīnjiāng shīfàn dàxué xuébào* [Journal of Xinjiang Normal University]. 2010. No. 31(03). Pp. 69–74. DOI [10.14100/j.cnki.65-1039/g4.2010.03.009](https://doi.org/10.14100/j.cnki.65-1039/g4.2010.03.009). (In Chinese).
21. Diao Liming, Zhu Mingshi. Èluósī shèhuì rénkǒu xíngshì dòngtài jí qí jiégòu xíng yīnsù [The dynamics of the social demographic situation in Russia and its structural factors]. *Shèhuì kēxué zhànxiàn* [Social Sciences Front]. 2022. No. 2. Pp. 218–229. (In Chinese).
22. Wang Jia. *Dāngdài èluósī rénkǒu wéijī wèntí yánjiū* [Research on the population crisis in contemporary Russia]. Beijing Foreign Studies University, 2019. 273 p. DOI [10.26962/d.cnki.gbjwu.2019.000115](https://doi.org/10.26962/d.cnki.gbjwu.2019.000115). (In Chinese).
23. Liu Yao. Èluósī rénkǒu jiégòu wèntí yánjiū [Research on Russian population structure]. Heilongjiang University, 2023. DOI [10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000232](https://doi.org/10.27123/d.cnki.ghlju.2023.000232). (In Chinese).
24. Zhu Zhendong. Èluósī yuǎndōng zhōngguó wùgōng rényuán yánjiū [Research on Chinese workers in the Russian Far East]. Heilongjiang Academy of Social Sciences, 2019. (In Chinese).

Bio notes

Zhang Licheng, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Southeast University, Nanjing, China.

Contact Information: e-mail: licheng.zhang@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6357-6416](https://orcid.org/0000-0002-6357-6416).

Wang Jiayue, graduate student, Southeast University, Nanjing, China.

Contact Information: e-mail: wangjiayue1015@163.com; ORCID ID: [0009-0008-8801-2781](https://orcid.org/0009-0008-8801-2781).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Southeast University, Project No. 2242023R40023 and RF1028623192, as well as by Jiangsu Social Sciences Foundation, Project No. 24GCB004.

Received on 05.02.2025; accepted for publication on 14.04.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.8)

EDN [DTSOZY](https://www.edn.ru/DTSOZY)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Вазиров З. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Для цитирования: Вазиров, З. К. Трансформация этнического состава населения в этнонациональных регионах России / З. К. Вазиров, С. В. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 120–137. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.8). EDN [DTSOZY](https://www.edn.ru/DTSOZY).

Аннотация. В статье анализируется динамика этнического состава населения страны и этнонациональных регионов по итогам всероссийских переписей 2010 и 2020 гг. (межпереписной период). Методология исследования включает сравнительный анализ статистических данных по этническому составу населения, а также оценку вклада факторов естественного движения, миграции и смены этнической идентичности, представленных в научной литературе, переписях и текущем учете. На основе данных переписей выявлены ключевые тенденции в стране: сокращение численности славянских народов, рост доли северокавказских народов, увеличение числа лиц, не указавших национальность. Установлена региональная дифференциация в характере трансформации этнического состава населения этнонациональных регионов Российской Федерации: в республиках Северного Кавказа наблюдается естественный прирост коренных этносов, в северных и сибирских регионах – сокращение русского населения и малых коренных народов. Обоснованы рекомендации по сохранению культурного наследия, управлению миграцией и совершенствованию демографической политики. Исследование вносит вклад в понимание трансформации этнической структуры населения в условиях глобализации и внутренних социально-экономических изменений в Российской Федерации.

Ключевые слова: этнический состав населения, этнонациональные регионы, всероссийская перепись населения, демографическая динамика, региональная дифференциация, малые коренные народы, сокращение населения, этническая идентичность, этнодемографические процессы

Введение

Изучение этнического состава населения России имеет важное значение для понимания динамики социально-демографической структуры и межэтнических отношений в стране. Для анализа выбраны этнонациональные регионы (республики, автономные округа), так как их административный статус и культурная политика тесно связаны с сохранением титульных этносов. Эти регионы демонстрируют уникальные демографические тренды, обусловленные сочетанием естественного прироста, миграции и этнической самоидентификации. В последние десятилетия процессы глобализации, миграции и изменения в социальной и политической сферах привели к заметным изменениям в этническом составе различных регионов Российской Федерации. Особенно важным аспектом является анализ этнонациональных регионов, в которых проживают крупные этнические группы,

а также регионы с автономией, отражающие многообразие этнических и культурных сообществ.

Перепись населения является важным инструментом для анализа демографических и этнических процессов. Итоги последней Всероссийской переписи населения 2020 г., опубликованные Росстатом, показали значительные изменения этнического состава населения России. К числу таких изменений можно отнести сокращение численности русских и ряда других этносов в некоторых этнонациональных регионах, увеличение доли народов Северного Кавказа и изменение этнической самоидентификации граждан.

Обзор научной литературы

Исследование динамики этнического состава населения России, представленное в статье, опирается на данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., что соответствует современным тенденциям в демографических и этнографических исследованиях. В научной литературе последних лет активно обсуждаются вопросы трансформации этнической структуры Российской Федерации под влиянием миграционных процессов, изменений в рождаемости и смертности, а также социально-политических факторов. Работы В. А. Тишкова, М. К. Горшкова, С. В. Рязанцева, Л. М. Дробижевой, Т. Б. Смирновой подчеркивают важность учета региональной специфики при анализе этнических процессов. В. А. Тишков отмечает, что в условиях глобализации и урбанизации этническая идентичность становится более гибкой, что отражается в росте числа лиц, не указывающих свою национальность [1]. С. В. Рязанцев акцентирует внимание на миграционных потоках из стран Центральной Азии, которые существенно влияют на этнический состав регионов России, что в первую очередь имеет место в Поволжье и на Урале [2]. Т. Б. Смирнова подчеркивает роль государственной политики в формировании этнодемографических трендов, включая программы поддержки коренных народов и миграционного регулирования [3]. В контексте региональных исследований работа В. Н. Архангельского демонстрирует, что в республиках Северного Кавказа сохраняется высокая рождаемость среди коренных этносов, что контрастирует с демографическим спадом в северных и сибирских регионах [4]. Эти выводы согласуются с данными, представленными в статье, где отмечается рост доли народов Северного Кавказа и сокращение численности русских и малых коренных народов в Сибири и на Дальнем Востоке. Исследования Л. М. Дробижевой подчеркивают важность учета межэтнических отношений и культурной политики в контексте сохранения этнического разнообразия [5], что также находит отражение в рекомендациях авторов статьи.

Источники информации и методы исследования

Методология исследования основана на анализе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., опубликованных Росстатом. В рамках исследования под этнонациональными регионами понимаются субъекты РФ, в которых относительно велика доля этнических групп, отраженных в названии региона. К ним относятся 21 республика (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Карачаево-Черкесия, Коми,

Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртия, Чеченская Республика, Чувашия), четыре автономных округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий), одна территориальная республика (Крым) и одна автономная область (Еврейская). Данные по новым регионам (Донецкая и Луганская Народные Республики) не включены в анализ в связи с отсутствием их в официальной статистике Росстата на момент проведения исследования. В качестве основного источника информации использованы агрегированные данные по этнонациональным регионам, включающим республики, автономные округа и области. На первом этапе исследования были собраны статистические данные по абсолютной численности и доле этнических групп населения, включая темпы прироста или сокращения. На втором этапе осуществлен сравнительный анализ данных за 2010 и 2020 гг. с акцентом на изменение доли титульных этносов и динамику численности русских в этнонациональных регионах в разрезе федеральных округов. На заключительном этапе были интерпретированы полученные результаты с учетом социально-политического контекста.

Следует отметить, что мы можем проводить ограниченный сравнительный анализ национального состава российских регионов с итогами предыдущей переписи 2010 г. Существенным ограничением является неполнота сбора данных: многие респонденты не указали свою национальность в ходе переписей, а также различия в методиках сбора информации в двух последних переписях населения. Исследователи обращали внимание на то, что рост доли лиц, не указавших свою национальность, может быть связан с особенностями проведения переписи и методов сбора информации. К примеру, если интервьюер не мог застать человека дома, то данные о нем брались из административных источников. Заведомо полнота и актуальность таких данных ставится под сомнение. Обзор некоторых особенностей проведения последней переписи и ограничений в полученных данных можно, например, найти в работе Е. М. Андреева и Е. В. Чуриловой [6].

Кроме того, отметим, что перепись 2020 г. проводилась в условиях пандемии COVID-19, что повлияло на полноту собранных данных. Рост числа респондентов, не указавших свою национальность, мог быть обусловлен также изменением отношения к национальной идентичности, особенно среди молодежных и миграционных групп, ростом числа лиц, не желающих уточнять свою этническую принадлежность по личным или иным причинам. Ранее проведенные исследования [6, 7] подтверждают, что основные неточности переписной информации локализованы по территориям (столичные, республики Северного Кавказа), к тому же относятся к структурным характеристикам населения (этничности, месту рождения, образованию), в меньшей степени затрагивая используемые здесь данные о численности населения.

Результаты исследования

Этнический состав населения России, отличающийся высокой степенью полиэтничности, является важным индикатором социальной стабильности и культурного разнообразия. На протяжении последних десятилетий страна переживает значительные демографические и миграционные трансформации, усиленные процессами глобализации, урбанизации и изменениями в политике идентичности.

По итогам переписи 2010 г. численность постоянного населения Российской Федерации составляла 142,8 млн человек: 137,2 млн человек указали свою национальность, а 5,6 млн человек не указали. Данные переписи 2020 г. подтверждают рост численности населения Российской Федерации до 147,1 млн человек. При этом не указали свою национальную принадлежность уже 16,6 млн человек (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Российской Федерации по итогам Всероссийских переписей 2010 и 2020 гг. (млн человек)

Table 1

Population of the Russian Federation according to the 2010 and 2020 All-Russian Population Censuses (million people)

Год	Численность населения	Указавшие национальность	Не указавшие национальность
2010	142,8	137,2	5,6
2020	147,1	130,6	16,6

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

На рис. 1 представлены данные о численности и доле десяти крупнейших этнических групп в Российской Федерации по итогам переписей 2010 и 2020 гг.

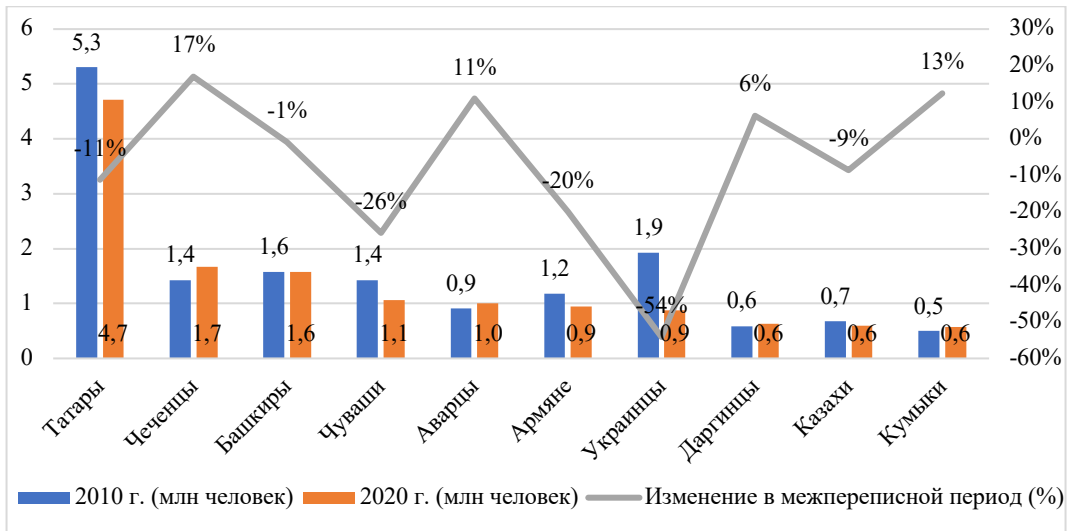

Рис. 1. Наиболее многочисленные этносы России, за исключением русских (млн человек)

Fig. 1. Most numerous ethnic groups in Russia, excluding Russians (million people)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 17.10.2024).

² Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 17.10.2024). Итоги ВПН-2020. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной

Представленные выше данные позволяют сделать несколько выводов. По итогам переписи 2020 г., по сравнению с переписью 2010 г.: во-первых, в стране на 5% снизилась доля русских; во-вторых, произошло значительное уменьшение доли украинцев (-54%), армян (-20%), чувашей (-26%); в-третьих, максимально выросла доля северокавказских народов – чеченцев (+17%), аварцев (+11%) и даргинцев (+6%). Численность представителей среднеазиатских народов в России продемонстрировала резкий рост в сравнении с данными 2010 г. Этот тренд связан с активной трудовой миграцией и естественным приростом. Таджики: за 11 лет их численность увеличилась с 200,3 тыс. человек (2010 г.) до 350,2 тыс. (2021 г.). Налицо рост на 75% – почти в 1,8 раза. Узбеки: динамика оказалась еще значительнее: с 289,9 тыс. человек в 2010 г. до 602,0 тыс. в 2021 г. Прирост составил 108%, что более чем вдвое превышает показатели предыдущей переписи. Киргизы: самый впечатляющий рост зафиксирован у киргизской диаспоры: за тот же период численность выросла с 103,4 тыс. до 337,0 тыс. человек. Произошло увеличение на 226% – почти в 3,3 раза. Рост численности среднеазиатских народов (таджиков, узбеков, киргизов) отражает увеличение их присутствия в России как резидентов и постоянных жителей. Данные переписи учитывают всех лиц, находившихся на территории Российской Федерации на момент учета, независимо от гражданства. Для анализа этнодемографической ситуации в стране представляет интерес региональный анализ. Ниже приведены результаты сравнительного анализа по всем этнонациональным регионам Российской Федерации.

Этнонациональные регионы Северо-Западного федерального округа Республика Карелия

Представляет собой пример региона со значительным снижением абсолютной численности населения, а также снижением численности практически всех этнических групп. Основную часть населения региона (76%) составляют русские (407 469 человек). В сравнении с 2010 г. численность русских в регионе снизилась на 100 185 человек. Вторую по численности группу составляют карелы 25 901 человек (5%), численность которых сократилась на 19 669 человек. За межпереписной период сократилась численность следующих народов: белорусов – на 13 973 человека (9 372 человека или 2%); украинцев – на 7 098 человек (5 579 человек или 1%); финнов – на 5 180 человек (3 397 человек или 0,6%); вепсов – на 952 человека (2 471 человек или 0,5%); армян – 408 человек (1 198 человек или 0,2%); татар – на 794 человека (1 094 человека или 0,2%); азербайджанцев – на 805 человек (988 человек или 0,2%); поляков – на 1 122 человека (727 человек или 0,1%); цыган – на 544 человека (511 человек или 0,1%). Одной из немногих этнических групп с растущей численностью были таджики: по данным переписи 2020 г., в регионе проживает 557 таджиков, что составляет 0,1% от общего населения. С 2010 г. их численность выросла на 192 человека (+52,6%), что отражает одну из наиболее значительных динамик роста среди национальных групп Карелии. Несмотря на небольшую долю, таджики входят в число активно

увеличивающихся этнических общностей региона, их численность увеличилась благодаря миграции и рождаемости.

Республика Коми

Большинству национальностей в регионе свойственна депопуляция, исключения составляли только киргизы. Численность самого крупного этноса – русских – в регионе за межпереписной период сократилась на 157 416 человек и составила 398 547 человек (54% населения). Народ коми по численности находится на втором месте – 127 089 человек (17%), при этом их число также сократилось на 75 259 человек. Аналогично уменьшилась численность коми-ижемцев на 1 412 человек, и их насчитывалось 4 313 человек (0,6%). Для других этнических групп тоже было характерно сокращение: украинцы – на 25 041 человек (в результате их численность составила 11 041 человек или 1,5%); татары – на 6 696 человек (4 083 человека или 0,6%); азербайджанцы – на 2 148 человек (2 710 человек или 0,4%); белорусы – на 6 220 человек (2 639 человек или 0,4%); немцы – на 3 457 человек (1 984 человека или 0,3%); чувашаи – на 3 208 (1 869 человек или 0,3%); молдаване – на 1 318 человек (1 000 человек или 0,1%). Численность киргизов, напротив, увеличилась на 328 человек и составила 1 059 человек (0,1%).

Ненецкий автономный округ

В регионе основную часть населения составляют русские – 26 021 человек (63%), однако их численность сократилась на 627 человек по сравнению с данными переписи 2010 года. Это связано с общей тенденцией миграционного оттока населения в экономически развитые регионы России и естественной убылью населения. Вторую по численности группу составляют ненцы – 6 713 человек (16%), их число уменьшилось на 791 человека, что связано с урбанизацией, миграцией молодежи в крупные города и снижением рождаемости. Третье место занимают коми (2 431 человек, или 6% населения), численность которых сократилась на 1 192 человека из-за аналогичных факторов. Среди других национальностей также отмечается депопуляция: украинцы – сокращение на 492 человека (495 человек или 1%); белорусы – на 133 человека (150 человек или 0,4%); татары – на 69 человек (140 человек или 0,3%); лезгины – на 11 человек (105 человек или 0,3%); азербайджанцы – на 56 человек (101 человек или 0,2%); узбеки – на 65 человек (53 человека или 0,1%). Данные тенденции обусловлены превышением смертности над рождаемостью, а также миграционным оттоком в регионы с более благоприятным климатом и большими экономическими возможностями. Благодаря миграционному притоку в регионе выросла численность трех этносов: таджиков – на 94 человека (144 человека или 0,4%), марийцев – на 13 человек (97 человек или 0,2%) и чувашей – на 8 человек (83 человека или 0,2%).

Этнонациональные регионы Южного федерального округа

Республика Адыгея

В Республике Адыгея наибольшую численность среди национальностей составляют русские – 287 778 человек (58%). За ними следуют адыгейцы – 98 138 человек (20%), черкесы – 16 133 (3%), армяне – 14 810 (3%), курды – 5 233 (1%), цыгане – 2 908 (0,6%), украинцы – 2 810 (0,6%), азербайджанцы – 2 270 (0,5%), татары – 2 060 человек (0,4%), греки – 926 (0,2%), таджики – 864 человека (0,2%) и грузины – 724

человека (0,2%). За межпереписной период с 2010 по 2020 гг., численность русских увеличилась на 17 064 человека, а численность адыгейцев уменьшилась на 8 910 человек. Численность черкесов возросла на 13 482, а курдов – на 705 человек. Остальные народы сократили численность: армян стало меньше на 751 человека; цыган – на 544; украинцев – на 3 046; азербайджанцев – на 512; татар – на 511; греков – на 459, таджиков – на 566; а грузин – на 79 человек.

Республика Калмыкия

В регионе наиболее многочисленным народом являются калмыки – 159 138 человек (60%). Далее следуют русские – 65 490 человек (25%), даргинцы – 7 205 (3%), казахи – 4 376 (2%), турки – 3 949 человек (2%), чеченцы – 2 802 (1%), аварцы – 2 500 (1%), корейцы – 932 (0,4%), татары – 669 (0,3%), кумыки – 576 (0,2%), армяне – 566 (0,2%) и украинцы – 551 человек (0,2%). В межпереписной период 2010–2020 гг. уменьшилась численность русских – на 20 222 человека, калмыков – на 3 602, украинцев – на 980, казахов – на 572, чеченцев – на 541, корейцев – на 410, даргинцев – на 385, татар – на 347, армян – на 301, аварцев – на 104, кумыков – на 43 человека. Увеличилась только численность турок на 274 человека.

Республика Крым

В данном регионе наибольшую численность среди национальностей составляют русские – 1 296 442 человека (67%). За ними следуют крымские татары – 250 651 человек (13%), украинцы – 145 852 (8%), татары – 28 363 (2%), белорусы – 8 672 (0,5%), армяне – 7 717 (0,4%), азербайджанцы – 2 729 (0,1%), узбеки – 2 476 (0,1%), корейцы – 1 929 (0,1%), цыгане – 1 669 (0,1%), евреи – 1 655 (0,1%) и греки – 1 616 человек (0,1%). Оценка изменения численности этносов в Крыму в межпереписной период 2010–2020 гг. сложна по причине отсутствия официальных данных, но экспертные оценки предполагают, что из-за изменения миграционных трендов в регионе увеличилось русское население, и сократились численность и доля украинцев.

Этнонациональные регионы Северо-Кавказского федерального округа

Республика Дагестан

Дагестан является самым многонациональным регионом Российской Федерации. В регионе наибольшую численность составляют аварцы – 956 831 человек (30%). За ними следуют даргинцы – 521 381 человек (16%), кумыки – 496 455 человек (16%), лезгины – 416 963 человека (13%), лакцы – 162 518 человек (5%), табасаранцы – 126 319 человек (4%), азербайджанцы – 116 907 человек (4%), русские – 102 243 человека (3%), чеченцы – 99 320 человек (3%), ногойцы – 36 944 человека (1%), агулы – 29 253 человека (1%) и рутульцы – 27 043 человека (1%). В межпереписной период среди этнических групп наблюдалась разная динамика. Увеличивалась численность населения у аварцев (на 106 820 человек), даргинцев (на 30 997 человек), кумыков (на 64 719 человек), лезгин (на 31 723 человека), чеченцев (на 5 662 человека), лакцев (на 1 242 человека) и табасаранцев (на 7 471 человека). Сократилась численность азербайджанцев на 14 012 человек, русских – на 1 777 человек, ногойцев – на 3 463 человека, агулов – на 806 человек. Ключевой проблемой Дагестана является миграционный отток русского населения.

Республика Ингушетия

В регионе наиболее многочисленной этнической группой являются ингуши –

473 440 человек (93% населения). Вслед за ними идут чеченцы – 12 240 человек (2%), русские – 3 294 человека (1%). Кроме того, проживают этнические меньшинства: турки – 242 человека (0,1%), казахи – 88 человек (0,02%), азербайджанцы – 86 человек (0,02%), кумыки – 82 человека (0,02%), лезгины и осетины – по 72 человека (по 0,01%), кабардинцы – 71 человек (0,01%), аварцы и таджики – по 63 человека (по 0,01%). В межпереписной период увеличилась численность ингушей на 87 903 человека, прежде всего за счет высокой рождаемости. Численность русских выросла на 79 человек. Увеличилась и численность казахов на 66 человек, лезгин – на 46 человек, кабардинцев – на 43 человека, таджиков – на 29 человек, азербайджанцев – на 3 человека, осетин – на 2 человека. Численность чеченцев уменьшилась на 6 525 человек, в первую очередь за счет миграционного оттока. Также сократилась численность турок на 490 человек, аварцев – на 38 человек, кумыков – на 36 человек.

Кабардино-Балкарская Республика

В республике наибольшую численность составляют кабардинцы – 502 615 человек (56%). Далее следуют русские – 174 768 человек (19%), балкарцы – 120 898 человек (14%), черкесы – 26 544 человека (3%), турки – 16 860 человек (2%), осетины – 6 877 человек (1%), цыгане – 4 122 человека (0,5%), армяне – 3 987 человек (0,5%), корейцы – 2 926 человек (0,3%), азербайджанцы – 1 767 человек (0,2%), чеченцы – 1 675 человек (0,2%) и татары – 1 544 человека (0,2%). Сравнение с данными переписи 2010 г. показывает следующие изменения. Первое. Выросла численность двух основных народов региона: кабардинцев и балкарцев на 12 162 и 12 321 человека соответственно. Второе. Увеличилась численность черкесов на 24 069 человек, турок – на 2 895 человек, цыган – на 1 248 человек. Третье. Сократилась численность русских на 18 387 человек, осетин – на 2 252 человека, корейцев – на 1 108 человек, армян – на 1 015 человек, татар – на 831 человека, азербайджанцев – на 296 человек, чеченцев – на 290 человек.

Карачаево-Черкесская Республика

В республике наиболее многочисленной этнической группой являются карачаевцы – 205 578 человек (44%). Далее следуют русские – 127 621 человек (27%), черкесы – 58 825 человек (13%), абазинцы – 37 664 человека (8%), ногайцы – 17 368 человек (4%), осетины – 2 511 человек (0,5%), армяне – 1 732 человека (0,4%), балкарцы – 973 человек (0,2%), татары – 928 человек (0,2%), украинцы – 787 человек (0,2%), турки – 778 человек (0,2%) и азербайджанцы – 720 человек (0,2%). В межпереписной период увеличилась численность карачаевцев на 11 254 человека, черкесов – на 2 359 человек, абазин – на 745 человек, ногайцев – на 1 714 человек. Сократилась численность русских на 22 404 человека, украинцев – на 1 256 человек, татар – на 1 203 человека, армян – на 1 005 человек, балкарцев – на 768 человек, осетин – на 631 человека, азербайджанцев – на 256 человек, турок – на 126 человек.

Республика Северная Осетия-Алания

В регионе наиболее многочисленной этнической группой являются осетины – 439 949 человек (64%). Далее следуют русские – 122 240 человек (18%), ингуши – 24 285 человек (4%), кумыки – 18 054 человека (3%), армяне – 11 668 человек (2%), грузины – 6 756 человек (1%), турки – 3 878 человек (1%), чеченцы – 2 492 человека (0,4%), кабардинцы – 2 214 человек (0,3%), цыгане – 2 069 человек (0,3%), осетины-дигорцы – 1 219

человек (0,2%) и корейцы – 973 человека (0,1%). Сравнение с данными переписи 2010 г. показывает, что к 2020 г. численность русских сократилась на 24 850 человек, осетин – на 19 739 человек, армян – на 4 567 человек, ингушей – на 4 051 человека, грузин – на 2 339 человек, чеченцев – на 588 человек, осетин-дигорцев и корейцев – на 485 человек в каждой этнической группе, кабардинцев – на 195 человек. Увеличилась численность кумыков на 1 962 человека, цыган – на 1 022 человека, турок – на 495 человек.

Чеченская Республика

Регион является наиболее моноэтническим: чеченцы составляют 96% населения. Доля русских – 1,2%, кумыков – 0,8%, аварцев – 0,3%, ногайцев – 0,2%. За десять межпереписных лет общий прирост населения был обеспечен полностью за счет чеченцев – на 250 241 человека, в то время как численность русских сократилась на 6 157 человек. В регионе сохраняется высокий уровень рождаемости среди этнических чеченцев.

Этнонациональные регионы Приволжского федерального округа Республика Башкортостан

В регионе сложился многонациональный этнический состав населения. Преобладают в населении русские – 1 509 246 человек (37%). Второй и третьей этническими группами являются соответственно башкиры – 1 268 806 человек (31%) и татары – 974 533 человека (24%). Менее многочисленны марийцы (84 988 человек, 2%), удмурты (17 149 человек, 0,4%), украинцы (14 876 человек, 0,4%), мордва (10 970 человек, 0,3%), узбеки (10 148 человек, 0,3%), армяне (9 128 человек, 0,22%), таджики (8 073 человека, 0,2%), азербайджанцы (4 928 человек, 0,1%) и казахи (3 796 человек, 0,09%). Сравнение с данными переписи 2010 г. показало следующие изменения в численности этнических групп. Во-первых, численность русских увеличилась на 76 340 человек, прежде всего, за счет стабильного миграционного притока русских в республику. Аналогично росла численность таджиков – на 3 946 человек, узбеков – на 2 203 человека, главным образом, за счет внешней миграции в регион. Во-вторых, численность башкир выросла на 96 519 человек, прежде всего, за счет возвратной миграции. В-третьих, численность многих народов сократилась: татар на 34 762 человека, украинцев – на 24 999 человек, марийцев – на 18 670 человек, мордвы – на 9 330 человек, удмуртов – на 4 328 человек, азербайджанцев – на 809 человек, казахов – на 577 человек, что обусловлено как межрегиональной миграцией, так и снижением рождаемости.

Республика Марий Эл

В республике преобладают две этнические группы: русские (322 932 человека, 48%) и марийцы (246 560 человек, 36%). В структуре населения также представлены такие этнические группы, как татары (29 317 человек, 4%), горные марийцы (13 953 человека, 2%), чуваша (3 656 человек, 1%), украинцы (1 501 человек, 0,2%), удмурты (1 348 человек, 0,2%), узбеки (751 человек, 0,1%), армяне (728 человек, 0,1%), азербайджанцы (707 человек, 0,1%), таджики (622 человека, 0,1%), мордва (423 человека, 0,1%). В межпереписной период выросла численность русских на 8 985 человек, армян – на 418 человек. Сократилась численность марийцев на 44 303 человека, горных марийцев – на 9 549 человек, татар – на 9 040 человек, чувашей – на 2 369

человек, украинцев – 2 100 человек, удмуртов – на 584 человека, как за счет миграционного оттока, так и за счет снижения рождаемости.

Республика Мордовия

В республике преобладает русское население – 406 061 человек (52%). Следующими по численности этническими группами являются мордва (290 750 человек, 37%) и мордва-эрзя (43 240 человек, 6%). Татары насчитывают 39 855 человек (5%), мордва-мокша – 10 099 человек (1,3%), таджики – 1 544 человека (0,2%), украинцы – 1 414 человек (0,2%), армяне – 1 356 человек (0,2%), узбеки – 1 038 человек (0,1%), азербайджанцы – 627 человек (0,1%), туркмены – 570 человек (0,1%), чувашаи – 446 человек (0,1%). В межпереписной период сократилась численность русских (на 37 676 человек), что может быть связано с выездом в более крупные и экономически привлекательные регионы России, снижением рождаемости и ростом смертности. Численность мордвы уменьшилась на 42 362 человека, в результате депопуляции и демографического старения населения, а также миграционного оттока за пределы региона. Число мордвы-эрзя уменьшилось на 6 339 человек, что может свидетельствовать о схожих демографических и миграционных тенденциях. В то же время численность мордвы-мокша увеличилась на 5 921 человека, что может быть результатом изменения миграционных потоков или улучшения демографической ситуации среди этой подгруппы. В то же время сократилась на 3 537 человек численность татар, туркменов (на 508 человек) и азербайджанцев (на 80 человек). Напротив, в результате миграции выросла численность таджиков (на 1 094 человека), узбеков (на 454 человека) и армян (на 14 человек).

Республика Татарстан

Представляет пример региона с высоким уровнем жизни населения, и как следствие обладающего высокой миграционной привлекательностью как для мигрантов из других субъектов Российской Федерации, так и международных мигрантов [8, 9]. В числе пяти крупнейших национальностей: татары (52%), русские (39%), чувашаи (2,3%), кряшены и удмурты (по 1%). За межпереписной период абсолютная численность татар увеличилась на 78 604 человека, русских – на 73 435 человек. Вместе с тем, доля татар и русских в общей численности населения снизилась на 0,9 и 0,3 процентных пункта соответственно. Это произошло за счет увеличения численности других национальностей: например, на 11-е и 13-е места вышли узбеки и таджики. В Татарстане увеличение численности этнических групп происходило преимущественно за счет миграции.

Удмуртская Республика

В республике наибольшими по численности этническими группами являются русские (841 581 человек, 58%) и удмурты (299 874 человека, 21%). Численность татар составляет 67 964 человека (5%), марийцев – 5 983 человека (0,4%). Также в регионе проживают этнические меньшинства: украинцы (3 648 человек), азербайджанцы (3 113 человек), армяне (2 445 человек) и др. В межпереписной период максимально сокращение затронуло удмуртов (110 710 человек), русских (70 958) и татар (30 867 человек). Рост численности отмечался у узбеков (510 человек) и таджиков (778 человек).

Чувашская Республика

В республике наибольшую численность составляют чувашаи (684 930 человек, 58%) и русские (329 991 человек, 28%). Кроме того, проживает значительное

количество татар (29 092 человека, 3%) и мордвы (7 707 человек, 1%). Меньшие этнические группы: марийцы (2 904 человека), украинцы (2 178 человек) и таджики (1 274 человека). В межпереписной период наблюдается снижение численности чувашей (на 129 820 человек) и татар (на 5 122 человека). При этом численность русских увеличилась на 6 717 человек, а также отмечен рост среди таджиков (на 630 человек) и узбеков (на 238 человек).

Этнонациональные регионы Уральского федерального округа

Ханты-Мансийский автономный округ

В округе численно преобладают русские (888 660 человек, 52%). Среди коренных народов региона ханты составляют 19 568 человек (1,15%), манси – 11 065 (0,65%). Далее следуют татары (79 727 человек, 5%), украинцы (41 596 человек, 2%), башкиры (29 717 человек), таджики (21 791 человек), азербайджанцы (21 259 человек). По данным переписи 2020 г., отмечается снижение численности большинства этнических групп в регионе: русские (на 85 318 человек), татары (на 29 172 человека), украинцы (на 49 727 человек). Коренные народы также столкнулись с сокращением: численность хантов уменьшилась на 11 375 человек (с 30 943 в 2010 г. до 19 568 в 2020 г.), а манси – на 88 человек. В противоположность, зафиксирован рост численности у таджиков (на 11 998 человек), лезгин (на 1 933 человека) и узбеков (на 2 391 человека). Таким образом, несмотря на статус титульных народов, доля хантов и манси в населении округа остается небольшой (в сумме менее 2%), а их абсолютная численность, особенно хантов, демонстрирует значительное снижение за последнее десятилетие.

Ямало-Ненецкий автономный округ

В округе русские являются самым многочисленным этносом (253 306 человек, 50%). За ними следуют ненцы (35 917 человек, 7%), татары (18 912 человек, 4%), украинцы (18 234 человека, 4%) и ханты (9 985 человек, 2%). В межпереписной период численность большинства этнических групп снизилась из-за депопуляции и миграционного оттока: в частности, русских (на 58 713 человек), татар (на 9 597 человек) и украинцев (на 30 751 человека). Рост был зафиксирован у ненцев (на 6 145 человек), кумыков (на 372 человека) и коми (на 261 человека).

Этнонациональные регионы Сибирского федерального округа

Республика Алтай

Большинство населения в республике составляют русские (106 258 человек, 50%) и алтайцы (73 242 человека, 35%). Значимой является численность казахов (12 647 человек, 6%) и тубаларов (3 424 человека, 2%). В межпереписной период численность русских снизилась на 8 544 человека, в то время как численность алтайцев увеличилась на 4 428 человек. Число казахов и татар также возросло, но численность других этнических групп, таких как теленгиты, украинцы, немцы и армяне, снизилась.

Республика Бурятия

В регионе численность русских составляет 581 764 человека (60%). Буряты – коренной народ республики – составляют 30% ее населения. Их численность насчитывает 295 273 человека, что на 8 434 человека больше, чем в 2010 г. Вместе с тем

численность русских снизилась на 49 019 человек за межпереписной период. Также сократилась численность татар (на 2 778 человек) и украинцев (на 3 647 человек) – по причине миграции и депопуляции. Численность узбеков выросла на 681 человека, таджиков – на 555 человек – вследствие активной миграции из Центральной Азии. Кроме того, выросла численность малочисленного народа – сойотов – на 737 человек.

Республика Тыва

В регионе самым многочисленным этносом являются тувинцы – 279 789 человек (83%). Значительную часть населения составляют русские (31 927 человек, 10%) и тувинцы-тоджинцы (7 189 человек, 2%). В межпереписной период численность тувинцев увеличилась на 30 490 человек, в то же время численность русских снизилась на 17 507 человек. Для киргизов, хакасов и армян отмечалось снижение численности, а численность китайцев и алтайцев немного возросла.

Республика Хакасия

В регионе наибольшую численность и долю населения составляют русские – 356 325 человек (67%). Хакасы, являющиеся коренным населением региона, составляют 10% населения (55 144 человека). В межпереписной период численность русских, однако, сократилась на 71 322 человека по причине превышения смертности над рождаемостью и миграционным оттоком. Численность хакасов также сократилась на 8 499 человек. В то же время наблюдается рост численности тувинцев (1 115) и таджиков (97 человек).

Этнонациональные регионы Дальневосточного федерального округа

Еврейская автономная область

Представляет собой регион со значительной потерей населения вследствие миграционного оттока, а также низкого уровня рождаемости. В национальной структуре населения области преобладают русские – 133 625 человек (89%), евреи занимают третье место в списке национальностей региона. По данным переписи, 837 человек указали свою принадлежность к еврейской национальности, что составляет 0,56% от общего населения региона. По сравнению с данными 2010 г. численность еврейского населения сократилась на 791 человека (в 2010 г. она составляла 1 628 человек). Это снижение соответствует уменьшению почти на 48,6% за межпереписной период, что свидетельствует о значительной отрицательной динамике. Такое резкое сокращение может быть связано с демографическими процессами, миграцией, ассимиляцией или изменениями в самоидентификации населения. Для точного анализа причин требуются дополнительные социокультурные и исторические данные. На втором месте – украинцы (1%), на четвертом и пятом местах – татары и азербайджанцы (по 0,3%). За межпереписной период произошло значительное снижение численности русских на 26 560 человек и украинцев – на 3 579 человек.

Республика Саха (Якутия)

В республике численно преобладают якуты (саха) – 469 348 человек (47%), численность которых выросла на 2 856 человек за межпереписной период. Русские занимают второе место с численностью 276 986 человек (28%), но их численность сократилась на 76 663 человека по сравнению с 2010 г. Эвенки и эвены имеют численность 24 334 и 13 233 человека соответственно, хотя их численность тоже несколько

сократилась. Следует отметить рост численности киргизов (на 6 181 человека) за счет миграции из Кыргызстана и других регионов Российской Федерации. Наблюдается снижение численности украинцев (на 13 172 человека). Меньшие изменения касаются бурятов, татар, армян и китайцев, которые не показывают значительных колебаний в численности.

Чукотский автономный округ

Регион, расположенный на северо-востоке России, характеризуется интересной этнической динамикой. Русские составляют 54% населения округа (25 503 человека), и их численность увеличилась на 435 человек по сравнению с переписью 2010 г. Однако, несмотря на прирост, доля русских в общей численности населения региона остается стабильной. Чукчи, коренной народ Чукотки, составляют 28% населения округа (13 292 человека), и за последние десять лет их численность увеличилась на 520 человек. Этот прирост может быть обусловлен ростом рождаемости среди чукчей и возвращением части людей в родные места. Численность эскимосов (инуитов) составляет 1 460 человек (3%), причем она снизилась на 69 человек по сравнению с переписью 2010 г. Такое снижение отражает миграционные процессы и снижение рождаемости, что ставит перед этим народом задачу сохранения традиционного образа жизни в условиях модернизации и изменения климата. Численность эвенов составляет 1 285 человек (3%) и сократилась на 107 человек. Это уменьшение связано как с миграцией в поисках лучших условий жизни, так и с демографическими процессами – снижением рождаемости и старением населения. Чуванцы увеличили свою численность на 234 человека, а калмыки потеряли 155 человек, что, вероятно, связано с миграционными процессами и снижением рождаемости. Татары, буряты, узбеки, белорусы и юкагиры составляют в регионе небольшие этнические контингенты. Например, татары – около 1% населения (345 человек), причем их численность снизилась на 106 человек. Для бурят был характерен небольшой рост – на 80 человек, и по итогам переписи 2020 г. их насчитывалось 229 человек. В округе наблюдается стабильное присутствие коренных народов, в то время как русские продолжают составлять основную часть населения. Уменьшение численности некоторых малых народов связано с миграцией, сокращением рождаемости и социально-экономическими вызовами. Поэтому важно продолжать работать над поддержанием культурной идентичности и улучшением условий для коренных народов, чтобы сохранить этническое разнообразие региона.

Дискуссия

В табл. 2 представлено распределение первой пятерки национальностей в ключевых этнонациональных регионах Российской Федерации с населением свыше 1 млн человек, по данным переписи 2020 г. В ХМАО-Югре ни ханты, ни манси по своей численности не входят в число пяти основных народов, а лишь замыкают первую десятку, в общей сложности составляя не более 2% населения. В Чувашской Республике за межпереписной период наиболее значительным было снижение доли чувашей в численности населения, составив примерно 8 процентных пунктов.

Как правило, в тех этнонациональных регионах, где значительна доля русского населения, динамика демографических процессов ближе к той, которую показывают другие субъекты Российской Федерации. В регионах, где преобладает другой

этнос, как, например, в Чечне, структура рождаемости и смертности качественно отличается от среднероссийской.

Таблица 2

Распределение 5 крупнейших национальностей в этнонациональных регионах РФ с населением свыше 1 млн человек по результатам переписи 2020 г.

Table 2

Distribution of the 5 Most Numerous Nationalities in Ethnonational Regions of the Russian Federation with a Population of Over 1 million people, according to the 2020 All-Russian Population Census

Регион	Ранги по численности лиц соответствующей национальности				
	1	2	3	4	5
Республика Крым	Русские	Крымские татары	Украинцы	Татары	Белорусы
численность (человек)	1 296 442	250 651	145 852	28 363	8 672
доля в населении (%)	(67,01%)	(12,96%)	(7,54%)	(1,47%)	(0,45%)
Республика Дагестан	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лезгинцы	Лакцы
численность (человек)	956 831	521 381	496 455	416 963 (13,10%)	162 518
доля в населении (%)	(30,07%)	(16,39%)	(15,60%)		(5,11%)
Чеченская Республика	Чеченцы	Русские	Кумыки	Аварцы	Ногайцы
численность (человек)	1 456 792	18 225	12 184	4 079	2 819
доля в населении (%)	(96,42%)	(1,21%)	(0,81%)	(0,27%)	(0,19%)
Республика Башкортостан	Русские	Башкиры	Татары	Марийцы	Удмурты
численность (человек)	1 509 246	1 268 806	974 533	84 988	17 149
доля в населении (%)	(36,89%)	(31,01%)	(23,82%)	(2,08%)	(0,42%)
Республика Татарстан	Татары	Русские	Чуваши	Кряшены	Удмурты
численность (человек)	2 091 175	1 574 804	90 474	25 189	21 327
доля в населении (%)	(52,22%)	(39,32%)	(2,26%)	(0,63%)	(0,53%)
Удмуртская Республика	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Украинцы
численность (человек)	841 581	299 874	67 964	5 983	3 648
доля в населении (%)	(57,92%)	(20,64%)	(4,68%)	(0,41%)	(0,25%)
Чувашская Республика	Чуваши	Русские	Татары	Мордва	Марийцы
численность (человек)	684 930	329 991	29 092	7 707	2 904
доля в населении (%)	(57,71%)	(27,80%)	(2,45%)	(0,65%)	(0,24%)
ХМАО – Югра	Русские	Татары	Украинцы	Башкиры	Таджики
численность (человек)	888 660	79 727	41 596	29 717	21 791
доля в населении (%)	(51,92%)	(4,66%)	(2,43%)	(1,74%)	(1,27%)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата³

В период между двумя переписями населения 2010 и 2020 гг. произошли существенные изменения национального состава этнонациональных регионов Российской Федерации. В ряде регионов наблюдается общее сокращение численности доминирующих в России этнических групп, таких как русские, украинцы и белорусы, причем это сокращение частично происходило в результате естественного движения причин, а частично – за счет миграции. Увеличение численности наблюдается в некоторых группах, связанных с миграцией из стран Центральной Азии (таджики, узбеки, киргизы). На изменение этнического состава населения оказывают влияние также политические и социальные факторы (например, изменение

³ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 17.10.2024).

политики в отношении мигрантов, самоидентификация, межэтнические конфликты и т. п.).

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать динамичную трансформацию этнической структуры Российской Федерации в целом и этнонациональных регионов страны в частности, обусловленную сочетанием естественного движения населения (депопуляций), миграцией и сменой этнической идентичности.

В межпереписной период в России доля русских сократилась на 5% (до 72%), что обусловлено низкой рождаемостью, эмиграцией молодежи и двойной ролью ассимиляции: в регионах, где русские – меньшинство (Чечня, Тыва), их доля снижается из-за смешанных браков с титульными народами, тогда как в большинстве субъектов ассимиляция, напротив, поддерживает численность русских за счет украинцев, белорусов и поволжских этносов. Украинцы (-54%) и белорусы (-22%) теряют долю преимущественно из-за культурно-языковой близости к русским (потомки в смешанных семьях чаще выбирают русскую идентичность), эмиграции и естественной убыли. В противовес этому народы Северного Кавказа (чеченцы +17%, аварцы +11%) демонстрируют рост благодаря высокой рождаемости, возвратной миграции в республики и устойчивости этнической идентичности, а внутренняя миграция русских из национальных регионов в центральную Россию дополнительно усиливает региональные диспропорции.

Региональные тренды характеризуются усилением моноэтничности Северного Кавказа (доля титульных этносов более 90%), полиэтничности Поволжья с растущей представленностью татар и башкир, сокращением русского населения в Сибири и на Дальнем Востоке (например, сокращение на 76 тыс. человек в Саха (Якутии)). Масштабные миграции включают приток мигрантов из стран Центральной Азии (например, в Республике Карелия численность таджиков выросла на 192%) и отток русского населения из национальных республик.

Ключевой методологической проблемой остается рост числа лиц с неуказанной национальностью (до 16,6 млн человек в 2020 г.), что актуализирует необходимость совершенствования инструментов этнодемографического учета.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что трансформация этнического состава населения России в 2010–2020 гг. отражает сложное переплетение глобальных и локальных факторов: демографического перехода, миграционной мобильности и эволюции идентичностей. Анализ данных переписей позволил выявить не только количественные сдвиги (сокращение доли русских, рост численности народов Кавказа и Средней Азии), но и качественные изменения в структуре региональной этничности – от усиления моноэтничности на Северном Кавказе до фрагментации культурного ландшафта Сибири и Дальнего Востока. Важным аспектом работы стало выделение роли методологических ограничений: рост числа лиц с «неуказанной» национальностью (16,6 млн) актуализирует вопросы о критериях этнической самоидентификации в условиях смешанных браков, урбанизации и цифровизации общества. Полученные результаты подчеркивают необходимость

комплексного подхода к изучению и управлению этнокультурными процессами. Выявленные тенденции указывают на важность поддержки малых коренных народов через сохранение языкового наследия и развитие этнокультурных инициатив (этнотуризм, образовательные программы), что может компенсировать их депопуляцию; регулирования миграционных потоков с учетом потребностей регионов, где демографический спад сочетается с дефицитом трудовых ресурсов (Сибирь, Дальний Восток); совершенствования методологии этнодемографического учета, включая цифровизацию переписей, для снижения доли «неуказанных» и повышения точности данных. Эти направления, интегрированные в стратегию исследований и мониторинга, позволят не только глубже понять механизмы трансформации этнической структуры, но и создать научную базу для разработки сбалансированных решений в контексте национальной политики. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований, включая сравнительный анализ эффективности мер поддержки коренных народов, изучение долгосрочных последствий миграции для межэтнического взаимодействия и разработку прогнозных моделей с учетом меняющихся демографических реалий. Таким образом, работа вносит вклад не только в понимание текущей этнической динамики, но и в развитие методологии изучения полиэтнических обществ в эпоху трансформаций.

Список литературы

1. Тишков, В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). EDN [HJKIZH](https://www.edn.ru/HJKIZH).
2. Рязанцев, С. В. Влияние иммиграции на этно-демографические процессы в России / С. В. Рязанцев, А. Д. Брагин // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 20–28. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-02](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-02). EDN [IIAYMJ](https://www.edn.ru/IIAYMJ).
3. Смирнова, Т. Б. Этнодемографические процессы и идентичность в регионах Азиатской части России (по материалам опроса 2021 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 233–242. DOI [10.24147/2312-1300.2022.9\(3\).233-242](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(3).233-242). EDN [LRERVP](https://www.edn.ru/LRERVP).
4. Архангельский, В. Н. Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 57–74. DOI: [10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74). EDN [VNYMIO](https://www.edn.ru/VNYMIO).
5. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](https://www.edn.ru/WGDKYE).
6. Андреев, Е. М. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 4–20. DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967). EDN [XYSZBL](https://www.edn.ru/XYSZBL).
7. Андреев, Е. М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35. EDN [PFBVMP](https://www.edn.ru/PFBVMP).
8. Биктимиров, Н. М. Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н. М. Биктимиров, Р. М. Гайфутдинова, А. А. Ибрагимов, Ч. И. Ильдарханова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 189–202. DOI [10.15838/esc.2019.3.63.12](https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12). EDN [LSMXBA](https://www.edn.ru/LSMXBA).
9. Валидова, А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. DOI [10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511). EDN [YAEZYT](https://www.edn.ru/YAEZYT).

Сведения об авторах

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafarvazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); РИНЦ SPIN-код: [4348-5413](https://www.elibrary.ru/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [57156-2018](https://orcid.org/57156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/spin/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; принята в печать 26.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

TRANSFORMATION OF THE POPULATION'S ETHNIC COMPOSITION IN THE ETHNO-NATIONAL REGIONS OF RUSSIA

Zafar K. Vazirov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

For citation: Vazirov, Z. K., Ryazantsev, S. V. Transformation of the Population's Ethnic Composition in the Ethno-National Regions of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 120–137. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.8).

Abstract. The article analyzes the dynamics of the ethnic composition of the population in the country and its ethnonational regions based on the results of the 2010 and 2020 All-Russian population censuses (inter-census period). The research methodology includes a comparative analysis of statistical data on the ethnic composition of the population, as well as an assessment of the contributions of factors such as natural population movement, migration, and shifts in ethnic identity, as documented in scientific literature, census data, and current records. The census data reveal key nationwide trends: a decline in the numbers of Slavic peoples, an increase in the proportion of North Caucasian ethnic groups, and a growing number of individuals who did not specify their nationality. Regional differentiation in the transformation of ethnic composition is identified across ethnonational regions of the Russian Federation: the republics of the North Caucasus exhibit natural growth among indigenous ethnic groups, while northern and Siberian regions show a decline in both the Russian population and small indigenous peoples. The study provides evidence-based recommendations for preserving cultural heritage, managing migration, and refining demographic policy. This research contributes to understanding the transformation of the ethnic population structure amid globalization and internal socio-economic changes in the Russian Federation.

Keywords: ethnic composition of the population, ethnonational regions, All-Russian population Census, demographic dynamics, regional differentiation, small indigenous peoples, population decline/shrinkage, ethnic identity, ethnodemographic processes

References

1. Tishkov, V. A. Counting the Peoples or Deconstructing Population Census. *Etnograficheskoe Obozrenie [Ethnographic Review]*. 2023. No. 4. Pp. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Bragin, A. D. Impact of Immigration on the Ethno-Demographic Processes in Russia. *Scientific review. Series 2: Humanities*. 2021. No. 6. Pp. 20–28. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-02](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-02). (In Russ.).
3. Smirnova, D. B. Ethnodemographic Processes and Identity in the Regions of the Asian part of Russia (Based on the 2021 Survey). *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*. 2022. Vol. 9, No. 3 (35). Pp. 233–242. DOI [10.24147/2312-1300.2022.9\(3\).233-242](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(3).233-242). (In Russ.).

4. Arkhangel'sky, V. N. Fertility Dynamics in the North Caucasus: Do Maternity Subsidies Make a Difference? *Journal of Social Policy Research*. 2019. Vol. 17, No. 1. Pp. 57–74. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74). (In Russ.).
5. Rossiyskaya identichnost' i mezhetnicheskiye otnosheniya. *Publichnyy diskurs i sotsial'naya praktika* [Russian Identity and interethnic relations. Public discourse and social practice] / L. M. Drobizheva, E. M. Arutyunova, M. A. Evseeva [et al.]. Moscow : FCTAS RAS Publ., 2022. 434 p. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). (In Russ.).
6. Andreev, E. M., Churilova, E. V. The Results of the 2021 All-Russian Population Census in the Light of Civil Registration Statistics and Censuses of Previous Years. *Demographic review*. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 4–20. DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967). (In Russ.).
7. Andreev, E. M. On Accuracy of Russia Population Censuses Results and Level of Confidence in Different Sources of Information. *Voprosy Statistiki* [Statistical issues]. 2012. No. 11. Pp. 21–35. (In Russ.).
8. Biktimirov, N. M., Gayfutdinova, R. M., Ibragimova, A. A., Ildarkhanova, C. I. Intraregional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12, No. 3. Pp. 189–202. DOI [10.15838/esc.2019.3.63.12](https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12). (In Russ.).
9. Validova, A. F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Regionology*. 2018. Vol. 26, No. 3. Pp. 494–511. DOI [10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511). (In Russ.).

Bio notes

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); RSCI SPIN-code: [4348-5413](https://elibrary.ru/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Received on 23.03.2025; accepted for publication on 26.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9)

EDN [BAVFEO](https://www.edn.ru/BAVFEO)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Соколова А. А.

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Калачикова О. Н.

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

E-mail: onk82@yandex.ru

Для цитирования: Соколова, А. А. Территориальная идентичность и миграционные настроения жителей Вологодской области / А. А. Соколова, О. Н. Калачикова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 138–156. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9). EDN [BAVFEO](https://www.edn.ru/BAVFEO).

Аннотация. Целью научной статьи является выявление взаимосвязей между миграционными настроениями населения Вологодской области (как модельного региона, которому свойственна миграционная и естественная убыль) и территориальной идентичностью, удовлетворенностью жизнью, уверенностью в собственном будущем и родительскими представлениями о возможных миграциях своих детей. Исследование основано на данных социологического опроса «Социокультурный портрет региона России» (волна 2023 г.). По его итогам выявлено, что значительная часть жителей Вологодской области испытывает положительные эмоции от проживания на малой родине и не имеет ярко выраженных миграционных настроений. Но, несмотря на это, треть респондентов демонстрирует амбивалентные чувства к области: они позитивно относятся к региону проживания, однако их многое не устраивает, что сопровождается более выраженной допустимостью переезда в дальнейшем. Особое внимание уделено межпоколенческому аспекту миграционных настроений: немалая часть родителей, имея положительное отношение к региону проживания, рассматривает миграцию детей в крупные города и столицу как предпочтительный вариант. Это отражает двойственную логику восприятия региона респондентами-родителями – как комфортной среды для жизни, но не как пространства для перспектив будущих поколений. Возраст и уровень образования оказывают влияние на миграционные настроения, как в отношении самих участников опроса, так и в отношении их детей. Так, молодежь чаще готова рассматривать переезд, в то время как старшее поколение в основном предпочитает остаться в родном регионе и больше, чем в половине случаев желает, чтобы дети также связали свое будущее с Вологодской областью. Вологжане с послевузовским образованием реже хотели бы переехать сами, вместе с тем зачастую поддерживают миграцию своих отпрысков в крупные города. Респонденты, удовлетворенные жизнью и уверенные в завтрашнем дне, чаще хотят, чтобы их дети строили будущее на малой родине, чем те, кто не испытывает подобных чувств. Особую актуальность исследованию придает обстоятельство того, что родители играют важную роль в формировании и реализации миграционных настроений детей. Полученные результаты подчеркивают значимость учета миграционных настроений и территориальной идентичности населения при формировании региональной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, территориальная идентичность, миграционные намерения, миграционные настроения, миграционные установки, региональная миграция, Вологодская область

Введение

Вопрос регулирования миграции в условиях депопуляции и дефицита кадров, дисбалансов на локальных рынках труда стоит особенно остро. Регионы и муниципалитеты в такой ситуации ориентированы на сокращение миграционного оттока, закрепление населения на своих территориях. Вологодская область относится к группе субъектов, в которых депопуляция обусловлена и естественной, и миграционной убылью. На сегодняшний день большая часть жителей области (72,7%)

проживает в городах, что свидетельствует о высокой концентрации расселения. Малые города и сельские территории теряют жителей, что приводит к деградации социальной инфраструктуры, снижению доходов местных бюджетов и дальнейшему усилению оттока населения [1]. Традиционно, наиболее интенсивно в миграцию вовлечена молодежь [2]. Основными направлениями отъезда молодых людей становятся крупные города России [3], в которых молодежь ищет более привлекательные образовательные и карьерные возможности, при этом доступность образования и уровень зарплат в крупных городах продолжают оказывать сильное притягивающее влияние.

Факту перемены места жительства предшествует подготовительный этап, когда у индивида возникают мысли о гипотетическом переезде, формируются миграционные установки и намерения, которые, как правило, являются предикторами миграции [4]. Согласно теории трехстадийности миграционного процесса, миграционная подвижность различается у лиц с разнородными социально-демографическими характеристиками [5]. Исследователи отмечают, что на миграционные установки влияет комплекс факторов, которые выходят за рамки сугубо социально-экономических причин [6]. К примеру, среди демографических факторов выявлено влияние возраста и образования: наиболее выраженные миграционные намерения наблюдаются у представителей молодого возраста [1] и у индивидов, имеющих хорошее образование [7]. Кроме того, установлены предикторы, комплексно характеризующие самоощущение человека относительно своей жизни, включая отношение к месту жительства: низкий уровень удовлетворенности жизнью усиливает миграционные настроения [8; 9], а восприятие региона как «неперспективного» [4] или «проблемного» [10] заставляет задуматься индивидов о том, чтобы покинуть текущее место проживания. В то же время привязанность к месту жительства и локальная идентичность способны сдерживать миграционные потоки, особенно среди молодежи [11].

На этапе формирования миграционных установок мнение членов семьи имеет большое значение: социальные связи и семейные ценности могут, как стимулировать, так и сдерживать миграцию [11–13]. Родители часто играют в этом процессе важную роль [4], поскольку могут выступить в качестве организаторов и спонсоров будущей миграции детей, но также и повлиять на принятие решения ребенком остаться учиться и работать после окончания школы в родном населенном пункте, регионе. Исследования показывают, что родительские установки относительно будущего детей формируются задолго до получения ими основного среднего образования и являются хорошо обдуманной семейной стратегией [14]. В отношении будущих своих детей родители стремятся, с одной стороны, обеспечить доступ к лучшему образованию, карьерным возможностям и финансовому благополучию на территории иного населенного пункта [13; 15], а, с другой – сохранить семейные связи. В некоторых случаях миграция рассматривается как миграционный «трамплин» для всей семьи – сначала переезд осуществляется ребенком, а после того, когда он закрепится на новом месте, к нему переезжает вся семья [16].

Формирование позитивного образа региона, поддержка местных сообществ и развитие городской среды – важные инструменты, способствующие сохранению населения на местах [12]. Необходимо понимать, что удержание молодежи

в регионе невозможно без комплексного улучшения социальных условий, развития рынка труда и образовательной среды. Также не стоит забывать о том, что при формировании политики по снижению оттока молодежи из региона следует воздействовать не только на молодых людей, но и на их родителей, поскольку те оказывают значимое влияние на будущее своих детей.

Материалы и методы

Выполненное исследование основано на данных опроса «Социокультурный портрет регионов России», который с 2008 г. проводится в Вологодской области. Опрос охватывает широкий спектр характеристик – от демографической структуры и культурного капитала до факторов трудовой активности, качества жизни и эффективности управления. Инструментарий опроса строится на антропосоциокультурном подходе, который дает возможность глубже понять социальное самочувствие жителей, их привязанность к месту проживания и формирование миграционных настроений [17].

В настоящей статье анализируются данные последней волны опроса 2023 г.¹, выборка которого составила 1800 респондентов (гг. Вологда, Череповец и восемь муниципальных районов) с ошибкой выборки не более 3%, что гарантирует репрезентативность полученных результатов. Итоги опроса по Вологодской области за 2023 г. впервые предоставили возможность изучить мнения родителей о желательных сценариях миграционного будущего детей, поскольку в анкету был включен дополнительный вопрос, позволивший выявить миграционные настроения самих родителей относительно потенциального переезда их детей.

Для анализа использовались такие характеристики респондентов, как возраст, уровень образования и место проживания (в разрезе: крупные города – Вологда и Череповец, районы², область в целом), что помогло установить особенности территориальной идентичности опрашиваемых, а также рассмотреть миграционные настроения³ интервьюируемых с различными характеристиками.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу миграционных настроений населения региона через параметры удовлетворенности жизнью, уверенности в своем будущем и межпоколенческих миграционных установок. Критерий удовлетворенности жизнью был отобран нами, поскольку высокий уровень удовлетворенности местом проживания может снижать вероятность миграционных настроений, а введение критерия уверенности в будущем тем, что

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Социокультурный портрет регионов России» № 2024623834 от 30.08.2024 г.

² После муниципальной реформы 2021 г. в Вологодской области насчитываются два городских округа, 20 муниципальных округов и шесть муниципальных районов.

³ В нашем исследовании мы употребляем термин «миграционные настроения», поскольку вопрос, который мы используем для анализа, в своей формулировке содержит аффективную составляющую, то есть напрямую осведомляется о чувствах респондентов, а не о конкретных планах о переезде. А именно: «Какие чувства Вы испытываете к региону своего проживания?». В отношении детей был использован тот же термин, поскольку опрос фокусируется на субъективных желаниях родителей, касающихся их детей. Полученные ответы (например, «Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там» и т. д.) выявляют эмоциональные предпочтения и личные ожидания родителей, а не четкие намерения или конкретные планы относительно будущего места жительства детей.

вопросы, касающиеся миграции детей, ориентированы на будущее. Такой подход расширяет представление о миграционных решениях не только как о социально-экономическом, но и как о ценностно-эмоциональном феномене.

Эксплорация имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, исследование основано на данных опроса населения Вологодской области, что делает затруднительной экстраполяцию результатов на другие регионы России. Во-вторых, вопросы опросника преимущественно сосредоточены на аффективной компоненте, что ограничивает возможность оценки реальных поведенческих аспектов в отношении принятия решения о миграции. В-третьих, ответы на вопросы, касающиеся миграционных настроений респондентов-родителей применительно к их детям, основаны на субъективных предположениях самих участников исследования. В-четвертых, результаты анализа представляют собой срез данных только за 2023 г., что не позволяет нам определить, как могли бы повлиять средовые факторы на изучаемый феномен. И наконец, исследование не охватывает весь спектр возможных детерминант, которые отражают проблемы территориальной идентичности и миграционных настроений, но открывает перспективы для дальнейших исследовательских работ.

Результаты исследования

В целом население Вологодской области характеризуется склонностью к оседлости: согласно данным опроса, менее 4% жителей хотели бы уехать в другой регион России, а желание эмигрировать выражают лишь 1,2% (рис. 1). Наибольшее количество намеревающихся переехать в другой регион РФ наблюдается в г. Череповце (4,4%), а наименьшее – у жителей районов области (2,6%)⁴.

Треть респондентов выбирает промежуточный вариант ответа: «В целом доволен, но многое не устраивает», что может говорить об амбивалентном отношении к месту жительства. С одной стороны, они признают наличие положительных сторон, но с другой – испытывают неудовлетворенность по ряду аспектов. Такие настроения представляют собой потенциал для формирования миграционных установок, так как человек, сравнивая текущее место жительства с предполагаемым, может начать задумываться о переезде. Если неудовлетворенность начнет перевешивать положительные стороны, такие мысли могут трансформироваться в оформленные миграционные намерения. Доля амбивалентно настроенных участников опроса также варьируется в зависимости от территории. В Вологде их

⁴ В данном контексте следует отметить, что доля респондентов, выразивших желание покинуть регион, отражает только миграционные настроения населения. Важно разграничивать данные миграционной статистики и субъективные установки, поскольку выраженные миграционные настроения соответствуют первой стадии миграционного процесса, где формируются мысли и установки на миграцию, которые не эквивалентны реальным пространственным перемещениям, фиксируемым статистикой, которые относятся ко второй стадии миграционного процесса, где осуществляется фактический акт переезда. Согласно статистическим данным по Вологодской области за 2023 г., миграционная убыль населения была равна 798 человек; при общей численности населения 1 125 062 человек доля выбывших составила 1,8% (20 075 человек), что сопоставимо с долей респондентов, выразивших в ходе опроса миграционные настроения (Источник: Демографический ежегодник Вологодской области за 2023 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда : Вологдастат, 2024. 84 с.).

наименьшее количество (26,6%), однако даже здесь это составляет четверть опрошенных. В Череповце их доля значительно выше – 42,1%, что свидетельствует о большей распространенности критического отношения к месту жительства и более высоком уровне притязаний.

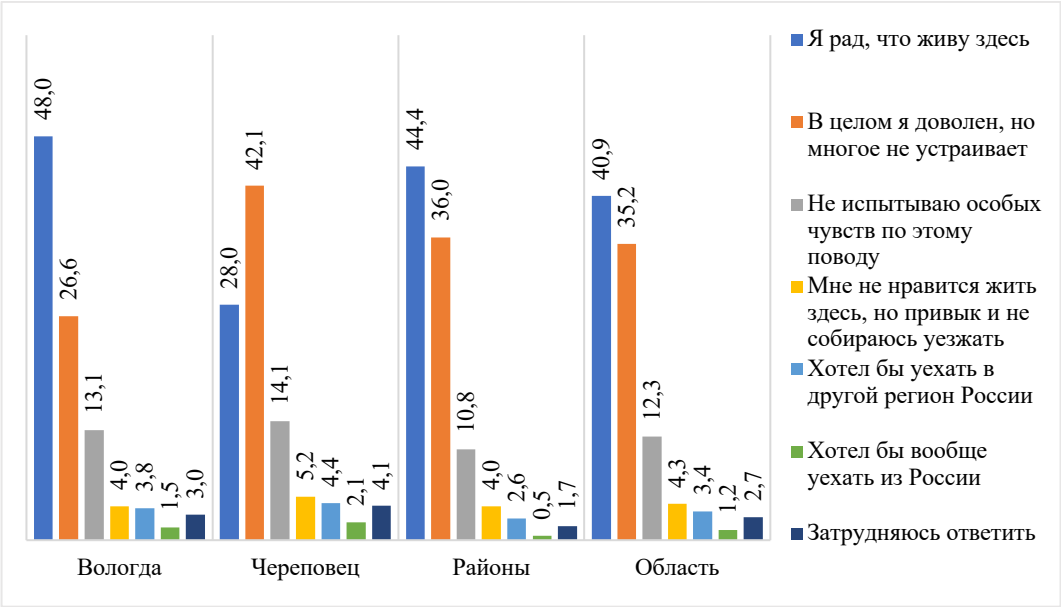

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», 2023 г. (%)

Fig. 1. Distribution of responses to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?”, 2023 (%)

Источник: здесь и далее рассчитано автором по данным опроса «Социокультурный портрет Вологодской области» 2023 г.

Практически половина жителей г. Вологды испытывает положительные эмоции по отношению к своему месту жительства (48%), тогда как в г. Череповце этот показатель ниже (28%). В сельских районах области уровень удовлетворенности составляет 44,4%.

Во всех возрастных группах, за исключением молодых людей в возрасте 18–24 лет (33,8%), большинство респондентов заявляют об удовлетворенности жизнью в месте своего постоянного проживания. Так, наибольшая доля опрошенных, испытывающих чувство удовлетворения, зафиксирована среди людей в возрастных категориях 25–34 года (41,9%) и старше 60 лет (44,2%) (рис. 2). В то же время разброс значений доли тех, кто в целом доволен территорией своего проживания, но все же испытывает недовольство по поводу многих аспектов, незначителен: она варьируется от 31,3% в группе 25–34 лет до 37,3% в группе 18–24 лет.

Доля тех, кто открыто заявляет об антипатии в отношении своего текущего места жительства и нежелании покинуть его выше у респондентов из старших возрастных групп: наибольшие значения доли достигают пика в возрастной группе старше 60 (55) лет (5,3%). Такая закономерность может объясняться возрастными

особенностями, поскольку люди старшего возраста чаще склонны к стабильности и привязанности к своему дому, близким людям и социальной среде, у них короче горизонт планирования, что снижает их готовность к переезду, даже если место проживания их не полностью устраивает.

Больше всего желающих переехать в другой регион страны наблюдается среди молодежи 18–24 лет (7,7%) и 25–34 лет (6%). В более старших возрастных группах эта доля ниже, что может быть связано с ростом семейных и профессиональных обязательств, а также с уменьшением мобильности. Молодежь легче воспринимает перемены и активно ищет новые возможности, что объясняет их стремление к переезду. Кроме того, молодые люди (возрастная группа 18–24 года) демонстрируют чуть больший уровень интереса к переезду за границу (4,2%), чем население в остальных возрастных группах.

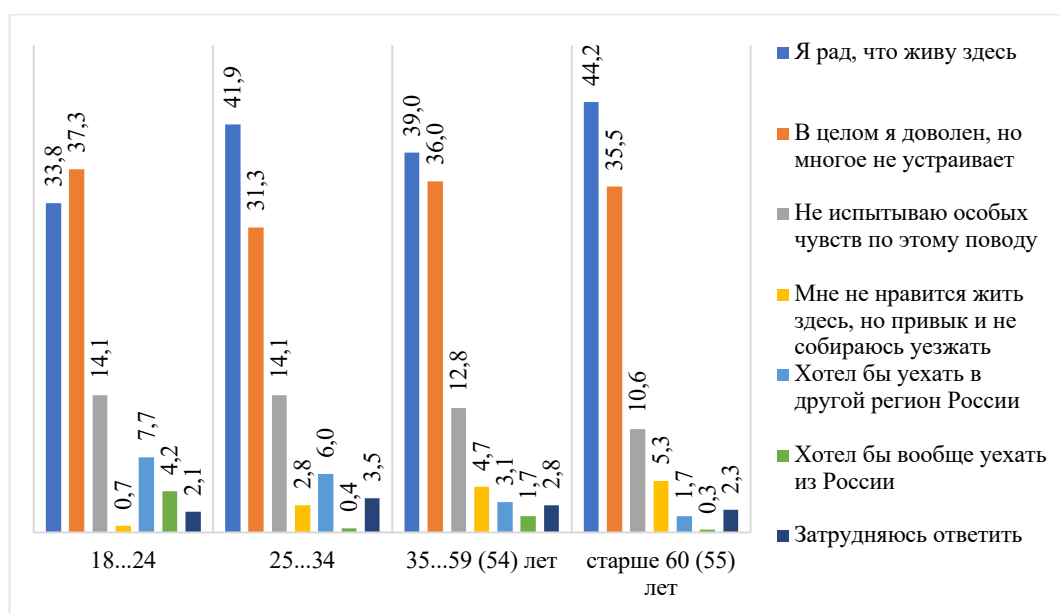

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по возрастным группам, 2023 г. (%)

Fig. 2. Distribution of answers to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?” by age group, 2023 (%)

Наиболее удовлетворены жизнью в Вологодской области люди с послевузовским образованием⁵ – 57%, что может быть связано с их устойчивым социальным статусом и возможностями профессиональной реализации (рис. 3). Среди остальных групп показатели одинаковы: для начального – 40%, среднего – 41% и высшего

⁵ В данном случае очень важно учесть, что результаты, касающиеся участников опроса с послевузовским образованием, требуют при интерпретации особой осторожности. Это связано как с их малочисленностью в общей численности населения, так и с ограниченной представленностью данной группы в выборке, где их доля не превышает значений ошибки выборки. Следовательно, выводы о данной категории респондентов следует рассматривать как ориентировочные и учитывать их низкую репрезентативность.

образования – 41%. Люди с послевузовским образованием реже выбирают вариант ответа «В целом я доволен(а), но многое не устраивает» – 24%. Индивиды с начальным, средним и средним общим образованием имеют наибольшие значения доли среди всех остальных групп по данному варианту ответа – 38%. Самая большая доля желающих уехать в другой регион РФ зафиксирована среди людей со средним специальным образованием – 4%, в группе с послевузовским образованием их вообще нет – 0%.

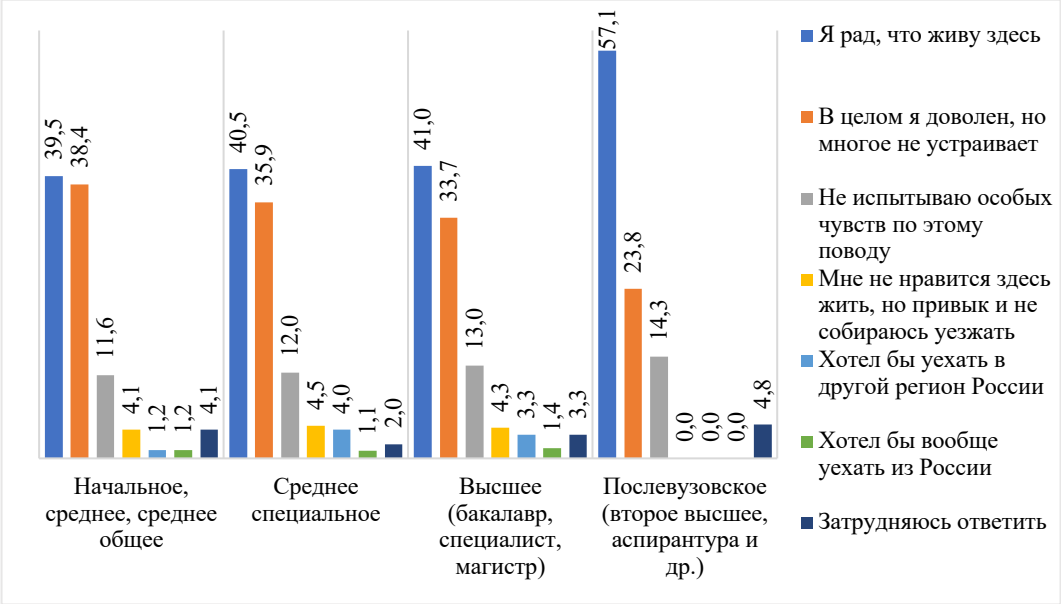

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по образовательной структуре, 2023 г. (%)
Fig. 3. Distribution of answers to the question: “What feelings do you have towards your region of residence?” by educational structure, 2023 (%)

Результаты проведенного опроса демонстрируют взаимосвязь между уровнем удовлетворенности жизнью, уверенностью в завтрашнем дне и отношением к месту текущего проживания (рис. 4). Так, респонденты, удовлетворенные жизнью, значительно чаще заявляют, что рады жить в своем населенном пункте (50,7%), чем неудовлетворенные (19,2%). Что является закономерным, поскольку общая удовлетворенность жизнью обычно связана с положительной оценкой окружения, включая территорию проживания.

Уверенные в собственном будущем в два раза чаще, чем неуверенные, высказывались о том, что довольны своим текущим местом проживания (51,6% против 22,5%). Те, кто не испытывает особых чувств к месту жительства, зачастую принадлежат к группам, испытывающим неуверенность в грядущих днях (16,9%) или неудовлетворенность жизнью вообще (17,6%). Среди удовлетворенных местом проживания и уверенных в своем будущем (9,0% и 9,2% соответственно) аналогичные значения практически в два раза ниже. Желание переехать в другой регион более характерно для неудовлетворенных жизнью (5,8%), чем для удовлетворенных (2,6%).

В то же время уверенность в завтрашнем дне незначительно влияет на желание сменить регион: доли уверенных (3,0%) и неуверенных (3,7%) почти равны.

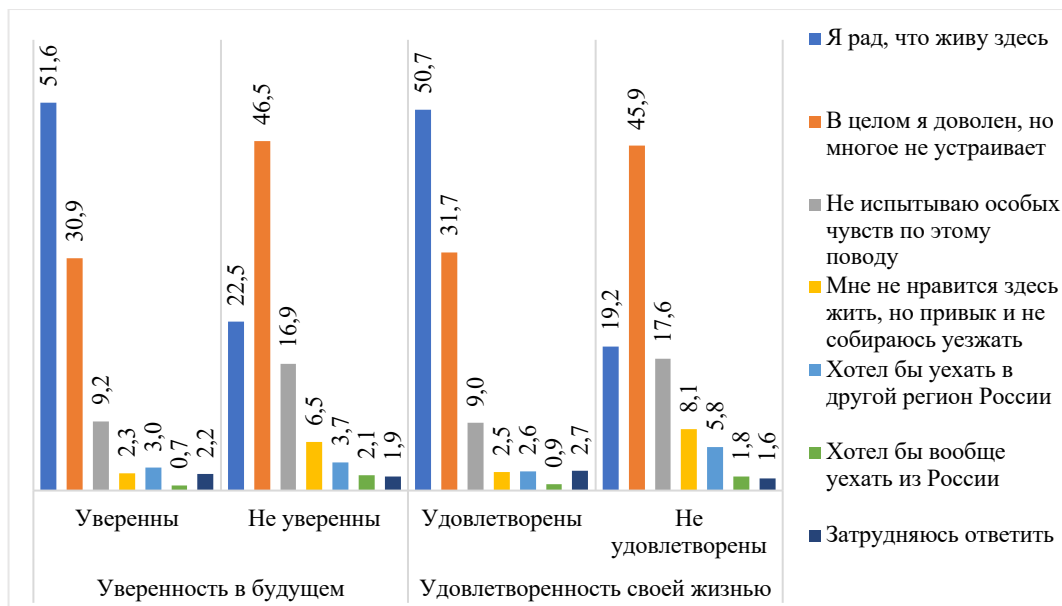

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?» по степени удовлетворенности своей жизнью и уверенности в будущем, 2023 г. (%)

Fig. 4. Distribution of responses to the question: "What feelings do you have in relation to the region of residence?" by the degree of satisfaction with your life and confidence in the future, 2023 (%)

Больше половины участников опроса (62,7%), которые рады жить в месте своего проживания, хотели бы, чтобы их дети построили жизнь на малой родине (рис. 5). Треть респондентов (32,8%) из этой группы предпочла бы, чтобы дети уехали в крупные города, а примерно четверть (27,8%) – в столицу РФ. Это свидетельствует о том, что родители в целом отдают предпочтение крупным региональным центрам. Возможной причиной также может быть восприятие крупных городов как весьма комфортных для жизни и не столь перегруженных, как Москва или Санкт-Петербург, а кроме того, наличие в них возможностей для карьерного роста и образования при более доступных условиях проживания. Такая тенденция равным образом соотносится и с поселенческой иерархичностью миграционных процессов [15].

Больше трети (40,1%) амбивалентно настроенных опрошенных хотели бы, чтобы дети продолжили жить на территории нынешнего места проживания. Доля тех, кто желал бы, чтобы отпрыски построили свою жизнь в крупных городах страны незначительно выше (на 2,7 п. п.), чем в предыдущей группе, а доля тех, кто видит будущее детей в столице, ниже (на 4,6 п. п.)

Группа населения, которая не испытывает особых чувств к региону своего проживания, в основном предпочитает видеть будущее собственных детей

в крупных городах России (43,3%) и в столице (29,3%). В то время как другая категория респондентов, которым не нравится их место проживания, однако в силу своих поведенческих паттернов не собирающихся переезжать, частично транслирует следующие настроения в отношении миграции детей: половина респондентов (50,6%) хотела бы, чтобы их отпрыски продолжали жить в привычном для них месте.

Миграционно настроенные респонденты меньше, чем другие группы интервьюируемых, желали бы, чтобы их дети связали свое будущее с регионом проживания (36,7%). В данной группе в большей степени становится заметным увеличение доли ответов относительно миграции детей в столицу (59,0%) и в крупные города (54,1%). Таким образом, здесь наблюдается взаимосвязь между собственными миграционными намерениями взрослых респондентов и их предпочтениями в отношении возможной миграции подрастающего поколения.

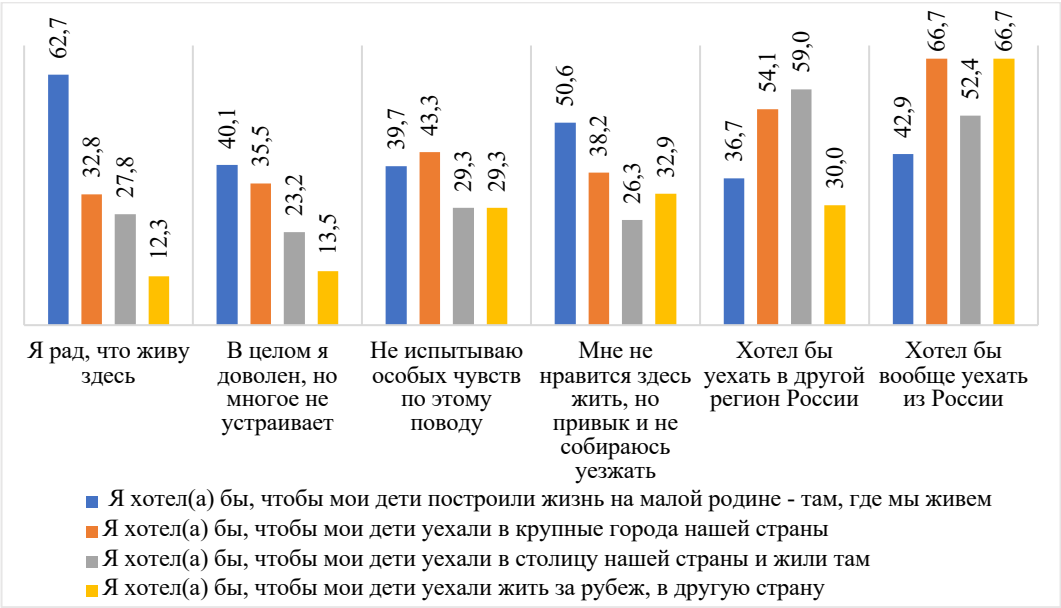

Рис. 5. Отношение к миграции детей в зависимости от оценки региона проживания, 2023 г. (%)

Fig. 5. Attitude to child migration depending on the attitude to the region of residence, 2023 (%)

При том, что практически половина (49,8%) жителей Вологодской области предпочла бы, чтобы их дети связали будущее с родным регионом, заметны территориальные различия (табл. 1). К примеру, жители г. Вологды чаще выражают желание, чтобы дети оставались в родном городе и строили там свою жизнь (58,3%), тогда как в г. Череповце этот показатель самый низкий по области (44,1%).

Больше трети (36,5%) взрослого населения Вологодской области склоняется к поддержке миграции детей в крупные города страны. Жители г. Череповца чаще остальных готовы поддержать переезд своих детей в столицу страны (37,9%), тогда как в районах области данный показатель существенно ниже (20,5%). Это может объясняться как более сильной привязанностью к месту жительства, так и

ограниченными материальными возможностями. Такая ситуация находит отражение в центростремительном характере миграции, что еще раз подтверждает связь миграционных установок и результатов миграции.

Половина респондентов Вологодской области (51,7%) считает эмиграцию нежелательным сценарием для собственных детей. Жители административных центров региона проявляют чуть большую открытость к миграции детей за границу: отрицательное отношение выражают 41,7% и 46,2%.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по территории проживания, 2023 г. (%)

Table 1

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by territory of residence, 2023 (%)

Ответы	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	7,7	58,3	34	14,1	44,1	41,8	20,6	48,3	31,1	15,4	49,8	34,8
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	23,1	38,2	38,7	15,3	31,3	53,4	26,3	38,7	35	22,4	36,5	41,1
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	27,6	30,6	41,8	18	37,9	44,1	43,8	20,5	35,7	32,4	28	39,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	41,7	19,3	39	46,2	19,7	34,1	60,9	14,1	25	51,7	17	31,3

Источник: здесь и далее составлено авторами по материалам опроса «Социокультурный портрет региона России», 2023 г.

Желание родителей, чтобы их отпрыски проживали на территории «родного» населенного пункта, имеет возрастные особенности: в 18–24 года таких респондентов насчитывается 36,6%, тогда как среди старшего поколения (старше 60 (55) лет) эта доля выше и составляет 55,5% (табл. 2). Для молодежи более характерно поддерживать идею переезда детей в крупные города России (51,4%), а также за границу (26,2%). В то же время среди представителей старшего возраста такие показатели существенно ниже: лишь 13,2% из них выражают одобрение возможной эмиграции детей.

Подобные различия могут быть обоснованы возрастными особенностями восприятия родительской ответственности и предпочтений, связанных с близостью детей, с одной стороны, а с другой – возрастом самих детей. Молодые люди могут рассматривать вероятность миграции своих детей более абстрактно, поскольку в их случае речь идет о детях дошкольного возраста, для которых самостоятельный

переезд в обозримом будущем не является актуальным, а часть респондентов может и вовсе не иметь детей.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по возрастным группам, 2023 г. (%)

Table 2

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by age group, 2023 (%)

Ответы	18...24			25...34			35...59 (54) лет			старше 60 (55) лет		
	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно	Не согласен	Согласен	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	21,8	36,6	41,6	18,1	45,0	36,9	14,4	49,3	36,3	13,7	55,5	30,8
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	11,9	51,4	36,7	16,5	42,5	41	22,6	34,1	43,3	27,2	33,4	39,4
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	17,6	44,4	38	26,2	29,4	44,4	30,3	28,3	41,4	41,0	23,4	35,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	31,2	26,2	42,6	44,7	20,6	34,7	51,8	17,3	30,9	59,4	13,2	27,4

Представления родителей о будущем месте жительства детей различаются у участников опроса в зависимости от образовательного уровня (табл. 3). Наибольшая доля тех, кто хотел бы, чтобы потомки остались жить на малой родине, у лиц со средним специальным образованием (52,4%), а наименьшая – у получивших послевузовское образование (36,4%). Стоит заметить, что среди интервьюируемых, имеющих послевузовское образование, максимальна доля испытывающих положительные чувства к региону проживания, в то время как доля планирующих будущее детей на малой родине – минимальна. Возможно, это связано с их мнением об ограниченности возможностей в регионе успешной профессиональной реализации, достижением высокого социального статуса и материального положения для представителей интеллектуальной элиты, основанном на собственном опыте. Переезд детей в крупные города страны в большей степени считают возможным респонденты со средним специальным (38,5%) и высшим профессиональным (36,0%) образованием. Эти же группы населения имеют наибольшие значения доли среди остальных касательно переезда детей в столицу – 29,1% и 28,2% соответственно. Вне зависимости от уровня образования большинство родителей-респондентов высказывается отрицательно в отношении эмиграции детей.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по уровню образования, 2023 г. (%)

Table 3

Distribution of responses to the question: “To what extent do you agree with the following statements?” by level of education, 2023 (%)

Ответы	Начальное, среднее, среднее общее			Среднее специальное			Высшее (бакалавр, специалист, магистр)			Послевузовское		
	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно	Не согласны	Согласны	Не могу сказать точно
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь на малой родине – там, где мы живем	17,9	49,1	33	17,7	52,4	29,9	11,4	47,0	41,6	9,1	36,4	54,5
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в крупные города нашей страны и жили там	29,7	30,8	39,5	22,9	38,5	38,6	19,8	36,0	44,2	9,1	27,3	63,6
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в столицу нашей страны и жили там	34,3	23,8	41,9	32,7	29,1	38,2	31,2	28,2	40,6	40,9	13,6	45,5
Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	48,8	15,7	35,5	53,2	18,1	28,7	50,2	16,3	33,5	50,0	9,1	40,9

Сравнение мнений респондентов, удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью, относительно будущего места жительства их детей демонстрирует определенные различия, хотя они не всегда являются статистически значимыми. Среди участников опроса, испытывающих удовлетворенность своим бытием, более половины (54,2%) предпочли бы, чтобы их отпрыски остались на малой родине, тогда как для группы неудовлетворенных жизнью этот показатель ниже – 42,1% (рис. 6). Однако наиболее заметные различия проявляются в значениях доли респондентов, которые не согласны с тем, чтобы их дети оставались на малой родине. Среди удовлетворенных жизнью эта доля почти в два раза меньше (13,8%), чем среди неудовлетворенных (22,8%), что может свидетельствовать о том, что неудовлетворенность собственной жизнью у респондентов может вызывать формирование миграционных настроений, поддержку переезда детей в другие регионы.

На втором месте по распространенности находится ответ опрошенных в отношении миграционных планов на переезд в крупные города России, причем доля, как среди удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью респондентов одинакова – 38,0%. Меньше трети участников опроса из обеих групп хотели бы, чтобы дети переехали в столицу (28,6%). Несогласие с этим утверждением также почти равноценно: 34,0% среди удовлетворенных и 31,8% среди неудовлетворенных. Большинство респондентов, как среди первых (55,4%), так и среди вторых (51,6%), не хочет, чтобы их наследники уезжали за границу.

Представленные нами данные показывают связь между уверенностью в будущем и предпочтениями интервьюеров относительно будущего своих детей (рис. 7).

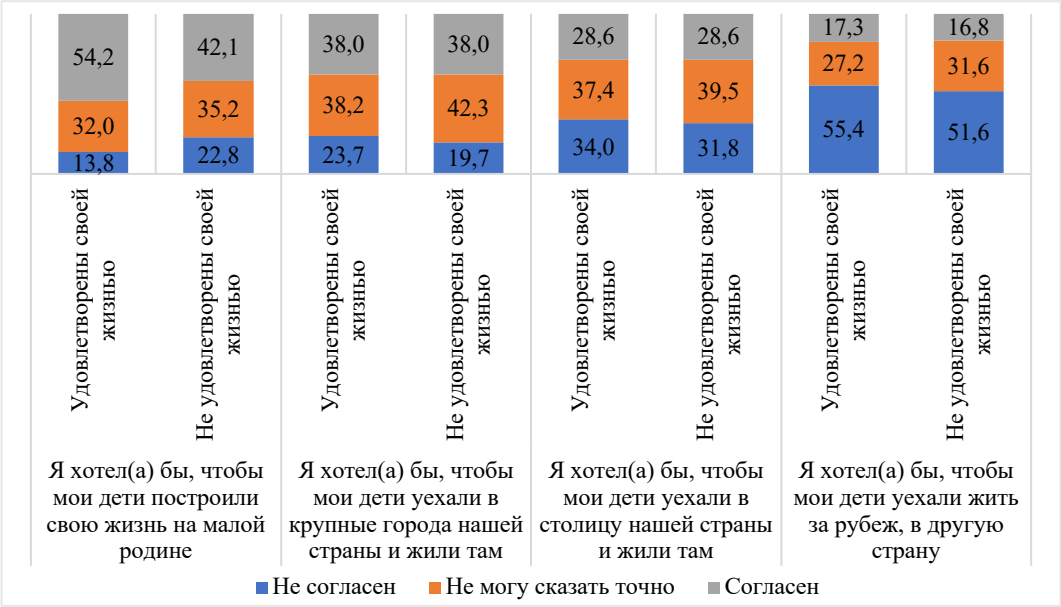

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по степени удовлетворенности жизнью, 2023 г. (%)

Fig. 6. Distribution of responses to the question: "To what extent do you agree with the following statements?" by degree of life satisfaction, 2023 (%)

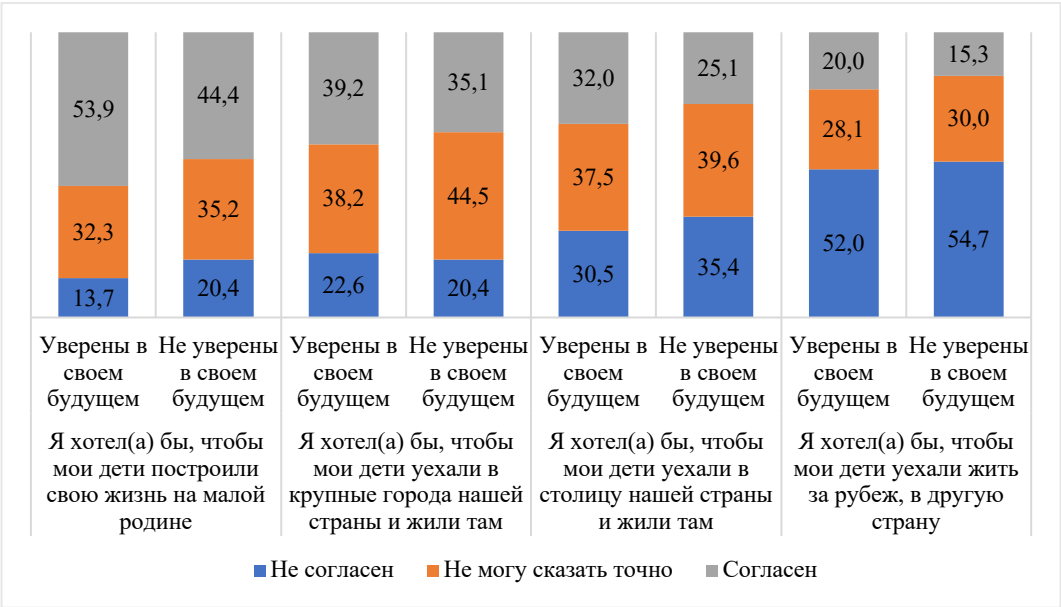

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?» по степени уверенности в своем будущем, 2023 г. (%)

Fig. 7. Distribution of responses to the question: "To what extent do you agree with the following statements?" by degree of confidence in your future, 2023 (%)

Среди уверенных в своем будущем 53,9% хотели бы, чтобы их дети остались на малой родине, что на 9,5 процентных пунктов выше, чем среди неуверенных (44,4%). Это может говорить о том, что уверенность в будущем дне способствует большей приверженности к сохранению связи с текущим местом проживания.

Респонденты, уверенные в своем будущем, чуть чаще (39,2%), чем не уверенные (35,1%), строят миграционные планы о переезде детей в крупные города нашей страны (рис. 8). Применительно к переезду в столицу наблюдается противоположная тенденция: неуверенные чаще выступают против этого (35,4%) по сравнению с уверенными (30,5%), что, возможно, связано с более амбициозными ожиданиями уверенных в завтрашнем дне. По-прежнему миграционные планы относительно эмиграции отпрысков остаются самыми непопулярными среди всех остальных утверждений.

Обсуждение и выводы

Результаты опроса продемонстрировали, что большинство его участников положительно относится к региону своего места жительства (40,9%) и не выражает желания переехать (только 3,4% хотели бы переехать в другой регион России, а 1,2% – за границу). Это выступает устойчивым прекурсором приверженности территории проживания: даже в условиях экономических трудностей и ограниченных карьерных перспектив она снижает вероятность активного поиска альтернативного места жительства и свидетельствует о том, что эмоциональная привязанность выступает одним из главных барьеров перехода к стадии реального территориального перемещения. В то же время треть (35,2%) жителей области проявляет амбивалентное отношение к нынешнему месту проживания, что указывает на потенциальные риски роста миграционных настроений при ухудшении социально-экономической ситуации.

Несмотря на достаточно сдержанные собственные миграционные настроения, респонденты рассматривают переезд детей в крупные города и столицу как предпочтительный миграционный сценарий. В данном случае можно говорить о том, что родители сами выступают носителями латентной «миграционной стратегии» для собственных детей. Респонденты-родители проявляют готовность поддержать их переезд, воспринимая его как возможность улучшить качество жизни и социальные перспективы, и, вероятно, могут видеть в этом возможность реализации собственных когда-то нереализованных планов, например, о поступлении в престижный столичный ВУЗ или на работу в крупном городе страны. Это вскрывает некоторое противоречие между желанием сохранить стабильность для себя и желанием переезда для детей и может говорить о том, что регион воспринимается как малая родина, но не как пространство для реализации профессиональных и образовательных амбиций будущих поколений.

Территориальная идентичность влияет на миграционные настроения населения, что особенно заметно среди молодежи. Причем будущее детей с жизнью на Родине более всего связывают те, кто имеет выраженные позитивные чувства к месту проживания, и те, кто видит много минусов в регионе проживания, но не намерен переезжать. Здесь просматриваются два вида привязанностей к территории: одна основана на положительной оценке условий жизни, другая –

на эмоциональной укорененности при критичном восприятии региона. Вторая позиция выглядит более зрелой, отражающей любовь к Родине и потенциальную готовность менять жизнь к лучшему.

Возраст, этап жизненного цикла играют важную роль в формировании миграционных установок. Старшее поколение демонстрирует наиболее выраженную привязанность к родному региону и предпочло бы, чтобы и отпрыски оставались на малой родине, что обусловлено стремлением к стабильности и сохранению семейных связей. Молодежь (до 35 лет), напротив, чаще поддерживает миграционные сценарии и рассматривает перспективу жизни в крупных городах (51,4%) или за границей (26,2%). Более высокая миграционная мобильность молодых и их готовность к перемещениям обуславливается этапом получения образования, когда высшие учебные заведения выступают катализаторами миграции, и началом периода профессионального становления. Важно подчеркнуть, что образовательная миграция может быть частью жизненной траектории, предполагающей возвращение в родной регион при наличии привлекательных условий. Поэтому стратегической задачей региональной политики должно стать создание условий для возврата мигрантов: рабочих мест, профессиональных сообществ, каналов карьерного роста. В таком контексте поддержание и укрепление территориальной идентичности становится стратегически ориентированной задачей, влияющей в перспективе на устойчивое социально-демографическое и экономическое развитие региона.

Образовательный уровень респондентов также оказывает значимое влияние на их миграционные предпочтения. Лица с послевузовским образованием, несмотря на положительное отношение к своему месту жительства, реже желают, чтобы их дети оставались на малой родине. Что, вероятно, обусловлено осознанием ограниченных возможностей для профессионального и образовательного развития в регионе у данной группы населения. В свою очередь, респонденты со средним специальным и высшим образованием чаще поддерживают идею переезда детей в крупные российские города, включая столицу. Эти данные подтверждают роль мегаполисов как центров притяжения, где сконцентрированы ресурсы для личного и профессионального развития. Эмиграция вне зависимости от социально-демографических характеристик интервьюируемых, их удовлетворенности жизнью и уверенности в своем будущем, рассматривается ими как нежелательный сценарий, как для себя, так и для детей. Это может свидетельствовать о сохранении семейных ценностей и территориальной идентичности, но также быть следствием ограниченного понимания возможностей международной мобильности в текущем социально-экономическом контексте.

Таким образом, территориальная идентичность играет важную роль в формировании миграционных установок и намерений. Высокая удовлетворенность жизнью на Родине связана с желанием передать эту привязанность детям, что в целом снижает миграционные настроения, как у родителей, так и потенциально у их отпрысков. Отсутствие сильной эмоциональной привязанности к месту проживания способствует большей открытости к миграционным сценариям. Для Вологодской области было выявлено, что довольно большая доля респондентов демонстрирует ориентированность на альтернативные, более привлекательные, по их мнению, места жительства для детей. Причины такого мнения, по всей видимости, кроются

в дихотомии возможностей «центров» и «периферии», которые находят отражение в центростремительном характере миграции (жители сельских районов полагают, что их детям жить лучше в крупных городах области, жители крупных городов видят желательным переезд детей в другие регионы или столицу страны).

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что программы по регулированию миграции должны учитывать не только экономические стимулы, но и работу с миграционными настроениями, территориальной идентичностью и локальной привлекательностью региона, которые направлены не только для привлечения мигрантов, но и для всех групп населения, уже проживающих на территории региона. Разработанные меры должны быть ориентированы не только на самих молодых людей, но и на их родителей, поскольку формирование у родителей положительных установок относительно жизни в регионе и трансляция этих установок детям может сыграть значимую роль в снижении оттока молодежи из Вологодской области. Региональная миграционная политика должна создавать возможности для реализации потенциала каждого поколения в условиях родного региона. Именно такой комплексный и долгосрочный подход создаст надежный фундамент для демографической и социальной устойчивости Вологодской области и в схожих по характеристикам регионах.

Список литературы

1. Карачурина, Л. Б. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) / Л. Б. Карачурина, К. А. Иванова // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 51–60. EDN [ZWMRTJ](#).
2. Карачурина, Л. Б. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России / Л. Б. Карачурина, Ю. Ф. Флоринская // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 82–89. EDN [XZQZSR](#).
3. Будилов, А. П. Оценка миграционной ситуации в Вологодской области / А. П. Будилов, О. Н. Калачикова // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 5. С. 8. DOI [10.15838/sa.2020.5.27.8](#). EDN [LFZENK](#).
4. Jong, G. F. D. Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province / G. F. D. Jong, B. D. Root, R. W. Gardner, J. T. Fawcett // Population and Environment. 1986. Vol. 8, № 1. Pp. 41–62. DOI [10.1007/BF01263016](#).
5. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Книга 3: Теория трех стадий миграционного процесса. Москва : Экон-Информ, 2019. 218 с. ISBN 978-5-534-11727-1.
6. Мотрич, Е. Л. Студенчество Хабаровского края. Социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения / Е. Л. Мотрич, Е. Л. Ли, Е. О. Скрипник // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 47–57. EDN [IQFTOR](#).
7. Docquier, F. The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration / F. Docquier, G. Peri, I. Ruysen // International Migration Review. 2014. Vol. 48. Suppl. 1. Pp. 37–99. DOI [10.1111/imre.12137](#).
8. Otrachshenko, V. Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe / V. Otrachshenko, O. Popova // Journal of Socio-Economics. 2014. Vol. 48 (2). Pp. 40–49. DOI [10.1016/j.socsec.2013.09.008](#).
9. Chindarkar, N. Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? // Social Indicators Research. 2014. Vol. 115, № 1. Pp. 159–182. DOI [10.1007/s11205-012-0213-7](#).
10. Латова, Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 39–51. DOI [10.31857/S013216250010206-9](#). EDN [DHRKJF](#).
11. Ramkissoon, H. Perceived Social Impacts of Tourism and Quality-of-Life: A New Conceptual Model // Journal of Sustainable Tourism. 2023. Vol. 31. Pp. 442–459. DOI [10.1080/09669582.2020.1858091](#).

12. Frieze, I. H. Psychological Factors in Migration and Place Attachment in Slovene Students / I. H. Frieze, M. Y. Li, P. Drevenšek, et. al. // *Anthropos*. 2011. № 3. Pp. 179–191.
13. Симакова, А. В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18, № 2(131). С. 134–144. DOI: [10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144). EDN [GLFFJO](https://www.edn.ru/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144).
14. Мкртчян, Н. В. Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы / Н. В. Мкртчян, Р. И. Гильманов // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2023. Т. 87, № 1. С. 29–41. DOI [10.31857/S2587556623010132](https://doi.org/10.31857/S2587556623010132). EDN [LUPVRI](https://www.edn.ru/10.31857/S2587556623010132).
15. Bjarnason, T. Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities / T. Bjarnason, T. Thorlindsson // *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22, № 3. Pp. 290–300. DOI [10.1016/j.jrurstud.2005.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004).
16. Мкртчян, Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 1 (137). С. 225–242. DOI [10.14515/monitoring.2017.1.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15). EDN [YORVWV](https://www.edn.ru/10.14515/monitoring.2017.1.15).
17. Груздева, М. А. Социокультурный ракурс регионального развития: опыт многолетних наблюдений // *Социальное пространство*. 2022. Т. 8, № 2. Ст. 7. DOI [10.15838/sa.2022.2.34.7](https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7). EDN [EZFBAU](https://www.edn.ru/10.15838/sa.2022.2.34.7).

Сведения об авторах

Сokolova Анастасия Алексеевна, научный сотрудник, Центр социально-демографических исследований, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5434-8094](https://orcid.org/0000-0001-5434-8094); РИНЦ SPIN-код: [5845-3310](https://www.rincc.ru/5845-3310).

Калачикова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); РИНЦ SPIN-код: [4087-8120](https://www.rincc.ru/4087-8120).

Статья поступила в редакцию 16.03.2025; принята в печать 19.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

TERRITORIAL IDENTITY AND MIGRATION INTENTIONS OF THE VOLOGDA REGION RESIDENTS

Anastasia A. Sokolova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Olga N. Kalachikova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

E-mail: onk82@yandex.ru

For citation: Sokolova, A. A., Kalachikova, O. N. Territorial Identity and Migration Intentions of the Vologda Region Residents. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 138–156. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9).

Abstract. The article examines the territorial identity of residents of the Vologda Oblast and its relationship with migration moods. The study is based on data from the 2023 sociological survey “Sociocultural Portrait of a Russian Region” (2023 round). The findings indicate that a significant proportion of Vologda residents experience joy in living in their homeland and do not express strong migration intentions. However, despite this, one-third of respondents exhibit ambivalent feelings toward the region: while they hold a generally positive attitude toward their place of residence, they are dissatisfied with certain aspects, which makes them more open to the possibility of relocating in the future. Additionally, respondents tend to be more accepting of the idea of their children migrating, particularly to major cities and the capital.

The analysis revealed that age and education influence migration attitudes, both in relation to the respondents themselves and their children. Younger individuals are more likely to consider relocating, while the older generation is more inclined to stay in their home region and, in more than half of the cases, expresses a desire for their children to build their future in the Vologda Region. Residents with postgraduate education are less likely to want to move themselves but are more supportive of their children migrating to larger cities. Respondents who are satisfied with their lives and feel secure about the future are more likely to want their children to stay in their homeland, compared to those who do not share such sentiments. The relevance of this study is heightened by the fact that parents play a significant role in shaping and realizing their children's migration attitudes. The findings highlight the importance of taking migration sentiments and territorial identity into account when shaping regional migration policy.

Keywords: migration, territorial identity, migration intentions, migration moods, migration attitudes, regional migration, Vologda Oblast

References

1. Karachurina, L. B., Ivanova, K. A. Migration of the Elderly in Russia (According to 2010 Census Data). *Regional studies*. 2017. No. 3 (57). Pp. 51–60. (In Russ.).
2. Karachurina, L. B., Florinskaya, Yu. F. Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*. 2019. No. 6. Pp. 82–89. (In Russ.).
3. Budilov, A. P., Kalachikova, O. N. Assessing Migration Situation in the Vologda Oblast. *Social Area*. 2020. Vol. 6, No. 5. P. 8. DOI [10.15838/sa.2020.5.27.8](https://doi.org/10.15838/sa.2020.5.27.8). (In Russ.).
4. Jong, G. F. D., Root, B. D., Gardner, R. W., Fawcett, J. T. Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province. *Population and Environment*. 1986. Vol. 8, No. 1. Pp. 41–62. DOI [10.1007/BF01263016](https://doi.org/10.1007/BF01263016).
5. Rybakovsky, L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protessa [History and Theory of Population Migration. Book 3: Theory of Three Stages of the Migration Process]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2019. 218 p. ISBN 978-5-534-11727-1. (In Russ.).
6. Motrich, E. L., Li, E. L., Skripnik, E. O. Socio-Professional and Migration Orientations and Behavior Motivation (Khabarovsk Territory). *Sociological studies*. 2008. No. 5 (289). Pp. 47–57. (In Russ.).
7. Docquier, F., Peri, G., Ruysen, I. The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. 2014. Vol. 48. No. Suppl. 1. Pp. 37–99. DOI [10.1111/imre.12137](https://doi.org/10.1111/imre.12137).
8. Otrachshenko, V., Popova, O. Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. 2014. Vol. 48 (2). Pp. 40–49. DOI [10.1016/j.socsc.2013.09.008](https://doi.org/10.1016/j.socsc.2013.09.008).
9. Chindarkar, N. Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 115, No. 1. Pp. 159–182. DOI [10.1007/s11205-012-0213-7](https://doi.org/10.1007/s11205-012-0213-7).
10. Latova, N. V. Migration Attitudes and Preferences of Russian Workers in the Context of the Human Capital Concept. *Sociological Studies*. 2020. No. 10. Pp. 39–51. DOI [10.31857/S013216250010206-9](https://doi.org/10.31857/S013216250010206-9). (In Russ.).
11. Ramkissoon, H. Perceived Social Impacts of Tourism and Quality-of-Life: A New Conceptual Model. *Journal of Sustainable Tourism*. 2023. Vol. 31. Pp. 442–459. DOI [10.1080/09669582.2020.1858091](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1858091).
12. Frieze, I. H., Li, M. Y., Drevenšek, P., et al. Psychological Factors in Migration and Place Attachment in Slovene Students. *Anthropos*. 2011. No. 3. Pp. 179–191.
13. Simakova, A. V. Youth Migratory Intentions at (Post)Extractive Arctic Mono-Industrial Cities: Live or Leave. *Social Policy and Sociology*. 2019. Vol. 18, No. 2 (131). Pp. 134–144. DOI [10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144). (In Russ.).
14. Mkrtchyan, N. V., Gil'manov, R. I. Moving Up: Migration Between Levels of the Settlement Hierarchy in Russia in the 2010s. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]*. 2023. Vol. 87, No. 1. Pp. 29–41. DOI [10.31857/S2587556623010132](https://doi.org/10.31857/S2587556623010132). (In Russ.).
15. Bjarnason, T., Thorlindsson, T. Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities. *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22, No. 3. Pp. 290–300. DOI [10.1016/j.jrurstud.2005.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004).
16. Mkrtchyan, N. V. The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. No. 1 (137). Pp. 225–242. DOI [10.14515/monitoring.2017.1.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15). (In Russ.).
17. Gruzdeva, M. A. Socio-Cultural Perspective of Regional Development: Experience of Long-Term Observations. *Social Area*. 2022. Vol. 8. No. 2. Art. 7. DOI [10.15838/sa.2022.2.34.7](https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7). (In Russ.).

Bio notes

Anastasia A. Sokolova, Researcher, Center for Social and Demographic Research, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5434-8094](https://orcid.org/0000-0001-5434-8094); RSCI SPIN code: [5845-3310](https://www.rsci.spin.ru/5845-3310).

Olga N. Kalachikova, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Deputy Director for Research, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); RSCI SPIN code: [4087-8120](https://www.rsci.spin.ru/4087-8120).

Received on 16.03.2025; accepted for publication on 19.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10)EDN [YTHDXP](https://edn.ythd.xp)

ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Иванов М. С.*Центр подготовки полиции ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия**E-mail: 89261471954@mail.ru*

Для цитирования: Иванов, М. С. Эволюция миграционной политики стран Евразийского экономического союза // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10). EDN [YTHDXP](https://edn.ythd.xp).

Аннотация. Предметом исследования является система управления государственной миграционной политикой в условиях евразийской интеграции. Тема работы акцентирует внимание на анализе механизмов координации миграционных процессов между государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Целью статьи выступают выявление особенностей и проблем в существующих на государственном уровне механизмов управления трудовой миграцией в ЕАЭС, разработка рекомендаций по их совершенствованию. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что повышение эффективности управления государственной миграционной политикой в условиях евразийской интеграции должно быть основано на формировании единого миграционного пространства и активном внедрении цифровых решений. Методологическую основу составляют системный подход к изучению миграции и миграционной политики, сравнительный анализ нормативно-правовой базы государств-членов Евразийского экономического союза, статистический анализ миграционных процессов и институциональный анализ деятельности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В работе использованы сведения и положения Договора о ЕАЭС, обширная научная литература. В результате исследования выявлены ключевые механизмы регулирования трудовой миграции в рамках ЕАЭС, определены существующие проблемы в миграционных процессах и их регулировании, а также разработаны предложения по совершенствованию системы информационного взаимодействия между уполномоченными органами государств-членов. Практическая значимость публикации состоит в возможности применения ее результатов при разработке стратегий развития миграционной политики в условиях евразийской интеграции, направлений цифровизации инструментов и механизмов регулирования миграционных процессов для повышения их эффективности. Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе влияния цифровизации на процессы трудовой миграции и разработке новых подходов к оценке эффективности миграционной политики в условиях евразийской интеграции.

Ключевые слова: миграционные процессы, механизмы управления, цифровизация, евразийская интеграция, мигранты, инструменты регулирования

Введение

Актуальность исследования миграционной политики в рамках Евразийского экономического союза обусловлена важной ролью трудовой миграции в экономиках стран-участниц. За 10 лет существования Союза масштабы перемещения рабочей силы достигли 9 млн человек в 2019 г., при этом 84% мигрантов – граждане СНГ, что подтверждает их ключевое значение для рынков России и Казахстана. Раздел 26 Договора о ЕАЭС (ст. 96–98) заложил основу для свободного перемещения трудовых ресурсов, но сохраняющиеся дисбалансы требуют анализа эффективности этих норм. Вместе с тем процесс оптимизации миграционной политики ЕАЭС остается незавершенным, несмотря на прогресс в гармонизации законодательства. Ст. 97 обеспечила равный доступ к рынку труда для граждан Союза, но все же остаются барьеры: различия в системах пенсионного обеспечения, отсутствие единых медицинских страховых механизмов и нерешенные вопросы признания квалификаций.

Бесспорно, следует признать, что российская экономика испытывает реальную потребность в трудовых мигрантах различной квалификации. С одной стороны, наблюдается острый дефицит низкоквалифицированной рабочей силы в строительстве (40% мигрантов), сельском хозяйстве и сфере услуг. С другой стороны, налицо растущий спрос на специалистов среднего и высшего звена в промышленности и сфере услуг [1].

В условиях увеличивающегося дефицита кадров на предприятиях России, особенно в промышленном секторе¹, миграционная политика в рамках ЕАЭС играет первостепенную роль в решении кадрового вопроса. Многие компании вынуждены привлекать трудовых мигрантов, поскольку российская молодежь чаще выбирает офисные специальности, игнорируя востребованные рабочие профессии, достойный уровень заработной платы и социальные гарантии, предлагаемые промышленными предприятиями [2].

Совершенствование миграционной политики ЕАЭС остается незавершенным, несмотря на прогресс в гармонизации законодательства. Ст. 97 обеспечила равный доступ к рынку труда для граждан Союза, однако сохраняются различия в системах пенсионного обеспечения, отсутствуют единые медицинские страховые механизмы, не решены вопросы признания квалификаций. Введение упрощенного режима для граждан Кыргызстана в 2015 г. увеличило их долю на российском рынке труда с 500 тыс. до 1 млн к 2024 г., но выявило пробелы в учете. Ст. 98, гарантирующая социальные права мигрантов, не устраняет проблемы с доступом к медицинским услугам. При этом статистика показывает, что структурные изменения в экономике РФ требуют более гибкого подхода к регулированию миграции разных категорий работников. Актуальность регулирования усиливается на фоне новых вызовов, таких как цифровизация трудовых процессов и рост нелегальной миграции. ЕАЭС внедрил цифровую платформу «Работа без границ», тем не менее, отсутствие единой IT-экосистемы осложняет контроль и ее использование².

В условиях демографического старения населения³ и растущей автоматизации производства, а также в результате кризисных явлений, проявившихся после 2022 г. (отток высококвалифицированных кадров из России), потребность в мигрантах будет только возрастать. Это подчеркивает необходимость разработки новых механизмов привлечения и адаптации иностранных специалистов, и делает данное исследование важнейшим в интересах устойчивого развития России.

Формирование Евразийского экономического союза, объединяющего государства с различными экономическими и демографическими показателями, детерминирует потребность разработки и внедрения единой согласованной миграционной

¹ Эксперты ВШЭ назвали отрасли с наибольшей кадровой уязвимостью // РБК : [сайт]. 10.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2023/64d376d79a79479371da267b> (дата обращения: 05.05.2025).

² Цифровая трансформация: евразийский и международный контекст // Евразийский банк развития : [сайт]. URL: https://eci.eabr.org/upload/EDB_Digital-Transformation_2024-04-15_web.cleaned.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

³ Хайрутдинов, Т. Через 25 лет пожилых людей в России станет больше, чем молодых. Главные факты о том, как стареет наша страна // Если быть точным : [сайт]. 21.04.2022. URL: <https://tochno.st/materials/cheez-25-let-pozhilykh-lyudey-v-rossii-stanet-bolshe-chem-molodykh-glavnye-fakty-o-tom-kak-stareet-nasha-strana> (дата обращения: 05.05.2025).

политики, что особенно важно в контексте современных геополитических вызовов. Особую значимость приобретает необходимость создания эффективных механизмов управления миграцией в условиях, когда страны-участницы Союза демонстрируют различные подходы к миграционной политике: от ориентации на привлечение высококвалифицированных специалистов (Россия и Казахстан⁴) до акцента на защите прав своих граждан за рубежом и программах репатриации (Киргизия и Армения⁵). Актуальность исследования усиливается насущной необходимостью в разработке унифицированных правовых норм и стандартов для регулирования миграции, включая процедуры регистрации, выдачи разрешений на работу и пребывание, а также необходимостью цифровизации механизмов регулирования миграционных процессов.

Все вышеизложенное актуализирует цель настоящей статьи, направленной на выявление особенностей и проблем существующих механизмов управления государственной миграционной политикой в ЕАЭС, разработку рекомендаций по ее совершенствованию.

Обзор научной литературы

Нужно отметить, что в настоящее время сложилось множество подходов к изучению сущности миграции и ее влияния на социально-экономическое развитие страны. Можно сделать вывод о том, что научные исследования ведущих российских специалистов охватывают широкий спектр вопросов, связанных с сущностью миграции, ее ролью в социально-экономическом развитии, механизмами государственного регулирования миграционных процессов, что создает прочную теоретическую базу для разработки эффективной миграционной политики [3].

Анализ научной литературы, посвященной управлению государственной миграционной политикой в условиях евразийской интеграции, позволяет сделать вывод о том, что дискуссии в данной области характеризуются многоаспектностью и включают в себя три основных направления: правовое регулирование миграционных процессов, экономические аспекты миграции и социально-демографические вопросы. Каждое из них охватывает широкий перечень взаимосвязанных проблем. В рамках правового регулирования миграционных процессов исследователи фокусируются на анализе нормативно-правовой базы Евразийского экономического союза [4], изучении механизмов координации миграционной политики и вопросов признания документов об образовании и квалификации [5]. Экономическое

⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/a605996320180cd7015eadeb1564de9768fffadd (дата обращения: 10.04.2025); Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 г. № 961 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы» // ИПС «Эдилет» : [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵ Закон Республики Армения «О гражданстве Республики Армения» от 06.11.1995 г. // Парламент Республики Армения : [сайт]. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1731&lang=rus> (дата обращения: 10.04.2025); Закон Кыргызской Республики от 22 февраля 2023 г. № 36 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» // Кыргызская Республика. Министерство Юстиции : [сайт]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3295/edition/1237334/ru> (дата обращения: 10.04.2025).

направление исследований охватывает анализ влияния трудовой миграции на рынок труда [6], оценку экономических эффектов миграции и вклада мигрантов в экономическое развитие государств ЕАЭС [7]. Социально-демографическое направление включает изучение демографической безопасности, анализ миграционных трендов и проблем интеграции мигрантов [8–10].

Среди ведущих экспертов в данной сфере – В. Ю. Леденева, которая в своей работе [11] проводит сравнительный анализ миграционных политик стран-участниц ЕАЭС, выявляя общие черты и различия в подходах к управлению миграцией. Несомненный интерес представляет и научная статья Л. Ф. Деловаровой [12], анализирующая динамику миграционных процессов в странах Союза с акцентом на ситуацию в Казахстане, при этом основное внимание уделяется исследованию миграционных потоков, включая как внутреннюю, так и внешнюю миграцию. Автор выделяет факторы, влияющие на миграционные процессы: экономическая ситуация, социальные условия и правовые аспекты. На основе оценки статистических данных о миграции и различных аспектов регулирования миграционных процессов в ЕАЭС ученый поднимает проблемы, связанные с признанием квалификаций и социальных гарантий для трудящихся-мигрантов. Продолжая столь актуальную тему, Л. Ф. Деловарова и Н. Султанмуратов проводят анализ современных миграционных трендов в странах Центральной Азии в контексте интеграции в Евразийский экономический союз, в том числе направления миграционных потоков, структуру мигрантов по квалификации, особенности трудовой миграции, проблемы нелегальной миграции. Авторы отмечают необходимость гармонизации миграционного законодательства между странами-участницами ЕАЭС [13].

Уместно будет выделить и труды, рассматривающие существующие проблемы в исследуемой области, такие как недостаточная интеграция рынка труда, отсутствие координации в сфере миграционной политики, несогласованность в применении правовых норм и сложности с получением актуальной и детализированной статистики, требующие комплексного подхода к их решению. Например, И. А. Рыскулов, Н. Б. Ильязова и А. Б. Ильязова систематизируют внешнюю миграцию Кыргызской Республики в рамках ее участия в ЕАЭС, уделяя особое внимание влиянию евразийской интеграции на миграционную ситуацию в стране, а также экономическим и социальным аспектам миграции. В статье представлены проблемы, с которыми сталкиваются мигранты: доступ к жилью - из-за высоких цен на аренду и коммунальные услуги большинство вынуждено проживать в нелегальных условиях, часто нарушая нормы заселения и обращаясь к сомнительным агентствам для получения регистрации; отсутствие государственной поддержки строительства специализированного жилья для трудовых мигрантов и сопротивление местного населения; низкие зарплаты и риски для их правового положения в стране пребывания [14]. По мнению Е. В. Давыденко, важное значение приобретает исследование отраслевой структуры миграционных потоков, демонстрирующей неравномерное распределение трудовых ресурсов по секторам экономики, где доминирующую позицию занимает строительная сфера с долей в 23%, за которой последовательно следуют оптовая и розничная торговля (15%), транспортировка и хранение товаров (8%), обрабатывающая промышленность (5%) и сельское хозяйство (2%). В последние годы ключевым поставщиком высококвалифицированных

специалистов на рынке трудовой миграции ЕАЭС выступает Российская Федерация, статус которой изменился в начале 2022 г., когда наблюдался массовый отток квалифицированных специалистов преимущественно в направлении Казахстана и Армении. Такие трансформации, усугубляемые ухудшением социально-политической обстановки и усилением дискриминационных практик в отношении мигрантов в России, привели к кардинальному изменению вектора миграционных потоков в рамках Союза, приобретая характер встречной миграции [15].

Несмотря на активную исследовательскую деятельность в области миграционной политики, вопросы выработки единого подхода к управлению государственной миграционной политикой в условиях евразийской интеграции, регулирования миграционных процессов и формирования общего рынка труда, требуют дальнейшего углубленного изучения и разработки практических рекомендаций, поскольку существующие различия государств-партнеров создают определенные сложности в управлении миграционными потоками.

Результаты

Методологическую основу настоящей научной работы составляют системный подход к изучению миграции и миграционной политики, сравнительная оценка нормативно-правовой базы государств-членов ЕАЭС, статистический анализ миграционных процессов на основе данных Евразийской экономической комиссии и детальный обзор ее деятельности. В статье использованы данные Договора о Евразийском экономическом союзе, научная литература по теме исследования.

Единый рынок труда ЕАЭС, созданный для свободного перемещения рабочей силы между странами-участниками, функционирует на основе принципов равноправия и недискриминации, обеспечивая гражданам государств-членов возможность беспрепятственного трудоустройства в любой стране Союза. Важнейшей особенностью является то, что трудящиеся мигранты из стран ЕАЭС, въезжая на территорию государства трудоустройства, получают право находиться там без регистрации в течение первых 30 дней⁶, что предоставляет им достаточно времени для активного поиска подходящей работы и детального ознакомления с условиями на рынке труда.

После истечения первоначального периода, если трудовой договор так и не был заключен, законодательство дает дополнительные 60 дней для завершения процесса трудоустройства и оформления всех необходимых документов. В совокупности это составляет целых 90 дней для поиска работы, тем самым создаются комфортные условия для осуществления трудовой миграции и минимизации стрессовых ситуаций. В случае если трудовой договор по каким-либо причинам расторгнут по истечении 90-дневного срока, законодательство предусматривает дополнительные 15 дней на поиск нового места работы, что позволяет мигрантам избежать правовой неопределенности и обеспечивает им необходимую социальную защиту в переходный период.

⁶ Ст. 97. Трудовая деятельность трудящихся государств-членов // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.04.2025).

Система социального страхования мигрантов из стран Евразийского экономического союза осуществляется в полном объеме, т.е. размере, аналогичном для граждан принимающего государства, что гарантирует им доступ к медицинским и социальным услугам, а также защиту в случае временной нетрудоспособности или выхода на пенсию, тем самым способствуя успешной интеграции мигрантов в новое общество⁷. Документы об образовании и ученых степенях, полученные в одной из стран ЕАЭС, признаются во всех государствах-членах Союза, что существенно упрощает процесс профессиональной адаптации мигрантов и расширяет их возможности для карьерного роста, одновременно повышая качество трудовых ресурсов в регионе.

Доходы мигрантов облагаются налогом по той же ставке, что и для граждан государства трудоустройства, что исключает двойное налогообложение и создает равные условия для всех работников, способствуя формированию справедливой и прозрачной системы налогообложения в рамках ЕАЭС⁸. Граждане стран Евразийского экономического союза имеют право вступать в профсоюзы на равных основаниях с гражданами принимающей страны, что обеспечивает им необходимую защиту и поддержку на рабочем месте, а также способствует улучшению условий труда и повышению социальной защищенности трудящихся мигрантов.

Особое внимание в текущей миграционной политике уделяется развитию механизмов информационного взаимодействия между уполномоченными органами государств-членов⁹. Такие меры позволяют противодействовать нелегальной миграции и обеспечивать надлежащий контроль за соблюдением прав трудящихся, одновременно создавая условия для их успешной интеграции в принимающее общество. Немаловажным является функционирование системы социальной защиты трудящихся-мигрантов и членов их семей на основе единых подходов к предоставлению социальных гарантий и медицинского страхования, способствующих повышению привлекательности рынка труда ЕАЭС для квалифицированных специалистов. Проведенный нами анализ показал, что единый рынок труда ЕАЭС представляет собой систему свободного перемещения рабочей силы между странами-участницами Союза, основанную на принципах равноправия и недискриминации, его основные характеристики представлены в таблице 1.

За последние годы государства-члены Евразийского экономического союза продемонстрировали более устойчивую динамику международной миграции (рис. 1–2). К общим тенденциям можно отнести влияние пандемии COVID-19, которое проявилось в снижении миграционных потоков в 2020 году, после чего начался постепенный восстановительный рост. Большинство стран ЕАЭС показывали положительный миграционный прирост в 2022–2023 гг., за исключением

⁷ Ст. 96. Сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/5cf60bd176bf919303a57de094fae3ae9d6f3711/ (дата обращения: 10.04.2025).

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.04.2025).

⁹ О порядке информационного взаимодействия между уполномоченными операторами (органами) государств-членов Евразийского экономического союза и сведениях, которыми они обмениваются // Евразийский экономический союз : [сайт]. URL: <https://regulation.eacunion.org/pd/1887/> (дата обращения: 10.04.2025).

Казахстана, где этот показатель оставался отрицательным вплоть до 2023 г. Несмотря на глобальные вызовы, миграционные связи между странами Союза оставались устойчивыми, в то же время сохранялась относительная стабильность пропорций между государствами-участниками.

Таблица 1

Основные характеристики единого рынка труда ЕАЭС

Table 1

Main characteristics of the EAEU single labor market

Характеристика	Мероприятия
Правовой статус	– разработка закона о дистанционной занятости; – создание единой базы нормативных правовых актов в сфере труда; – внедрение системы электронного документооборота трудовых отношений; – разработка единых критериев классификации рабочих мест.
Механизмы функционирования	– запуск цифрового реестра профессиональных сертификатов; – внедрение системы онлайн-тестирования компетенций; – создание мобильных приложений для подтверждения квалификации; – разработка единых требований к оценке профессиональных навыков.
Особенности функционирования	– создание единой цифровой платформы пенсионного учета; – внедрение электронных пенсионных свидетельств; – разработка системы автоматического перерасчета пенсий; – создание единого пенсионного идентификатора.
Экономические эффекты	– запуск системы биометрической идентификации; – внедрение электронных миграционных карт; – создание единой базы данных мигрантов; – разработка мобильного приложения для миграционного учета.
Существующие проблемы	– создание онлайн-платформы для разрешения трудовых споров; – внедрение системы электронного трудового надзора; – разработка мобильного приложения для защиты прав работников; – создание единой базы работодателей с репутацией.
Вызовы	– запуск цифровой платформы для поиска специалистов; – создание системы онлайн-рекрутинга; – внедрение электронных трудовых книжек; – разработка системы оценки эффективности трудоустройства.

Источник: составлено автором

При рассмотрении различий по странам становится очевидным, что Армения продемонстрировала резкий рост числа прибывших в 2022 г., который составил более 418% по сравнению с предыдущими показателями, однако в 2023 г. наблюдалось снижение. Беларусь отличалась стабильными показателями с небольшими колебаниями и постепенным ростом прибывших с 2022 г. Казахстан показал значительное снижение числа выбывших граждан с 2018 по 2023 гг., при этом число прибывших начало расти с 2020 г., что привело к переходу от отрицательного к положительному миграционному приросту в 2023 г. Кыргызстан характеризовался резким ростом прибывших в 2021 г., который составил почти 1 935%, и стабильным положительным миграционным приростом с 2022 г. Россия демонстрировала значительные колебания как в числе прибывших из других государств ЕАЭС, так и в числе выбывших в эти страны, что отражалось на нестабильном характере миграционного прироста, который был отрицательным в 2022 г. и стал положительным в 2023 г. (рис. 2).

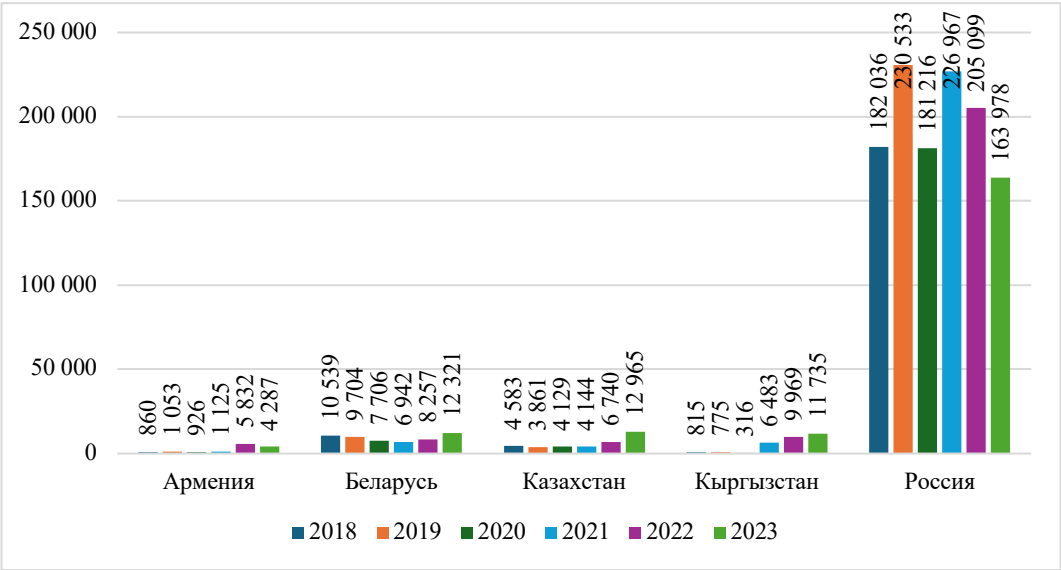

Рис. 1. Количество мигрантов, прибывших в страну из ЕАЭС (человек)

Fig. 1. Number of migrants arriving in the country from the EAEU (people)

Источник: составлено автором по данным ЕЭК¹⁰

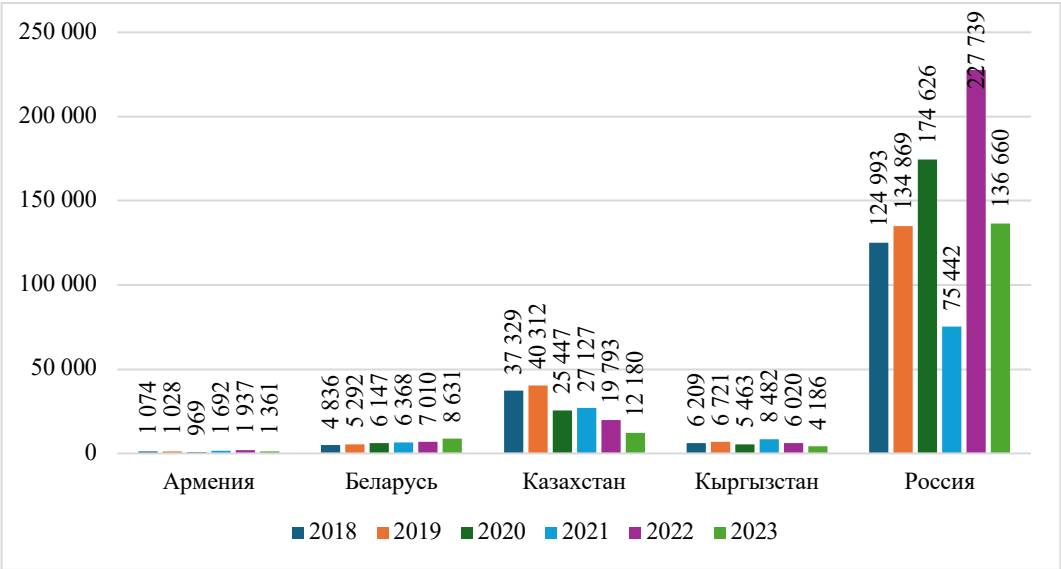

Рис. 2. Количество мигрантов, выбывших в страну из ЕАЭС (человек)

Fig. 2. Number of migrants leaving the country from the EAEU (people)

Источник: составлено автором по данным ЕЭК¹¹

¹⁰ Показатели международной миграции // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/population/series/ (дата обращения: 10.04.2025).

¹¹ Там же.

Анализ структуры миграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза демонстрирует устойчивые тенденции в распределении основных стран-доноров рабочей силы (рис. 3). Ключевым поставщиком трудовых ресурсов является Киргизия, которая занимает доминирующее положение среди государств-членов Союза, при этом заметную роль в формировании миграционных потоков играет также Армения.

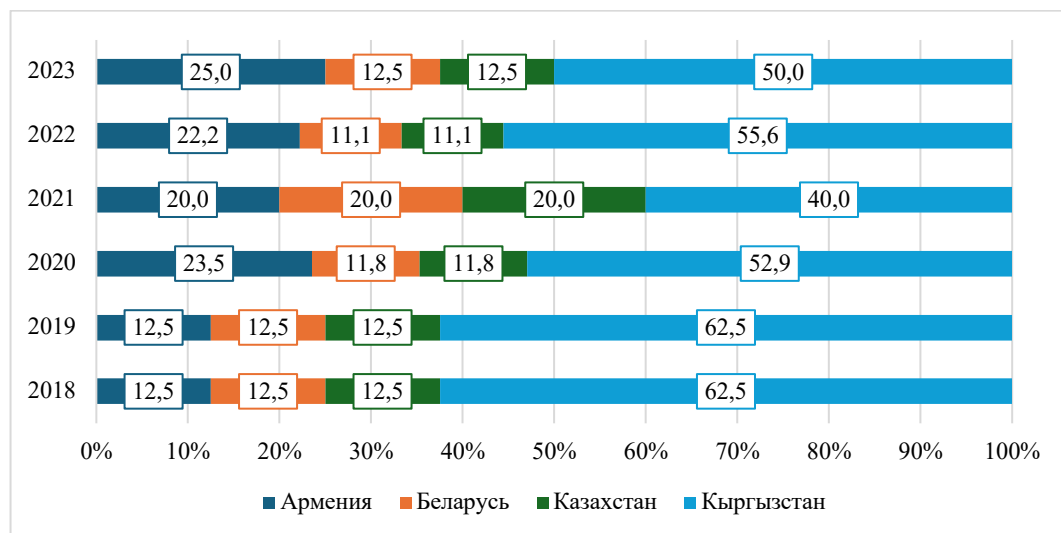

Рис. 3. Мигранты, прибывающие в Россию из ЕАЭС, по странам выезда (%)

Fig. 3. Migrants arriving in Russia from the EAEU by countries of origin (%)

Источник: составлено автором по данным ЕЭК¹²

Исследование отраслевой принадлежности мигрантов, проведенное С. А. Балашовой, В. М. Матюшковым и В. А. Долгих, выявляет явную концентрацию в определенных сферах экономической деятельности [10]. Более четверти всех трудовых мигрантов занято в строительной отрасли, где они выполняют преимущественно низкоквалифицированные работы, в то время как около 15% вовлечены в сферу оптовой и розничной торговли, что обусловлено относительно низкими барьерами входа в эти сектора и возможностью быстрой адаптации без специальных навыков.

Экономическое влияние миграционных процессов в рамках ЕАЭС характеризуется многогранным воздействием на национальные экономики стран-участниц. Что наиболее ярко проявляется в значительном объеме денежных переводов мигрантов, которые формируют существенный приток иностранной валюты в страны исхода и могут достигать впечатляющих показателей. В 2024 г. общий объем денежных переводов от трудовых мигрантов из России составил: в Армению –

¹² Показатели международной миграции // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/population/series/ (дата обращения: 10.04.2025).

3,2 млрд долл. США, в Киргизию – 2,6 млрд, в Казахстан – 0,1 млрд¹³. В случае Киргизии эти переводы составляют более четверти валового внутреннего продукта, что делает их критически важным фактором поддержания макроэкономической стабильности.

Важный аспект экономического влияния миграции – ее роль в обеспечении функционирования национальных рынков труда, позволяющая поддерживать работоспособность целого ряда отраслей, включая строительство, сельское хозяйство и сферу услуг, которые играют весомую роль в экономическом развитии стран ЕАЭС. Кроме того, миграционные процессы способствуют интенсификации экономических связей между странами-участницами Союза. Это проявляется не только в развитии торговых отношений и расширении рынков сбыта, но и в передаче технологий, знаний и опыта между государствами. Мигранты, возвращаясь на родину, часто создают собственные предприятия или становятся связующим звеном между бизнесом разных стран, что способствует развитию трансграничных экономических проектов и усилению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза.

Однако в настоящее время миграционная политика России в контексте взаимодействия с государствами-членами ЕАЭС сталкивается с совокупностью проблем и вызовов. В первую очередь, стоит выделить существенное противоречие между необходимостью обеспечения национальной безопасности и обязательствами в рамках ЕАЭС по свободному передвижению рабочей силы. Это особенно актуально в связи с ужесточением миграционной политики Российской Федерации¹⁴, которое может создать определенные преграды для трудовой мобильности граждан стран-членов Союза. Согласно аналитическим отчетам Центра правовой защиты и социально-культурной адаптации мигрантов РОСМИГРАНТ, важным аспектом является то, что регионы России, активно использующие иностранную рабочую силу, могут столкнуться с дефицитом квалифицированных кадров в ключевых отраслях экономики, таких как строительство, сфера услуг и другие, что создает дополнительную нагрузку на единый рынок труда ЕАЭС¹⁵.

Серьезной проблемой выступает необходимость гармонизации трудового и миграционного законодательства государств-членов Евразийского экономического союза – существует потребность в создании единых стандартов и правовых гарантий для мигрантов в рамках Союза. Следует отметить и отсутствие на данный момент эффективных механизмов контроля за соблюдением миграционного законодательства, что подтверждается ужесточением миграционной политики и контроля. В условиях повышения требований к иностранным работникам возникает

¹³ Киргызстан — единственная страна Центральной Азии, куда денежные переводы из РФ выросли // Eurasia Today : [сайт]. 27.03.2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/kyrgyzstan-edinstvennaya-strana-tsentralnoj-azii-kuda-denezhnye-perevody-iz-rf-vyrosli/> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁴ Ужесточение миграционной политики: ТОП-10 изменений для иностранных граждан в РФ в 2025 году // Новости Б1 : [сайт]. URL: <https://b1.ru/insights/pas-messenger/migration-policy-7-february-2025/> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁵ Трудовая миграция в России: найм иностранных работников, актуальная статистика и тренды // Центр правовой защиты и социально-культурной адаптации мигрантов Росмигрант : [сайт]. URL: <https://rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/trudovaya-migratsiya-v-rossii-naym-inostrannykh-rabotnikov-aktualnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 18.04.2025).

потребность в создании цифровых систем мониторинга и отчетности для отслеживания соблюдения миграционных норм.

На основе проведенного исследования были разработаны направления совершенствования управления миграционной политикой ЕАЭС с применением цифровых решений и технологий (табл. 2).

Таблица 2

Направления совершенствования управления миграционной политикой ЕАЭС

Table 2

Directions for improving the management of the EAEU migration policy

Вызовы и проблемы	Мероприятие	На что направлено
Отсутствие регулирования дистанционной работы	Разработка закона о дистанционной занятости	Установление правовых основ для дистанционной занятости
Сложность поиска актуальных норм трудового права	Создание единой базы нормативных правовых актов	Централизация и упрощение доступа к трудовому законодательству
Бумажный документооборот в трудовых отношениях	Внедрение системы электронного документооборота	Оптимизация процессов оформления документов
Различия в классификации рабочих мест	Разработка единых критериев классификации	Стандартизация подходов к оценке рабочих мест
Несогласованность систем подтверждения квалификации	Запуск цифрового реестра профессиональных сертификатов	Создание единой базы профессиональных сертификатов
Отсутствие единой системы оценки компетенций	Внедрение системы онлайн-тестирования	Стандартизация оценки профессиональных навыков
Сложность подтверждения квалификации	Создание мобильных приложений	Упрощение процесса подтверждения квалификации
Различия в оценке профессиональных навыков	Разработка единых требований	Стандартизация критериев оценки компетенций
Сложность учета пенсионных прав	Создание единой цифровой платформы	Централизация данных о пенсионных правах
Отсутствие единого формата пенсионных документов	Внедрение электронных пенсионных свидетельств	Стандартизация пенсионных документов
Сложность перерасчета пенсий	Разработка системы автоматического перерасчета	Автоматизация процессов перерасчета
Отсутствие единого идентификатора	Создание единого пенсионного идентификатора	Упрощение учета пенсионных прав
Сложность идентификации мигрантов	Запуск системы биометрической идентификации	Повышение точности учета мигрантов
Бумажные миграционные документы	Внедрение электронных миграционных карт	Оптимизация миграционного документооборота
Отсутствие единой базы данных	Создание единой базы данных мигрантов	Централизация информации о мигрантах
Сложность миграционного учета	Разработка мобильного приложения	Упрощение процессов миграционного учета
Сложность разрешения трудовых споров	Создание онлайн-платформы	Оптимизация процесса разрешения споров
Отсутствие электронного надзора	Внедрение системы электронного надзора	Повышение эффективности контроля
Сложность защиты прав работников	Разработка мобильного приложения	Упрощение доступа к защите прав
Отсутствие репутации работодателей	Создание единой базы	Повышение прозрачности рынка труда
Сложность поиска специалистов	Запуск цифровой платформы	Оптимизация процессов поиска работы
Отсутствие онлайн-рекрутинга	Создание системы онлайн-рекрутинга	Модернизация процессов найма
Бумажные трудовые книжки	Внедрение электронных трудовых книжек	Оптимизация учета трудового стажа

Продолжение таблицы 2

Вызовы и проблемы	Мероприятие	На что направлено
Отсутствие оценки эффективности	Разработка системы оценки	Повышение эффективности трудоустройства
Разрозненность социальных гарантий	Создание единой базы	Централизация информации о гарантиях
Бумажные социальные документы	Внедрение электронных социальных карт	Оптимизация документооборота
Отсутствие единого профиля	Создание цифрового профиля	Централизация социальной информации

Источник: составлено автором

По мнению автора данной статьи, для решения выявленных проблем управления миграцией в рамках ЕАЭС необходима комплексная модернизация существующих механизмов, которая будет учитывать особенности цифровой экономики и международный опыт. На первом этапе целесообразно провести гармонизацию трудового законодательства, требующую разработки закона о дистанционной занятости и создания единой базы нормативных правовых актов, чтобы унифицировать подходы к регулированию трудовых отношений между государствами-членами. Важным этапом может стать расширение системы электронного документооборота в сфере трудовых отношений между странами, которая будет интегрирована с разрабатываемой единой базой данных мигрантов, содержащей биометрическую информацию и цифровые миграционные карты.

Создание единой автоматизированной системы признания квалификаций предполагает запуск цифрового реестра профессиональных сертификатов, который должен быть взаимосвязан с системой онлайн-тестирования компетенций и мобильными приложениями для подтверждения квалификации. В сфере пенсионного обеспечения необходимо внедрить цифровую платформу пенсионного учета, обеспечивающую автоматический перерасчет пенсий и функционирующую посредством единого пенсионного идентификатора, что позволит упростить процедуру получения пенсионных прав для трудящихся-мигрантов. Совершенствование механизмов защиты прав трудящихся должно осуществляться через создание онлайн-платформы для разрешения трудовых споров, которая будет интегрирована с системой цифрового трудового надзора и базой данных работодателей с их репутационными характеристиками.

Расширение единого рынка труда потребует запуска цифровой платформы для поиска специалистов, которая будет взаимодействовать с системой онлайн-рекрутинга и электронными трудовыми книжками для более эффективного и сбалансированного трудоустройства и профессиональной мобильности. Интеграция социальных процессов в миграционной сфере должна осуществляться за счет создания единой базы социальных гарантий, функционирующей через цифровые социальные карты и систему автоматического начисления пособий. Разработку и внедрение единых стандартов занятости целесообразно реализовать на основе разработки цифровых регламентов условий труда, связанных с системой онлайн-мониторинга рабочего времени и базой требований к рабочим местам. Развитие механизмов профессиональной мобильности должно включать внедрение цифровой платформы для обмена профессиональным опытом, функционирующей вместе

с системой онлайн-стажировок и программой цифрового наставничества для повышения квалификации работников. Полагаем, что внедрение единой цифровой платформы, обеспечивающей оперативный обмен данными и мониторинг миграционных процессов между государствами-членами ЕАЭС, станет основой дальнейшей координации миграционной политики.

Обсуждение

Анализ статистических данных и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что среди ключевых вызовов для России, связанных с миграцией в рамках ЕАЭС, можно выделить несколько немаловажных.

Во-первых, существует проблема встречной миграции и несбалансированности квалификации мигрантов потребностям российского рынка труда.

Во-вторых, наблюдается значительное давление на социальную инфраструктуру регионов-реципиентов. Массовый приток мигрантов создает дополнительную нагрузку на системы здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства.

В-третьих, недостаточная правовая защищенность как самих мигрантов, так и работодателей формирует многочисленные нарушения трудовых прав, неуплату налогов и социальных взносов, что негативно сказывается на функционировании всей системы социального обеспечения.

В-четвертых, имеется проблема неравномерного распределения миграционных потоков по территории РФ. Большинство мигрантов концентрируются в крупных городах и экономически развитых регионах, что усиливает диспропорции в развитии различных территорий страны.

В-пятых, важной является необходимость совершенствования системы миграционного учета и контроля. Существующая система не всегда эффективно справляется с задачей мониторинга миграционных потоков, что создает риски для национальной безопасности и общественного порядка.

В ходе работы над статьей были выявлены ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов и планировании дальнейших исследований. Прежде всего, следует отметить, что временной фактор, охватывающий ограниченный период времени, не позволяет делать долгосрочные прогнозы развития миграционной политики в условиях евразийской интеграции, что создает определенные сложности при оценке тенденций и закономерностей. Методологические ограничения, связанные с преимущественным использованием количественных методов анализа, не дают возможности в полной мере оценить качественные аспекты миграционных процессов и их влияния на интеграционные процессы. Кроме того, информационная база исследования, характеризующаяся ограниченным доступом к статистическим данным о внутренних миграционных потоках между странами ЕАЭС, создает значительные трудности при оценке эффективности миграционной политики и требует дополнительных источников информации.

Для расширения понимания миграционных процессов в контексте евразийской интеграции нужно провести долгосрочный мониторинг миграционных процессов, который позволит выявить устойчивые тенденции и закономерности

развития миграционной политики. Междисциплинарный подход, предполагающий привлечение специалистов в области социологии, экономики и политологии, создаст основу для более глубокого понимания миграционных процессов и их влияния на интеграционные процессы. Сравнительный анализ миграционной политики ЕАЭС с опытом других интеграционных объединений, таких как ЕС и АСЕАН, даст возможность выявить как общие закономерности, так и специфические особенности миграционных процессов в евразийском регионе, что существенно обогатит теоретическую базу исследования.

Результаты проведенного анализа подтверждают выводы других авторов о том, что синхронизация миграционной политики в странах Евразийского экономического союза является важным фактором успешной интеграции, свобода передвижения трудовых ресурсов способствует экономическому развитию стран-участниц, а необходимость гармонизации законодательства в миграционной сфере остается актуальной. Вместе с тем исследование вносит ряд новых аспектов в понимание миграционной политики, включая выявление специфических особенностей миграционных процессов в условиях евразийской интеграции, определение ключевых барьеров на пути свободного передвижения трудовых ресурсов и предложение конкретных механизмов совершенствования миграционной политики. Эти результаты дополняют имеющиеся научные работы, а также создают основу для дальнейших исследований в сфере управления миграционными процессами в условиях региональной интеграции, открывая новые перспективы для развития данной научной области.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что на современном этапе управление миграционной политикой становится все более важным элементом государственной политики России. При этом в системе управления миграцией существуют серьезные проблемы, которые затрудняют эффективное функционирование евразийского интеграционного проекта. Мало того, сложились ограничения, характеризующиеся несбалансированностью миграционных потоков, региональной дифференциацией этих процессов.

Для преодоления существующих трудностей в статье предложен комплекс мероприятий для повышения эффективности механизмов регулирования в миграционной сфере. Важным шагом представляется создание единой системы иммиграционного контроля и разработка международного договора о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов, что значительно улучшит социальную защищенность перемещающихся граждан. Установлено отсутствие единой системы учета трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, что затрудняет понимание реальной миграционной ситуации и структуры миграционных потоков.

Для решения выявленных проблем требуется внедрение современных цифровых решений и технологий, включая создание интегрированной автоматизированной информационной системы о миграционных перемещениях и формирование единой базы данных регистрационного учета иностранных граждан. В заключение следует отметить, что эффективное управление миграционной политикой в условиях евразийской интеграции должно включать как совершенствование

нормативного регулирования, так и создание современных цифровых экосистем, обеспечивающих достоверный учет и контроль миграционных процессов на евразийском пространстве.

Список литературы

1. Хорева, Л. В. Кадровая уязвимость российского рынка труда в промышленности и в сфере услуг / Л. В. Хорева, И. В. Калашникова, М. А. Сигитова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 4 (148). С. 60–70. EDN [FQYTSF](#).
2. Подвойский, Г. Л. Дефицит работников в новых условиях развития национальной экономики / Г. Л. Подвойский, В. А. Прокудин // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2 (55). С. 41–53. DOI [10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53](#). EDN [HVOORO](#).
3. Сысоева, Р. В. Развитие ЕАЭС через призму теории региональной интеграции // Современная Европа. 2023. № 6 (120). С. 142–153. DOI [10.31857/S0201708323060128](#). EDN [XXUSXO](#).
4. Гришанова, А. Г. Трансформация миграционной политики в координатах Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 6. С. 67–77. DOI [10.26653/2076-4685-2020-6-05](#). EDN [TLINKB](#).
5. Осадчая, Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. Москва: Издательство «Экон-Информ», 2021. 346 с. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](#). EDN [FJASSX](#).
6. Шкиотов, С. В. Исследование спилловер-эффектов трудовой миграции на пространстве ЕАЭС / С. В. Шкиотов, М. А. Майорова, М. И. Маркин // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 1 (111). С. 17–24. DOI [10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458](#). EDN [LKZTTW](#).
7. Ткаченко, А. А. Миграционная политика стран постсоветского пространства: метаморфозы и результаты // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1 (10). С. 38–54. DOI [10.31249/snsn/2023.01.03](#). EDN [CEIXGC](#).
8. Безвербный, В. А. Геополитические аспекты демографических процессов: развитие научных идей Л. Л. Рыбаковского // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 199–208. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.13](#). EDN [SFAEQU](#).
9. Аржаев, Ф. И. Вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России на современном этапе / Ф. И. Аржаев, В. Ю. Андрухин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 176–201. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2397](#). EDN [VCONAW](#).
10. Балашова, С. А. Экономическое неравенство в странах ЕАЭС: фактор миграции / С. А. Балашова, В. М. Матюшок, В. А. Долгих // Региональная экономика и управление. 2023. № 4 (76). Ст. 35. DOI [10.24412/1999-2645-2023-476-35](#). EDN [QEDVBP](#).
11. Леденева, В. Ю. Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 154–166. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](#). EDN [ULAOFW](#).
12. Деловарова, Л. Ф. Динамика миграционных процессов в рамках ЕАЭС: взгляд из Казахстана // International Relations and International Law Journal. 2015. № 72 (4). Ст. 18.
13. Деловарова, Л. Ф. Миграция в странах Центральной Азии в контексте интеграции в ЕАЭС и новых международных реалий / Л. Ф. Деловарова, Н. Султанмуратов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](#). EDN [OEFKFC](#).
14. Рыскулов, И. А. Внешняя миграция Кыргызской Республики в условиях ЕАЭС / И. А. Рыскулов, Н. Б. Ильязова, А. Б. Ильязова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика. 2017. № 4 (210). С. 45–52. EDN [XPTWBV](#).
15. Давыденко, Е. В. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе: проблемы, вызовы и решения // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 1. С. 157–168. DOI [10.18334/eo.15.1.122449](#). EDN [KTMZPU](#).

Сведения об авторе

Иванов Марк Семенович, заместитель начальника курса, Центр подготовки полиции ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89261471954@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; принята в печать 09.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EVOLUTION OF MIGRATION POLICY IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Mark S. Ivanov

Police Training Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow, Moscow, Russia

E-mail: 89261471954@mail.ru

For citation: Ivanov, M. S. Evolution of Migration Policy in the countries of the Eurasian Economic Union. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10).

Abstract. The subject of the article is the system of management of state migration policy in the context of Eurasian integration. The topic of the work focuses on the analysis of the mechanisms for coordinating migration processes between the EAEU member states. The purpose of the study is to identify the features and problems of existing mechanisms for managing state migration policy of labor migration in the EAEU, and to develop recommendations for their improvement. The hypothesis of the study is that improving the efficiency of managing state migration policy in the context of Eurasian integration should be based on the formation of a single migration space and the active implementation of digital solutions. The methodological basis is a systems approach to the study of migration and migration policy, a comparative analysis of the regulatory framework of the EAEU member states, a statistical analysis of migration processes and an institutional analysis of the activities of the Eurasian Economic Commission. The work uses data from the Treaty on the EAEU, scientific literature on the topic of the study. As a result of the study, key mechanisms for regulating labor migration within the EAEU were identified, existing problems in migration processes and their regulation were determined, and proposals were developed to improve the system of information interaction between the authorized bodies of the member states. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in developing strategies for the development of migration policy in the context of Eurasian integration, directions for digitalization of tools and mechanisms for regulating migration processes to increase their effectiveness. Prospects for further research are seen in the analysis of the impact of digitalization on labor migration processes and the development of new approaches to assessing the effectiveness of migration policy in the context of Eurasian integration.

Keywords: migration processes, management mechanisms, digitalization, Eurasian integration, migrants, regulatory instruments

References

1. Khoreva, L. V., Kalashnikova, I. V., Sigitova, M. A. Personnel Vulnerability of the Russian Labor Market in Industry and Service Sector. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024. No. 4 (148). Pp. 60–70. (In Russ.).
2. Podvoisky, G. L., Prokudin, V. A. Labor Shortage in the New Conditions of National Economic Development. *Social & Labor Research*. 2024. No. 2 (55). Pp. 41–53. DOI [10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53). (In Russ.).
3. Sysoeva, R. V. Analysis of the Regional Integration Theory on the Example of the EAEU. *Contemporary Europe*. 2023. No. 6 (120). Pp. 142–153. DOI [10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53). (In Russ.).
4. Grishanova, A. G. Transformation of Migration Policy in the Coordinates of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period till 2025. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki [Scientific review. Series 2: Humanities]*. 2020. No. 6. Pp. 67–77. DOI [10.26653/2076-4685-2020-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-6-05). (In Russ.).
5. Osadchaya, G. I. *Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format*. Moscow : Econ-Inform Publ., 2021. 346 p. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021). (In Russ.).
6. Shkiotov, S. V., Mayorova, M. A., Markin, M. I. Case Study of Spillover Effects of Labor Migration in the EAEU. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya [Universum: Economics and Law]*. 2024. No. 1 (111). Pp. 17–24. DOI [10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458](https://doi.org/10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458). (In Russ.).
7. Tkachenko, A. A. Migration Policy of the Post-Soviet Countries: Metamorphoses and Results. *Social Novelties and Social Sciences*. 2023. No. 1 (10). Pp. 38–54. DOI [10.31249/snsn/2023.01.03](https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.03). (In Russ.).
8. Bezverbnnyy, V. A. Geopolitical Aspects of Demographic Processes: Development of Scientific Ideas of L. L. Rybakovsky. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 199–208. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.13). (In Russ.).

9. Arzhaev, F. I., Andryukhin, V. Yu. The Contribution of Migration Flows from the CIS Countries to the Economic Growth of Russia at the Present Stage. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 4 (176). Pp. 176–201. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2397](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2397). (In Russ.).

10. Balashova, S. A., Matyushok, V. M., Dolgikh, V. A. Economic Inequality in the EAEU Countries: Migration Factor. *Regional Economics and Management*. 2023. No. 4 (76). Article 35. DOI [10.24412/1999-2645-2023-476-35](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2023-476-35). (In Russ.).

11. Ledeneva, V. Yu. Migration Management in the Countries of the Eurasian Economic Union: A Comparative Analysis. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 154–166. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10). (In Russ.).

12. Delovarova, L. F. Dynamics of Migration Processes within the EAEU: A View from Kazakhstan. *International Relations and International Law Journal*. 2015. No. 72 (4). Article 18. (In Russ.).

13. Delovarova, L. F., Sultanmuratov, N. Migration in Central Asia Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5). (In Russ.).

14. Ryskulov, I. A., Ilyazova, N. B., Ilyazova, A. B. External Migration of the Kyrgyz Republic in the Conditions of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya: Ekonomika [Bulletin of Adyghe State University. Series: Economics]*. 2017. No. 4 (210). Pp. 45–52. (In Russ.).

15. Davydenko, E. V. Labor Migration in the Eurasian Economic Union: Problems, Challenges and Solutions. *Journal of International Economic Affairs*. 2025. Vol. 15, No. 1. Pp. 157–168. DOI [10.18334/eo.15.1.122449](https://doi.org/10.18334/eo.15.1.122449). (In Russ.).

Bio note

Mark S. Ivanov, Deputy Head of the Course, Police Training Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89261471954@mail.ru.

Received on 08.04.2025; accepted for publication on 09.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.11)EDN [YKIRAV](https://www.edn.ru/YKIRAV)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕЗИНФОРМИРОВАНИЮ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В РОССИИ

Государев Т. Л.*Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия**E-mail: gostaras@yandex.ru*

Для цитирования: Государев, Т. Л. Противодействие дезинформированию в области управления миграцией в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 174–197. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.11). EDN [YKIRAV](https://www.edn.ru/YKIRAV).

Аннотация. В условиях роста миграционных потоков и усиления информационных угроз дезинформация становится серьезным вызовом для общественной стабильности и правового порядка. Исследование фокусируется на выявлении правовых механизмов, направленных на борьбу с дезинформацией, и их эффективности в контексте миграционных процессов. Цель и гипотеза научной работы: определить ключевые правовые инструменты и стратегии противодействия дезинформации в миграционной сфере, а также предложить рекомендации по совершенствованию законодательства. Гипотеза исследования сводится к тому, что существующие правовые нормы недостаточно эффективны для противодействия дезинформации, что требует разработки новых подходов и усиления международного сотрудничества. Методы и исходные данные: в статье использованы методы анализа нормативно-правовых актов, контент-анализ СМИ и социальных сетей, сравнительный анализ правоприменительной практики в различных странах. В качестве исходных данных рассмотрены международные документы (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о статусе беженцев, Глобальный договор ООН о миграции), отечественное законодательство, регулирующее вопросы миграции и противодействия дезинформации. Результаты и научный вклад: в результате исследования выявлены основные проблемы в правовом регулировании противодействия дезинформации в миграционной сфере. Установлено, что дезинформация в этой области часто используется для манипуляции общественным мнением и провоцирования межэтнической напряженности. Научный вклад работы заключается в предложении конкретных мер по улучшению правового обеспечения, включая создание международных платформ для информирования мигрантов, гармонизацию законодательства и усиление контроля за распространением недостоверной информации. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства в области миграции и противодействия дезинформации, для разработки образовательных программ, направленных на повышение медиаграмотности населения. Предложенные меры могут быть применены как на национальном, так и на международном уровне для снижения масштабов дезинформации и укрепления межнационального диалога.

Ключевые слова: дезинформация, миграция, манипулирование общественным мнением, права граждан, экстремизм

Введение

В условиях глобализации и цифровизации миграционные процессы приобретают все большее значение для социально-экономического и политического развития государств. Миграция, будучи сложным и многогранным явлением, оказывает влияние на различные сферы общественной жизни, включая экономику, культуру, безопасность и межнациональные отношения. Однако наряду с позитивными аспектами миграции, такими как восполнение трудовых ресурсов и культурный обмен, возникают и серьезные вызовы, связанные с распространением дезинформации. Дезинформация в области миграции становится инструментом манипуляции общественным мнением, способствуя росту ксенофобии, экстремизма и межэтнической напряженности. В этой связи закономерным оказывается вопрос о правовом обеспечении противодействия дезинформации в миграционной сфере.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях цифровой эпохи информация распространяется с огромной скоростью, что делает дезинформацию мощным инструментом влияния на общественное сознание. Во-вторых, миграционные процессы часто становятся объектом политических манипуляций, что приводит к искажению восприятия мигрантов и миграционной политики. В-третьих, дезинформация в миграционной сфере может провоцировать социальные конфликты, угрожая стабильности и безопасности общества. В связи с чем необходимость разработки эффективных правовых механизмов противодействия дезинформации становится одной из ключевых задач современного государства.

Несмотря на наличие международных и национальных правовых актов, регулирующих вопросы миграции и противодействия дезинформации, их эффективность остается недостаточной. Существующие нормы зачастую не учитывают специфику миграционных процессов и не обеспечивают адекватного противодействия дезинформации, что приводит к росту межэтнической напряженности и экстремистских настроений. Вследствие этого возникает проблема разработки новых подходов к правовому обеспечению противодействия дезинформации в миграционной сфере.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе правовых механизмов противодействия дезинформации в миграционной сфере с учетом современных вызовов, таких как рост экстремистских настроений и манипуляция общественным мнением через социальные сети. В статье предложены конкретные меры по улучшению правового обеспечения, включая создание международных платформ для информирования мигрантов, гармонизацию законодательства и усиление контроля за распространением недостоверной информации. Кроме того, в исследовании впервые проведен сравнительный анализ правоприменительной практики в различных странах, что позволяет выявить оптимальные подходы к противодействию дезинформации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства в области миграции и противодействия дезинформации. Предложенные меры могут быть применены как на национальном, так и на международном уровне для снижения степени дезинформации и укрепления межнационального диалога. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для разработки образовательных программ, направленных на повышение медиаграмотности населения и формирование толерантного отношения к мигрантам, а также формирования уважительного отношения к законам и культуре местного населения со стороны мигрантов.

Обзор научной литературы

В научной литературе дезинформация в контексте миграционных процессов рассматривается как сложное явление, используемое для манипуляции общественным мнением и провоцирования межэтнической напряженности. Исследования в этой области охватывают широкий спектр подходов, начиная от анализа правовых механизмов противодействия дезинформации до изучения ее социальных и культурных последствий. Литература по теме дезинформации в миграционных

процессах достаточно обширна, но она фрагментирована по различным дисциплинам. В последние годы наблюдается рост интереса к данной теме, особенно в связи с увеличением миграционных потоков и усилением информационных угроз.

Стремительный рост количества литературы по теме дезинформации в миграционных процессах наблюдается с середины 2010-х гг., что связано с нарастанием миграционных потоков в Европе и интенсивностью использования социальных сетей как инструмента распространения дезинформации. В статье представлены как российские, так и иностранные источники. Отечественная литература в основном сосредоточена на правовых и социальных аспектах дезинформации, в то время как зарубежные исследования чаще затрагивают вопросы медиаграмотности, цифровых платформ и международного опыта противодействия дезинформации.

А. Ю. Пахомова и В. В. Макашова подчеркивают отсутствие единого определения дезинформации и ее роли как инструмента пропаганды. Так, Пахомова указывает на то, что дезинформация часто смешивается с такими понятиями, как мисинформация, фейковые новости и ложные сведения, что затрудняет ее юридическую квалификацию [1]. Макашова, в свою очередь, рассматривает дезинформацию как форму информационного оружия, используемого для изменения восприятия реальности [2].

П. В. Меньшиков и Д. Е. Воронина анализируют влияние массового притока мигрантов на информационный ландшафт, отмечая рост фейковых новостей в контексте миграционных кризисов [3]. Их исследования показывают, что дезинформация часто преследует цели разжигания межэтнической розни и формирования негативного образа мигрантов.

А. А. Смирнов акцентирует внимание на использовании дезинформации экстремистскими и террористическими группами [4]. Он утверждает, что искажение информации о мигрантах и миграционных процессах является одним из ключевых методов вербовки и пропаганды, используемых такими организациями.

Международный опыт, представленный в работах Ю. Сакач и Е. Богнар [5], а также П. Бутчера и А. Х. Нойдхарта [6], указывает на необходимость усиления контроля за цифровыми платформами и повышения медиаграмотности. Ю. Сакач и Е. Богнар выявляют влияние дезинформационных кампаний на мигрантов и меньшинства, отмечая, что такие кампании часто используются для манипуляции общественным мнением и провоцирования социальной напряженности. П. Бутчер и А. Нойдхарт, в свой черед, предлагают альтернативные нарративы для борьбы с дезинформацией, подчеркивая важность международного сотрудничества в этой области.

В. А. Волох связывает дезинформацию с социально-экономическими факторами, такими как конкуренция за ресурсы [7]. Он констатирует, что дезинформация в миграционной сфере зачастую используется для оправдания ужесточения миграционной политики и создания негативного образа мигрантов как угрозы для местного населения.

Упомянутые нами авторы являются признанными специалистами в своих областях. Например, Ю. Сакач и Е. Богнар – европейские исследователи, работы которых широко цитируются в контексте изучения дезинформации и ее влияния на

миграционные процессы; А. А. Смирнов – российский юрист, занимающийся вопросами противодействия экстремизму и терроризму.

Их исследования формируют основу для разработки стратегий противодействия дезинформации в миграционной сфере. Однако, как отмечают многие авторы, существующие правовые механизмы зачастую недостаточно эффективны для борьбы с этим явлением, что требует разработки новых подходов и усиления международного сотрудничества.

В целом научная литература по теме дезинформации в миграционных процессах демонстрирует междисциплинарный характер, объединяя правовые, социологические, политологические и медиаисследования. Что позволяет комплексно подойти к проблеме и предложить меры, направленные на снижение уровня дезинформации и укрепление межнационального диалога.

Методология и методы исследования

Методологическую основу нашего исследования составляют системный и междисциплинарный подходы, позволяющие комплексно рассмотреть дезинформацию в контексте миграционных процессов. Системный подход анализирует дезинформацию как социальное явление, взаимодействующее с правовыми, политическими и культурными аспектами миграции, а междисциплинарный подход интегрирует знания из областей права, социологии, политологии и медиаисследований.

В работе использованы следующие методы:

1. *Анализ нормативно-правовых актов*: изучение международных и национальных документов, регулирующих миграцию и противодействие дезинформации, включая Всеобщую декларацию прав человека, Конвенцию о статусе беженцев и Глобальный договор ООН о миграции. Сравнительный анализ правовых норм различных стран выявляет лучшие практики и пробелы в регулировании.

2. *Контент-анализ СМИ и социальных сетей*: исследование публикаций для выявления дезинформации о мигрантах с использованием инструментов анализа тональности и визуализации данных. Это позволяет определить частоту и характер упоминаний мигрантов в контексте негативных стереотипов и фейковых новостей.

3. *Сравнительный анализ*: сопоставление подходов к противодействию дезинформации в России, ЕС и США, что помогает выявить общие тенденции и специфические особенности в правовом регулировании.

4. *Статистический анализ*: изучение динамики запросов в поисковых системах (например, Яндекс.Вордстат) для выявления корреляции между миграционными событиями и ростом интереса к теме мигрантов. Анализ статистики публикаций в СМИ и социальных сетях позволяет установить связь между дезинформацией и негативным общественным мнением.

Новизна методологии исследования заключается в комплексном подходе, сочетающем анализ нормативно-правовых актов, контент-анализ СМИ и социальных сетей, сравнительный и статистический анализ. Такой подход позволяет не только выявить пробелы в правовом регулировании, но и предложить конкретные меры по улучшению противодействия дезинформации в миграционной сфере.

Понятие дезинформации в области миграционных процессов

В российском законодательстве отсутствует четко закрепленное понятие дезинформации. При этом, как утверждает А. Ю. Пахомова, существующие понятия данного явления могут иметь некоторые различия [1, с. 1–2]. Как правило, под дезинформацией понимают распространение ложной или вводящей в заблуждение информации с целью манипуляции мнением человека или общественных групп. Дезинформация – это сложное общественное явление, которое может иметь сходства или быть формой других явлений, таких как мисинформация, фейк, ложная новость, границы между которыми весьма размыты [1, с. 3]. Ю. Сакач и Е. Богнар предлагают разделять понятия дезинформации и мисинформации по признаку наличия умысла на введение в заблуждение [5, с. 3]. Кроме того, П. Бутчер и А. Х. Нойдхарт под дезинформацией предлагают определять сведения, преднамеренно распространяемые в целях причинения общественного вреда или получения прибыли [6, с. 4]. В. В. Макашова, рассматривая дезинформацию в качестве инструмента пропаганды и вида информационного оружия, обращает внимание на наличие цели распространения дезинформации в виде изменения восприятия информации [2, с. 18]. Е. А. Самошкин, анализируя определение Оксфордского словаря, указывает на отсылку к наличию умысла на введение в заблуждение в определении дезинформации [8, с. 178], а неосознанное допущение ошибок в публикациях рассматривается в качестве мисинформация [8, с. 180]. Стоит заметить, что определение Оксфордского расширенного американского словаря содержит прямую отсылку на намеренность распространения ложной информации¹, в то время как Оксфордский словарь для продвинутых учащихся определяет дезинформацию как заведомо ложную информацию², без прямого указания на ее распространение и наличие умысла в этих действиях.

В качестве недостатка такого подхода можно выделить отсутствие четкой границы между данными понятиями и сложностью определения умысла. Так, например, большое лунное надувательство, результатом которого стало введение в заблуждение значительного числа жителей Нью-Йорка³, не имело прямого умысла на причинение вреда, но формировало недостоверное представление американцев о наличии обитателей на естественном спутнике Земли. При существующих подходах определения дезинформации и мисинформации будет сложно отнести к какой-то одной категории.

В связи с упомянутым выше с целью установления юридической ответственности за дезинформацию и дезинформирование считаем целесообразным ввести данные понятия в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Причем следует

¹ Definition of disinformation noun from the Oxford Advanced American Dictionary // Oxford Learner's Dictionaries : [site]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (accessed on 27.10.2024).

² Definition of disinformation noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary // Oxford Learner's Dictionaries : [site]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/disinformation> (accessed on 27.10.2024).

³ Большое лунное надувательство // Дилетант : [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/33851220/> (дата обращения: 27.10.2024).

законодательно закрепить положение о том, что дезинформация – это любые сведения частично или полностью не соответствующие действительности, а также способные послужить достаточным основанием для формирования представления о событиях и фактах, не соответствующих действительности. Под достаточными основаниями следует подразумевать сведения, в том числе достоверные, не позволяющие сформулировать правильный вывод без наличия специальных познаний. При этом имеет смысл перечень информации, распространяемой с нарушением закона, определенный в ч. 1 ст. 15.3 вышеуказанного Федерального закона, оставить без изменений. Предложенная формулировка позволит отнести к категории дезинформации не только широкий круг ложных сведений, но и неполные сведения, способствующие формированию ошибочных представлений. Такая формулировка понятия дезинформации не исключает установления юридической ответственности

за отдельные ее формы, и в тоже время позволяет выделить его из понятия информации в качестве отдельной категории, что может быть применимо в случаях использования неполной информации в качестве приема оперативно-розыскной деятельности при отсутствии злонамеренности в ее распространении. В таком определении мисинформация будет являться формой дезинформации, а ответственность за ее распространение должна определяться в первую очередь общественной опасностью возможных или наступивших последствий, а не умыслом, наличие которого зачастую доказать на практике бывает весьма проблематично. Кроме того, такое определение и возможность привлечения к ответственности представителей медиасообщества вынудит их осуществлять более тщательную проверку фактов.

Итак, дезинформирование стоит определить в качестве деятельности, направленной на создание и распространение дезинформации. Из такого понимания можно дать следующие формулировки:

1. *Субъект противодействия дезинформированию* – это лицо или организация, обладающие правами, обязанностями и компетенцией для реализации мер, направленных на выявление, предотвращение и нейтрализацию дезинформации. Это могут быть государственные органы, медийные компании, общественные организации, исследовательские группы или частные лица.

2. *Объект противодействия дезинформированию* – это информация, действия, явления или процессы, которые связаны с созданием, распространением или восприятием ложной или вводящей в заблуждение информации, оказывающей негативное влияние на общество, отдельные группы или индивидов.

3. *Субъективная сторона противодействия дезинформированию* – это мотивация, цели и намерения субъекта противодействия, направленные на обеспечение достоверности информации, защиту общественного сознания и предотвращение негативных последствий дезинформации. Сюда также относятся оценка рисков и принятие решений, основанных на моральных и этических принципах.

4. *Объективная сторона противодействия дезинформированию* – это совокупность конкретных действий, методов и инструментов, которые применяются субъектом для анализа, обнаружения, предотвращения и нейтрализации дезинформации. Она включает технологии мониторинга и анализа данных, разработку

нормативных актов, проведение просветительской работы и реализацию технических решений.

В качестве объекта исследования дезинформирование в миграционной среде обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать для более глубокого понимания проблемы и разработки эффективных мер противодействия. К числу таких особенностей можно отнести:

1. *Многообразие форм дезинформации.* Дезинформация в миграционной среде может принимать различные формы, что усложняет ее идентификацию и противодействие. Основные формы включают:

1) ложные сведения о миграционных процедурах: недостоверная информация о правилах въезда, оформления документов, получения виз или статуса беженца может вводить мигрантов в заблуждение, создавая дополнительные трудности для их интеграции;

2) стереотипы и предвзятые мнения: распространение негативных стереотипов о мигрантах (например, о их криминальной активности или нежелании интегрироваться) формирует предвзятое отношение со стороны принимающего общества;

3) фейковые новости: заведомо ложные сообщения о мигрантах, их деятельности или влиянии на общество часто используются для манипуляции общественным мнением;

4) политическая пропаганда: дезинформация может использоваться в политических целях для создания негативного образа мигрантов и оправдания ужесточения миграционной политики.

2. *Субъекты и объекты дезинформирования.* Дезинформация в миграционной среде затрагивает различные группы субъектов и объектов.

Субъекты дезинформирования:

1) государственные и негосударственные акторы, заинтересованные в манипуляции общественным мнением;

2) экстремистские и террористические организации, использующие дезинформацию для разжигания межэтнической розни;

3) средства массовой информации и социальные сети, которые могут непреднамеренно или намеренно распространять ложную информацию.

Объекты дезинформирования:

1) мигранты, которые могут стать жертвами ложной информации о своих правах, возможностях и условиях пребывания в принимающей стране;

2) население принимающей страны, которое может быть введено в заблуждение относительно реальных масштабов и последствий миграции;

3) государственные органы, которые могут столкнуться с ростом недоверия со стороны общества из-за распространения дезинформации о миграционной политике.

3. *Цели и мотивы дезинформирования.* Дезинформация в миграционной среде может преследовать различные цели:

1) манипуляция общественным мнением: формирование негативного отношения к мигрантам и миграционной политике с целью создания социальной напряженности;

2) экономические интересы: распространение ложной информации о мигрантах может быть использовано для манипуляции рынком труда или создания конкуренции за ресурсы;

3) разжигание межэтнической розни: дезинформация может использоваться экстремистскими группами для провоцирования конфликтов на национальной или религиозной почве;

4. *Социальные и культурные аспекты.* Дезинформация в миграционной среде тесно связана с социальными и культурными факторами:

1) культурные барьеры: различия в языке, традициях и ценностях между мигрантами и принимающим обществом могут способствовать распространению стереотипов и ложной информации;

2) социальная напряженность: дезинформация часто используется для усиления существующих социальных конфликтов, таких как конкуренция за рабочие места или доступ к социальным услугам;

3) этнические фобии: ложная информация о мигрантах может усиливать ксенофобию и расизм, что приводит к росту экстремистских настроений.

5. *Правовые и институциональные особенности.* Дезинформация в миграционной среде имеет специфические правовые и институциональные аспекты:

1) отсутствие четкого правового регулирования: во многих странах, включая Россию, отсутствует единое определение дезинформации, что затрудняет ее квалификацию и противодействие;

2) слабая координация между государственными органами: отсутствие эффективного взаимодействия между органами, ответственными за миграционную политику, и органами, занимающимися противодействием дезинформации, снижает эффективность мер;

3) международный характер проблемы: миграционные процессы часто имеют трансграничный характер, что требует международного сотрудничества для борьбы с дезинформацией.

6. *Технологические аспекты.* Современные технологии играют ключевую роль в распространении дезинформации:

1) социальные сети: цифровые онлайн-платформы, такие как Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta Platforms Inc., признанной в России экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ), X (Twitter) и сервисы мгновенного обмена сообщениями, такие как Whatsapp или Telegram, становятся основными каналами распространения ложной информации о мигрантах;

2) алгоритмы рекомендаций: алгоритмы социальных сетей часто способствуют распространению дезинформации, так как контент, вызывающий сильные эмоции, получает больше внимания;

3) анонимность: возможность анонимного распространения информации затрудняет идентификацию источников дезинформации.

7. *Последствия дезинформации.* Дезинформация в миграционной среде имеет серьезные последствия:

1) социальные последствия: рост ксенофобии, межэтнической напряженности и экстремистских настроений;

2) экономические последствия: дезинформация может привести к снижению доверия к миграционной политике, что негативно сказывается на экономике принимающей страны;

3) политические последствия: распространение ложной информации может использоваться для манипуляции общественным мнением и влияния на политические процессы;

4) правовые последствия: дезинформация может привести к ужесточению миграционного законодательства и нарушению прав мигрантов.

Миграция сама по себе является сложным многокомпонентным процессом, оказывающим влияние на различные сферы общественной жизни. При этом, как отмечает А. М. Степанов, современные миграционные процессы, получившие бурное развитие в конце XX века, характеризуются увеличением объемов трудовой миграции, но и перемещениями беженцев, которые спасаются от неблагоприятных социально-экономических и политических обстоятельств в поисках стабильности и безопасности [9, с. 1]. О росте количества мигрантов во всех регионах свидетельствуют данные отчета Международной организации по миграции (МОМ) за 2022 г. (рис. 1).

Также стоит учитывать тот факт, что по оценке ООН, Россия занимает одно из лидирующих мест, как по числу мигрантов, так и по количеству граждан, проживающих за пределами родины⁴. В связи с чем вопросы, связанные с миграцией, для нашей страны имеют большое значение. В России проживает порядка 11,6 млн мигрантов, что составляет около 8% населения страны. Масштабы уровня миграции по странам мира приведены на рис. 2.

Миграционные процессы широко освещаются в СМИ, однако не вся информация является достоверной. Ложные сведения о миграционных процедурах, стереотипы о мигрантах и фейковые новости вводят пользователей в заблуждение, формируя неверные представления о порядке пересечения границы, оформления документов и законодательстве принимающей стороны. Это может снижать доверие к органам власти и провоцировать протестные настроения.

⁴ Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом // ООН : [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 27.10.2024).

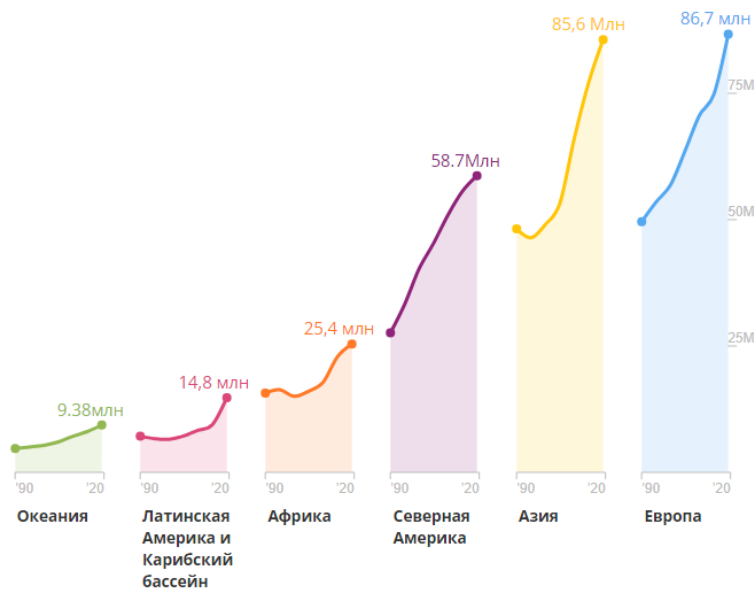

Рис. 1. Динамика изменения численности международных мигрантов
Fig. 1. Dynamics of changes in the number of international migrants
Источник: отчет МОМ⁵

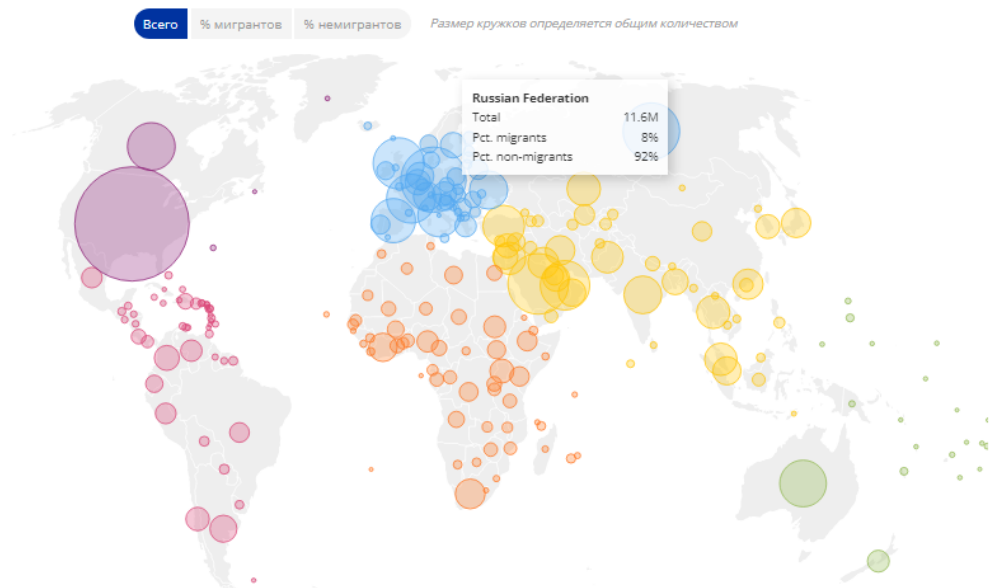

Рис. 2. Масштабы миграции по странам
Fig. 2. Global migration rate by country
Источник: отчет МОМ⁶

⁵ World Migration Report 2022 / International Organization for Migration : [site]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (accessed on 27.10.2024).

⁶ Ibid.

Например, из-за недостаточной информированности о перспективах жизни за границей многие россияне, уехавшие в 2022 г., вернулись на родину, несмотря на опасения мобилизации. По данным исследований, от 15 до 50% мигрантов вернулись в 2022–2023 гг.⁷ Основными причинами отъезда, как отмечает в своем исследовании о реэмиграции в 2022 г. М. Королькова, были абстрактные представления о безопасности, а возвращения – невозможность культурной интеграции, отсутствие социальных гарантий и трудовых перспектив, а также изменение политических взглядов [10, с. 31–34]. Таким образом, многие мигранты столкнулись с проблемами, о которых не были предупреждены.

Распространение сведений о стереотипах и предвзятых мнениях о мигрантах формирует не только негативное отношение к ним, но и к миграционной политике в целом. Согласно выводам И. Б. Бритвиной и К. А. Григорьевой, средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование мнения о мигрантах в общественном сознании. Наличие культурных барьеров в виде стереотипов также снижает уровень интеграции с мигрантами, что влияет на формирование общественного мнения о мигрантах [11, с. 174].

Одним из способов формирования негативного отношения к мигрантам и миграционной политике становится распространение заведомо ложных сведений и фейковых новостей. К примеру, «РИА Новости» сообщает о публикации недостоверной информации о банде мигрантов в Санкт-Петербурге⁸, «Комсомольская правда» – о фейках, связанных с изменением порядка оформления трудовых мигрантов в Ставропольском крае⁹, а проект «Лапша медиа» описывает массовую публикацию фейковых материалов о преступной деятельности мигрантов после теракта в «Крокус Сити Холле»¹⁰. Эти примеры иллюстрируют, как дезинформация используется для манипуляции общественным мнением.

Распространение фейковых новостей о незаконной деятельности мигрантов, несправедливой миграционной политике и коррупции характерно не только для России. Как констатируют П. В. Меньшиков и Д. Е. Воронина, после массового притока мигрантов в Германию в 2015 г. немецкое информационное пространство было заполнено постановочными материалами о незаконной деятельности мигрантов, что способствовало разжиганию межэтнической розни и искажению их образа [3].

Недостоверные сообщения о миграционных кризисах могут провоцировать панику, рост экстремистских настроений и преступления на почве расовой, национальной или религиозной розни. В. П. Кириленко и Г. В. Алексеев подмечают, что

⁷ «Теряем деньги». Социологи из ЕС отметили возвращение масс релокантов в РФ // Аргументы и факты : [сайт]. 26.10.2023. И. Козлов. URL: https://aif.ru/society/people/teryaem_dengi_sociologi_iz_es_otmetili_vozvrashchenie_mass_relokantov_v_rf (дата обращения: 27.10.2024).

⁸ Петербургская полиция нашла героев фейка о новой банде мигрантов // РИА Новости : [сайт]. 06.10.2024. URL: <https://ria.ru/20241006/peterburg-1976600598.html> (дата обращения: 27.10.2024).

⁹ Голянова, Н. Фейк о заводе мигрантов на Ставрополье расходится в соцсетях // Комсомольская правда : [сайт]. 05.01.2024. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/5617336/> (дата обращения: 27.10.2024).

¹⁰ Волна фейков о мигрантах прокатилась по сети после теракта в «Крокусе» // Лапша медиа : [сайт]. 27.03.2024. URL: <https://lapsha.media/stati/volna-fejkov-o-migrantah-prokatilas-po-seti-posle-terakta-v-krokuse/> (дата обращения: 27.10.2024).

дезинформация является одним из ключевых факторов формирования экстремистских установок [12, с. 23].

Правовое обеспечение миграционных процессов

Миграционные процессы представляют собой социальные явления, происходящие во всех странах, поэтому государства заинтересованы не просто в контроле самих процессов, но и формировании международных норм и правил. В настоящее время на международном уровне существует ряд документов, регламентирующих права мигрантов и противодействие дезинформации. К основным из них можно отнести следующие:

- 1) *Всеобщая декларация прав человека*, ст. 13 которой гарантирует право на свободное передвижение;
- 2) *Конвенция о статусе беженцев* 1951 г., которая определяет права беженцев и обязанности государств;
- 3) *Международный пакт о гражданских и политических правах*, который включает положения о запрете на дискриминацию мигрантов;
- 4) *Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции* от 2018 г. – представляет собой соглашение между странами-донорами и странами-реципиентами мигрантов и определяет цели для снижения негативных последствий миграции.

Перечисленные нами документы устанавливают обязательства для государств по обеспечению прав мигрантов.

В области противодействия дезинформированию ключевыми международными актами являются универсальные принципы и инициативы ООН, правовые акты международных союзов. Кроме того, упомянутые выше Декларация о правах человека и Международный пакт о гражданских и политических правах – основа для построения международной политики в области противодействия дезинформированию.

Норма международного права, закрепленная в ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, гарантирует право на свободу передвижения¹¹, что является фундаментальным принципом в контексте миграционных процессов. Эта норма не только обеспечивает защиту прав мигрантов, но и играет важную роль в противодействии дезинформации. Свобода передвижения, как правовая гарантия, способствует созданию условий для легальной и упорядоченной миграции, что, в свою очередь, снижает риски распространения ложной информации о мигрантах. Когда мигранты имеют доступ к достоверной информации о своих правах и обязанностях, а также о процедурах легализации, что минимизирует возможность манипуляции их сознанием через дезинформацию. Кроме того, международные документы, такие как Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции¹², подчеркивают необходимость обеспечения мигрантов точной и

¹¹ Всеобщая декларация прав человека // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 27.10.2024).

¹² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2018 года, № 73/195. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции // Организация Объединенных

актуальной информацией, способствуя формированию объективного общественного мнения и снижению уровня ксенофобии. Таким образом, нормы права на свободу передвижения не только защищают права мигрантов, но и создают правовую основу для борьбы с дезинформацией, благоприятствуя гармонизации межнациональных отношений и укреплению общественной стабильности.

Согласно рекомендациям ООН, государства должны предпринимать меры по противодействию дезинформированию с привлечением институтов гражданского общества и избегать нарушений прав и свобод граждан¹³. Также Генеральная ассамблея ООН в своей резолюции № 76/227 от 24 декабря 2021 г. указывает на то, что все формы дезинформации могут негативно сказываться на осуществлении прав человека и основных свобод. А в резолюции № 76/172 от 16 декабря 2021 г. решительно осуждаются акты, проявления и выражения идей расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости в отношении мигрантов и нередко применяемые к ним стереотипы, в том числе на основе религии или убеждений, и настоятельно рекомендуется государствам в целях искоренения безнаказанности виновных применять и при необходимости ужесточать действующие законы в тех случаях, когда имеют место преступления на почве ненависти, акты, проявления или выражение идей ксенофобии или нетерпимости в отношении мигрантов, и обеспечивать в соответствующих случаях эффективные средства правовой защиты потерпевших¹⁴.

Европейский союз демонстрирует положительный опыт противодействия дезинформации. В 2018 г. Европейская комиссия инициировала создание Кодекса практики по борьбе с дезинформацией, который, как отмечают Ю. Сакач и Е. Богнар, основан на принципах саморегулирования [5, с. 27]. Этот добровольный документ устанавливает стандарты для технологических компаний, включая демонетизацию поставщиков дезинформации, маркировку политической рекламы, борьбу с поддельными аккаунтами и развитие медиаграмотности. В 2022 г. Кодекс был обновлен – были добавлены 44 обязательства и 128 мер, таких как прозрачность рекомендательных систем и поддержка специалистов по проверке фактов. В целях повышения эффективности реализации принятых мер был создан Центр прозрачности, доступный всем гражданам, и рабочая группа, состоящая из представителей стран-подписантов, Европейской группы регуляторов аудиовизуальных медиа услуг, Европейской обсерватории цифровых медиа и Европейской службы внешнеполитической деятельности под общим руководством Европейской комиссии; разработана система мониторинга для измерения показателей эффективности

Наций : [сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

¹³ Борьба с дезинформацией // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation> (дата обращения: 27.10.2024).

¹⁴ Перечень отдельных положений, изложенных в принятых в 2020–2023 гг. резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по вопросам защиты прав и свобод человека, содержание которых может быть использовано судами Российской Федерации при толковании законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации / Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/33082/ (дата обращения: 27.10.2024).

реализации Кодекса практики¹⁵. Помимо того, деятельность цифровых платформ на территории ЕС на законодательном уровне регулируется Законом о цифровых услугах (DSA) и Законом о цифровых рынках (DMA). Оба закона направлены на устранение социальных и экономических последствий деятельности технологической отрасли путем установления четких стандартов ее работы и предоставления услуг в Европейском союзе в соответствии с основными правами и ценностями ЕС¹⁶. Как отмечает И. Туркочорити, Кодекс поведения по противодействию незаконным высказываниям ненависти в Интернете, принятый Европейским союзом в 2016 г., определяет незаконными высказывания, разжигающие ненависть по признакам расы, религии или национального происхождения [13, с. 136], что содержится в Кодексе

в качестве отсылки к Рамочному решению № 2008/913/JHA от 28 ноября 2008 г. о борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии с помощью уголовного законодательства и применяющих его национальных законов¹⁷, которое содержит в себе описание типов информации, рассматриваемой государствами-членами ЕС в качестве незаконной с применением национальных норм уголовного законодательства¹⁸.

На национальном уровне законодательство регулирует миграционные процессы и противодействие дезинформации, включая защиту прав мигрантов и контроль за распространением ложной информации. В России правовое регулирование осуществляется на основе следующих ключевых нормативных актов:

1. *Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»*: регулирует распространение информации в Интернете, обязывает операторов удалять недостоверные данные. Ст. 15.3 предусматривает блокировку сайтов с фейковой информацией, угрожающей жизни, здоровью или имуществу граждан, а ст. 10.6 возлагает на владельцев сайтов обязанность мониторинга и блокировки такой информации¹⁹.

2. *Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»*: квалифицирует распространение информации, разжигающей ненависть или вражду по национальным или религиозным признакам, как

¹⁵ The 2022 Code of Practice on Disinformation // European Commission : [site]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation> (accessed on 27.10.2024).

¹⁶ Digital Services: landmark rules adopted for a safer, open online environment // European Parliament : [site]. 05.07.2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220701IPR34364/digital-services-landmark-rules-adopted-for-a-safer-open-online-environment> (accessed on 27.10.2024).

¹⁷ Code of conduct on countering illegal hate speech online // European Commission : [site]. URL: https://commission.europa.eu/document/download/551c44da-baac-4692-9e7d-52d20c04e0e2_en (accessed on 27.10.2024).

¹⁸ Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law // European Union : [site]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_framw/2008/913/oj (accessed on 27.10.2024).

¹⁹ *Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 27.10.2024).

экстремистскую деятельность²⁰. Дезинформация о мигрантах, способствующая межэтнической розни, может быть признана экстремистской.

3. Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ): ст. 13.15 устанавливает административную ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации²¹, что применимо к дезинформации о мигрантах, угрожающей общественному порядку.

4. Уголовный кодекс РФ (УК РФ): ст. 207.1 и ст. 207.2 предусматривают уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации, нарушающей общественный порядок или причиняющей вред здоровью²². Данные нормы уголовного права применяются к лицам, распространяющим фейковые новости о мигрантах, которые провоцируют панику или межэтническую напряженность.

Таким образом, российское законодательство предусматривает меры противодействия дезинформации, включая блокировку ресурсов, административную и уголовную ответственность.

Вопросы совершенствования информационного обеспечения миграционной политики и оформления паспортно-визовых документов находятся в ведении Правительственной комиссии по миграционной политике под руководством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т. А. Голиковой²³. В большей степени вопросы информационного обеспечения миграционных процессов в нормативно-правовых актах касаются обеспечения функционирования различных информационных систем учета иностранных граждан и лиц без гражданства²⁴, а не выявления фактов и противодействие распространению дезинформации.

Важным условием реализации миграционной политики является привлечение всех заинтересованных сторон: правительств стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнеса и НКО, а также активное использование СМИ для программ интеграции и адаптации. Одно из направлений такой политики – это совершенствование системы адаптации мигрантов и формирование конструктивного взаимодействия с принимающим обществом²⁵. Стоит отметить, что в целях выявления очагов и предпосылок конфликтов на национальной почве, в том числе связанных с миграционными процессами, в Российской Федерации создана система мониторинга межнациональных отношений, одной из основных задач

²⁰ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 27.10.2024).

²¹ Статья 13.15 КоАП РФ. Злоупотребление свободой массовой информации // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/82c0a663173b440cc9b027bc8e687dc9e36e71a/ (дата обращения: 27.10.2024).

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.10.2024).

²³ Правительственная комиссия по миграционной политике / Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/departments/432/about/> (дата обращения: 27.10.2024).

²⁴ Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. / Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (дата обращения: 19.03.2025).

²⁵ Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 27.10.2024).

функционирования которой считается проведение мониторинга в сети Интернет конфликтных межнациональных и межконфессиональных ситуаций²⁶. Прямые меры противодействия дезинформации в Концепции государственной миграционной политики и в Положении о государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций не называются, но их реализация позволит создать условия для формирования безопасного и доступного информационного пространства в части миграционных процессов.

Как констатирует А. А. Эндрюшко, ксенофобия является частой темой фейковых новостей о миграции [14, с. 113], что при определенных условиях может квалифицироваться как преступление или административное правонарушение экстремистской направленности. Российское законодательство предусматривает ответственность за действия, мотивированные расовой, национальной или религиозной враждой. Введение в заблуждение граждан способствует распространению экстремистских идей.

А. А. Смирнов подчеркивает, что распространение ложной информации активно используется экстремистскими и террористическими организациями для вербовки и пропаганды. Искажение ценностей и религиозных догм через СМИ и соцсети становится одним из их методов [4, с. 41]. Эти практики затрагивают и миграционные процессы: недостоверные сведения о мигрантах продолжают публиковаться, усиливая националистические настроения.

Как показывает сервис «Яндекс.Вордстат», в России за последние два года налицо рост количества запросов с текстом «мигранты в России» (рис. 3). Причем наблюдается резкий всплеск таких запросов после террористического акта в концертном зале «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г.

Согласно данным сервиса «Яндекс.Вордстат», наблюдается корреляция запросов «мигранты террористы» в поисковой системе «Яндекс» в связи с террористическим актом 22 марта 2024 г. в концертном зале «Крокус Сити Холл», что отражено на рис. 4.

Сообщения о террористических актах используются как информационный повод для формирования общественного мнения, что в условиях вооруженного конфликта может стать инструментом дестабилизации ситуации в России, заключает директор АНО «Центр медиастратегий» М. П. Быков²⁷. Однако статистика поисковых запросов не отражает полный масштаб распространения информации в социальных сетях и средствах массовой информации. Как заявляют Ю. В. Быховец и Н. Н. Казымова, после теракта 22 марта 2024 г. возрос интерес к теме террористической угрозы, что усилило общественные переживания и обсуждения [15, с. 174].

²⁶ Постановление Правительства РФ от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» / Гарант.ру : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71801022/> (дата обращения: 27.10.2024).

²⁷ Эксперт объяснил, зачем украинские спецслужбы вбрасывают фейки в СМИ и группы Ростова // RostovGazeta.ru : [сайт]. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2023-12-01/rostovskuyu-oblast-atakuyut-fey-kami-o-prestupleniyah-migrantov-3116374> (дата обращения: 27.10.2024).

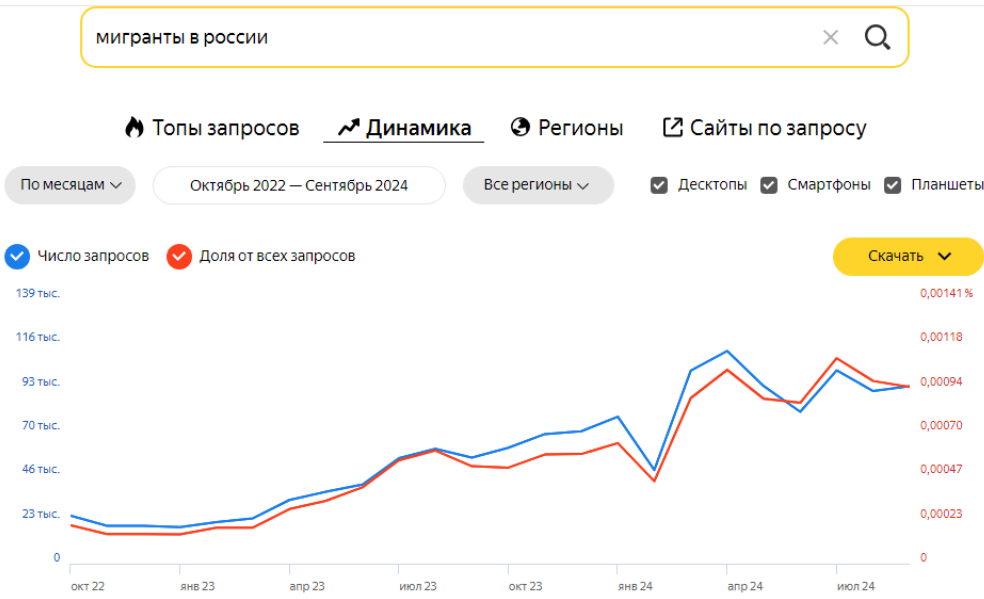

Рис. 3. Динамика запросов «мигранты в России» в «Яндекс»
Fig. 3. Dynamics of queries “migrants in Russia” in Yandex
Источник: сайт «Яндекс.Вордстат»²⁸

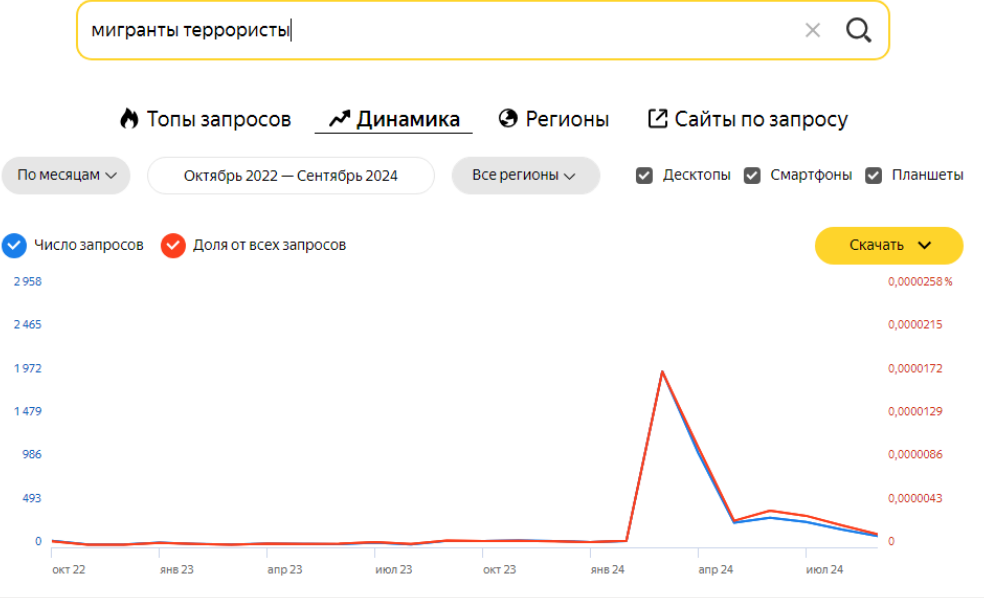

Рис. 4. Динамика запросов «мигранты террористы» в «Яндекс»
Fig. 4. Dynamics of queries “migrants terrorists” in Yandex
Источник: сайт «Яндекс.Вордстат»²⁹

²⁸ Мигранты в России // Яндекс.Вордстат : [сайт]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=table&words=мигранты%20в%20россии> (дата обращения: 27.10.2024).
²⁹ Мигранты-террористы // Яндекс.Вордстат : [сайт]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=table&words=мигранты%20террористы> (дата обращения: 27.10.2024).

Издание «News.ru» отмечает, что после теракта в «Крокус Сити Холл» недостоверная информация о мигрантах распространялась при участии лиц и организаций, признанных в РФ иностранными агентами³⁰. Специалисты «Лиги безопасного Интернета» констатируют, что теракт стал поводом для масштабной кампании дезинформации, направленной на дестабилизацию обстановки и создание паники³¹. Проект «Лапша Медиа» также описывает фейковые сообщения о противоправной деятельности мигрантов, подчеркивая, что такие действия усиливают межнациональную рознь и провоцируют конфликты³². Во всех вышеприведенных случаях организаторами дезинформации называются враждебные России силы, включая спецслужбы иностранных государств.

Правоприменительная практика

Для эффективного применения мер противодействия дезинформации в области миграционных процессов необходима четкая и слаженная работа правоприменительных органов в соответствии с действующим законодательством.

Практика некоторых государств, согласно рекомендациям международных организаций, предусматривает внедрение в качестве одного из механизмов, направленных на противодействие дезинформации, в различные образовательные программы, ориентированные не только на формирование у мигрантов понимания культурных особенностей в стране-реципиенте, но и на формирование идеологии терпимости к мигрантам среди местного населения. Е. А. Омельченко акцентирует внимание на развитии различных образовательных программ и адаптационных центров, направленных на интеграцию мигрантов в российское общество. Однако деятельность этих центров не всегда осуществляется с привлечением профессиональных педагогов, а на рынке в основном предлагаются услуги персональных репетиторов [16, с. 193].

СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения, в том числе по вопросам миграции. Для создания безопасного информационного пространства важно взаимодействие государственных органов, институтов гражданского общества, средств массовой информации и лидеров общественного мнения. Пример такого взаимодействия – Кодекс профессиональной этики российского журналиста, принятый Союзом журналистов России. Он обязывает журналистов избегать распространения недостоверной информации, укрытия важных сведений

³⁰ Кто и кого пугает русским национализмом после теракта в «Крокус Сити» // News.ru : [сайт]. URL: <https://news.ru/russia/kto-i-kogo-pugaet-russkim-nacionalizmom-posle-terakta-v-krokus-siti/> (дата обращения: 27.10.2024).

³¹ Информационная атака на россиян после теракта в «Крокус Сити Холл»: какие фейки распространяют провокаторы // Лига безопасного Интернета : [сайт]. URL: <https://ligainternet.ru/informatsionnaya-ataka-na-rossiyan/> (дата обращения: 27.10.2024).

³² Волна фейков о мигрантах прокатилась по сети после теракта в «Крокусе» // Лапша медиа : [сайт]. 27.03.2024. URL: <https://lapsha.media/stati/volna-fejkov-o-migrantah-prokatilas-po-seti-posle-terakta-v-krokuse/> (дата обращения: 27.10.2024).

и противодействовать экстремизму³³. Вместе с тем кодекс носит декларативный характер и не предусматривает ответственности за его нарушение.

Для повышения сознательности и ответственного поведения журналистов предлагаем дополнить Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» нормами о вступлении журналистов в саморегулируемые организации, а КоАП РФ – положениями об ответственности за нарушение правил, установленных данными организациями. Что позволит усилить контроль за соблюдением этических норм и сохранить независимость редакционной политики.

В части саморегулирования стоит привести в пример положительный опыт Германии. Как пишет в своей статье К. О. Богач, в Германии контроль за соблюдением этических норм в прессе осуществляет Совет по прессе на основе Кодекса прессы 1973 г. Совет рассматривает жалобы на журналистов и может передавать их в суд. Хотя решения совета не имеют юридической силы, они в большинстве случаев исполняются, так как около 90% издательств добровольно согласились следовать его рекомендациям [17, с. 101]. А публикация публичных упреков в соответствии с п. 16 Кодекса прессы соответствует справедливому освещению в средствах массовой информации³⁴. Необязательность исполнения решений совета прессы подвергается критике, с чем не согласен пресс-секретарь совета, указывая на тот факт, что в 2003 г. сведения лишь о 18 из 20 публичных выговоров были опубликованы³⁵.

Несмотря на наличие законодательных мер, многие государства сталкиваются с такими трудностями, как:

- 1) недостаток информации, что выражается в незнании многими мигрантами своих прав, что делает их уязвимыми для дезинформации;
- 2) сложность миграционных процедур, которая может приводить к путанице и распространению ложных сведений о миграционных процессах;
- 3) политическая манипуляция, которая может использоваться для политической пропаганды, что затрудняет формирование адекватного миграционного законодательства.

Для более эффективного противодействия дезинформации в области миграции можно предложить следующие меры:

1. *Создание международных платформ*: разработка совместных информационных ресурсов, на которых мигранты из стран бывшего СССР могут ознакомиться с российским законодательством на родном языке. Это поможет им лучше подготовиться к переезду в нашу страну, узнать требования к документам и порядку пребывания в России. Такие платформы должны функционировать на основе международных соглашений при участии уполномоченных органов по миграционному учету. Кроме того, это снизит количество правонарушений, так как мигранты будут

³³ Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России // Общественная коллегия по жалобам на прессу: [сайт]. URL: <https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 28.10.2024).

³⁴ Ethische Standards für den Journalismus // Deutscher Presserat: [сайт]. URL: <https://presserat.de/pressekodex.html> (accessed on 27.10.2024).

³⁵ So schön ist Rügen // taz: [сайт]. 03.08.2004. URL: <https://taz.de/!718397> (accessed on 27.10.2024).

лучше информированы о российских законах и работе правоохранительных органов.

2. *Гармонизация законодательства*: разработка единых правовых стандартов для согласования национальных норм с международным правом. Это упростит понимание миграционных правил для мигрантов и усилит их правовую защиту.

3. *Мониторинг информационного пространства*: постоянный контроль и оценка информации для выявления дезинформации. Это позволит оперативно реагировать на ложные сведения, привлекать к ответственности нарушителей антиэкстремистского законодательства и проводить профилактическую работу.

Все перечисленные меры помогут укрепить межнациональные отношения, снизить уровень дезинформации и обеспечить безопасность миграционных процессов.

Однако стоит учитывать, что проблемы противодействия дезинформированию в области миграции зачастую формируются на основании факторов развития мигрантофобии. К их числу В. А. Волох относит:

- 1) неудовлетворенность социальными потребностями местных жителей как фактор социальной конкуренции;
- 2) предположения о девиантном или даже криминальном поведении мигрантов, которое рассматривается как вызов или неуважение к местному населению [7, с. 2–3].

Преступления, совершаемые мигрантами, и их активное освещение в СМИ создают почву для формирования стереотипов о противоправном поведении отдельных этнических групп. Как отмечают В. Б. Клишков и Т. В. Валькова, к факторам, провоцирующим мигрантов на правонарушения, относятся дезадаптация, длительное отсутствие семьи, бытовая неустроенность, материальные трудности и социальная незащищенность. В ответ на такие действия усиливается ксенофобия, обостряются межэтнические противоречия даже среди местного населения [18, с. 41–42].

Для решения проблемы, связанной с негативным образом мигрантов, формируемым в том числе через дезинформацию, необходимо не только повышать безопасность информационного пространства, но и устранять социальные проблемы. Что создаст возможность избежать восприятия мигрантов как угрозы для местного населения, например, в вопросах занятости или заработной платы.

Распространение сведений о преступной деятельности мигрантов, включая дезинформацию, не способствует формированию их положительного образа. Хотя такие слухи часто основаны на реальных событиях, что делает их более убедительными. Если с фейками государство может бороться в рамках своих полномочий, то сокрытие достоверной информации о противоправных действиях мигрантов нарушает право граждан на доступ к общественно значимой информации.

Таким образом, необходимо активизировать борьбу не только с дезинформацией, но и с ее причинами, чтобы предотвратить рост ксенофобии и межэтнической напряженности.

Закключение

Дезинформация в области миграционных процессов представляет собой серьезную угрозу, которая требует комплексного подхода. Правовое обеспечение, основанное на международных нормах и национальном законодательстве, играет ключевую роль в противодействии этому явлению. Эффективные меры могут помочь не только защитить права мигрантов, но и способствовать формированию более сбалансированного и информированного общественного мнения о миграции.

Сама по себе дезинформация в области миграционных процессов граничит с понятиями экстремизма и ксенофобии, в связи с чем противодействие данному явлению имеет важное значение в гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. С учетом динамичности миграционных процессов государства должны адаптировать свои подходы к правовому обеспечению, используя современные технологии и методики работы с информацией.

Вместе с тем стоит учитывать, что дезинформирование в области миграционных процессов является следствием социальных и экономических явлений и проблем, решение которых способно снизить уровень межнационального напряжения. Это будет способствовать снижению числа лиц, проявляющих интерес к информационным материалам, способным ввести в заблуждение.

Таким образом, противодействие дезинформированию в области миграционных процессов – сложный многокомпонентный процесс, требующий участия различных органов власти, институтов гражданского общества, средств массовой информации и коммуникации и являющийся частью процесса гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Правовое обеспечение этого процесса выступает главным связующим звеном, регламентирующим деятельность всех субъектов противодействия дезинформированию. И только при условии четкого и слаженного взаимодействия всех субъектов противодействия дезинформированию можно создать безопасную и справедливую среду для мигрантов и общества в целом.

Список литературы:

1. Пахомова, А. Ю. Феномен дезинформации в отечественной практике: дефиниции и синонимичные понятия // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 4 (40). Ст. 8. DOI [10.18454/RULB.2023.40.17](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.17). EDN [YALCCN](https://www.edn.ru/entry/10.18454/RULB.2023.40.17).
2. Макашова, В. В. Дезинформация как предмет научного анализа: традиционные и новые подходы // Меди@льманах. 2023. № 6 (119). С. 16–22. DOI [10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622). EDN [FTOBJW](https://www.edn.ru/entry/10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622).
3. Меньшиков, П. В. Влияние факторов массового притока мигрантов и роста количества фейковых новостей на информационный ландшафт в Германии / П. В. Меньшиков, Д. Е. Воронина // Международные коммуникации. 2018. № 3 (8). С. 1. EDN [YWWPBB](https://www.edn.ru/entry/10.18454/RULB.2023.40.17).
4. Смирнов, А. А. Правовые и организационные аспекты противодействия распространения фейковой информации террористическими и экстремистскими организациями // Аграрное и земельное право. 2023. № 1 (217). С. 40–43. DOI [10.47643/1815-1329_2023_1_40](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_1_40). EDN [FNFZEZ](https://www.edn.ru/entry/10.47643/1815-1329_2023_1_40).
5. Szakacs, J. The Impact of Disinformation Campaigns about Migrants and Minority Groups / J. Szakacs, E. Bogнар // Brussels: European Union, 2021. 59 p. ISBN 978-92-846-8251-5. DOI [10.2861/693662](https://doi.org/10.2861/693662).
6. Butcher, P. Fear and Lying in the EU: Fighting Disinformation on Migration with Alternative Narratives / P. Butcher, A.-H. Neidhardt // Brussels: European Policy Centre, 2020. 52 p.
7. Волох, В. А. Факторы мигрантофобии в контексте национальной политики // Либерально-демократические ценности. 2018. Т. 2, №3–4. EDN [UVVXFA](https://www.edn.ru/entry/10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622)

8. Самошкин, Е. А. Институты борьбы с дезинформацией и мисинформацией в СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 176–190. EDN [YNEHOM](#).
9. Степанов, А. М. Эмпирические проблемы изучения современных миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. С. 24–26. DOI [10.24158/tipor.2017.10.4](#). EDN [ZMDZQD](#).
10. Королькова, М. Реэмиграция в 2022 году // Социодиггер. 2023. Т. 4, № 3–4 (25). С. 31–34. EDN [AQTWEF](#).
11. Бритвина, И. Б. Влияние информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним жителей Екатеринбурга / И. Б. Бритвина, К. А. Григорьева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 2 (162). С. 169–174. EDN [WIEQYH](#).
12. Кириленко, В. П. Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Управленческое консультирование. 2017. № 4 (100). С. 14–30. EDN [YRLJNZ](#).
13. Tourkochoriti, I. The Digital Services Act and the EU as the Global Regulator of the Internet // Chicago Journal of International Law. 2023. Vol. 24. Pp. 129–147.
14. Эндрюшко, А. А. Фейки о мигрантах в России: элемент информационного противостояния в эпоху постправды // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2024. № 1. С. 109–120. DOI [10.19181/INAB.2024.1.10](#). EDN [OPUODQ](#).
15. Быховец, Ю. В. Оценка динамики переживания террористической угрозы до и после террористического акта в Крокус Сити Холле / Ю. В. Быховец, Н. Н. Казымова // Клиническая и специальная психология. 2024. Т. 13, № 4. С. 167–180. DOI [10.17759/cpse.2024130409](#). EDN [GYQIDE](#).
16. Омельченко, Е. А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика в реалиях современной системы образования: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Омельченко Елена Александровна; МПГУ. Москва, 2019. 463 с.
17. Богач, К. О. Сравнительно-правовое исследование статуса публичных органов контроля и надзора за деятельностью СМИ в России, США и Германии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 99–107. EDN [NDTMTX](#).
18. Клишков, В. Б. Влияние миграции на состояние преступности в Российской Федерации / В. Б. Клишков, Т. В. Валькова // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 38–43. DOI [10.24412/2073-3305-2024-2-38-43](#). EDN [CLDPMM](#).

Сведения об авторе

Государев Тарас Ливериевич, адъюнкт, Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород; старший оперуполномоченный, ГУ МВД России по Пермскому краю, Пермь, Россия.

Контактная информация: e-mail: gostaras@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0005-8163-6813](#); РИНЦ SPIN-код: [5504-9118](#).

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; принята в печать 21.04.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

COUNTERACTING DISINFORMATION IN THE FIELD OF MIGRATION MANAGEMENT IN RUSSIA

Taras L. Gosudarev

*Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nizhny Novgorod, Russia*

E-mail: gostaras@yandex.ru

For citation: Gosudarev, T. L. Counteracting Disinformation in the Field of Migration Management in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 195–218. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.11).

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal support for countering misinformation in the field of migration processes. In the context of growing migration flows and increasing information threats, disinformation becomes a serious challenge to social stability and legal order. The study focuses on identifying legal mechanisms aimed at combating misinformation and their effectiveness in the context of migration processes. The aim and hypothesis of the study: to identify key legal tools and strategies to counter misinformation in the migration sphere, and to propose recommendations for improving legislation. The hypothesis of the study is that the existing legal norms are not effective enough to counter disinformation, which requires the development of new approaches and strengthening international cooperation. Methods and background data: the study uses methods of analyzing normative legal acts, content analysis of mass media and social networks, as well as comparative analysis of law enforcement practice in different countries. International documents (Universal Declaration of Human Rights, Convention Relating to the Status of Refugees, UN Global Compact on Migration), as well as domestic legislation regulating migration and countering disinformation were considered as source data. Results and scientific contribution: as a result of the study the main gaps in the legal regulation of countering misinformation in the migration sphere were identified. It was found that misinformation in this area is often used to manipulate public opinion and provoke interethnic tensions. The scientific contribution of the work consists in proposing specific measures to improve legal support, including the creation of international platforms for informing migrants, harmonization of legislation and strengthening control over the dissemination of inaccurate information. Scope of application of the results: the results of the study can be used to improve legislation in the field of migration and counteract misinformation, as well as to develop educational programs aimed at increasing media literacy of the population. The proposed measures can be applied both at the national and international levels to reduce the level of misinformation and strengthen interethnic dialog.

Keywords: disinformation, migration, manipulation of public opinion, citizens' rights, extremism

References

1. Pakhomova, A. Yu. Phenomenon of Misinformation in Domestic Practice: Definitions and Synonymous Concepts. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. No. 4 (40). Article 8. DOI [10.18454/RULB.2023.40.17](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.17). (In Russ.).
2. Makashova, V. V. Dezinformatsiya kak predmet nauchnogo analiza: traditsionnyye i novyye podkhody [Disinformation as a Subject of Scientific Analysis: Traditional and New Approaches]. *Medi@lmanah Journal*. 2023. No. 6 (119). Pp. 8–15. DOI [10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622). (In Russ.).
3. Menshikov, P. V., Voronina, D. E. The Influence of the Mass Migrant Influx and Increasing Number of Fake News on the Media Landscape in Germany. *International Communications*. 2018. No. 3 (8). P. 1. (In Russ.).
4. Smirnov, A. A. Legal and Organizational Aspects Countering the Spread of Fake Information by Terrorist and Extremist Organizations. *Agrarian and Land law*. 2023. No. 1 (217). Pp. 40–43. DOI [10.47643/1815-1329_2023_1_40](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_1_40). (In Russ.).
5. Szakacs, J., Bogнар, E. *The Impact of Disinformation Campaigns about Migrants and Minority Groups*. Brussels : European Union, 2021. 59 p. ISBN 978-92-846-8251-5. DOI [10.2861/693662](https://doi.org/10.2861/693662).
6. Butcher, P., Neidhardt, A.-H. *Fear and Lying in the EU: Fighting Disinformation on Migration with Alternative Narratives*. Brussels : European Policy Centre, 2020. 52 p.
7. Volokh, V. A. Factors of Migrant Phobia in the Context of National Policy. *Journal of Liberal Democratic Values*. 2018. Vol. 2, No. 3–4. (In Russ.).
8. Samoshkin, E. A. Institutions Fighting Disinformation and Misinformation in Mass Media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2017. No. 6. Pp. 176–190. (In Russ.).
9. Stepanov A.M. Empirical Challenges for Studying the Contemporary Migration Processes. *Theory and Practice of Social Development*. 2017. No. 10. Pp. 24–26. DOI [10.24158/tipor.2017.10.4](https://doi.org/10.24158/tipor.2017.10.4). (In Russ.).
10. Korolkova, M. Reemigratsiya v 2022 godu [Re-emigration in 2022]. *Sociodigger*. 2023. Vol. 4, No. 3–4 (25). Pp. 31–34. (In Russ.).
11. Britvina, I. B., Grigoryeva, K. A. The Impact of the Information on External Different Ethnicity Migrants on the Attitude to Them of the Residents of Yekaterinburg. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2017. Vol. 23, No. 2 (162). Pp. 169–174. (In Russ.).
12. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War. *Administrative Consulting*. 2017. No. 4 (100). Pp. 14–30. (In Russ.).
13. Tourkochoriti, I. The Digital Services Act and the EU as the Global Regulator of the Internet. *Chicago Journal of International Law*. 2023. Vol. 24. Pp. 129–147.

14. Ehndryushko, A. A. Feyki o migrantakh v Rossii: element informatsionnogo protivostoyaniya v epokhu post-pravdy [Fakes about migrants in Russia: an element of information confrontation in the post-truth era]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii FNISTS RAN [Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS]*. 2024. No 1. Pp. 109–120. DOI [10.19181/INAB.2024.1.10](https://doi.org/10.19181/INAB.2024.1.10). (In Russ.).

15. Bykhovets, Yu. V., Kazymova, N. N. Assessment of the Dynamics of Experiencing a Terrorist Threat before and after the Terrorist Attack in Crocus City Hall. *Clinical and special psychology*. 2024. Vol. 13, No. 4. Pp. 167–180. (In Russ.).

16. Omelchenoko, E. A. *Integratsiya detey iz semey inoetnichnykh migrantov v rossiyskoye obshchestvo: teoriya i praktika v realiyakh sovremennoy sistemy obrazovaniya [Integration of children from families of foreign ethnic migrants into Russian society: theory and practice in the realities of the modern education system]* : Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences: 07.00.07 / Omelchenko Elena Aleksandrovna; Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2019. 463 p. (In Russ.).

17. Bogach, K. O. Comparative Study of the Legal Status of Public Bodies Monitoring and Oversight of the Media in Russia, the USA and Germany. *RUDN Journal of Law*. 2011. No. 1. Pp. 99–107. (In Russ.).

18. Klishkov, V. B., Valkova, T. V. The Impact of Migration on Crime in the Russian Federation. *Education. Science. Scientific Staff*. 2024. No. 2. Pp. 38–43. DOI [10.24412/2073-3305-2024-2-38-43](https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-2-38-43). (In Russ.).

Bio note

Taras L. Gosudarev, Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhny Novgorod; Senior Operative Commissioner, Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Perm Krai, Perm, Russia.

Contact information: e-mail: gostaras@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0005-8163-6813](https://orcid.org/0009-0005-8163-6813); RSCI SPIN-code: [5504-9118](https://www.scirp.com/spin-5504-9118).

Received on 15.02.2025; accepted for publication on 21.04.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2025.5.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.12)EDN [YDMYSQ](https://edn.ydmysq.ru)СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС**Рязанцев С. В.***Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: riazan@mail.ru***Вартанова М. Л.***Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: m.l.vartanova@mail.ru***Омуралиев Н. А.***Институт философии Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан**E-mail: nurbekcsr@mail.ru***Юдина Т. Н.***Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: ioudinatn@mail.ru*

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Социально-демографические аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова, Н. А. Омуралиев, Т. Н. Юдина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 198–208. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.12). EDN [YDMYSQ](https://edn.ydmysq.ru).

Аннотация. В связи с новыми трендами интеграционных процессов на постсоветском пространстве научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» недвусмысленно свидетельствует об актуальности исследования, посвященного вопросам изучения основных тенденций демографического развития Евразийского экономического союза, обеспечения продовольственной безопасности как приоритетного направления межгосударственного взаимодействия, а также анализу практики общественных организаций государств-членов ЕАЭС по обеспечению демографической безопасности, оценке демографических и миграционных аспектов интеграционных процессов, институционально-правовых основ демографической безопасности ЕАЭС и результатов евразийской интеграции. Содержание научного произведения отвечает веяниям времени, поскольку отражает точку зрения авторов на оценку эффективности межгосударственного взаимодействия и реализации стратегических задач устойчивого развития государств-членов Евразийского экономического союза. Отмечается, что экономический союз из пяти стран принес немало выгод и преимуществ в части облегчения и интенсификации возможностей межгосударственной торговли, причем выгоды от функционирования ЕАЭС представляются взаимными для всех стран-членов: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Российской Федерации. Укрепление потенциала на фоне быстро меняющихся геоэкономических реалий видится авторами в дальнейшем расширении международной деятельности Союза. Научный доклад вносит существенный вклад в понимание сложных социально-экономических, политических и этнокультурных аспектов, влияющих на процесс евразийской интеграции,

предлагает эффективные подходы к решению возникающих проблем. Представленные результаты могут быть полезны надгосударственным регуляторам интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, государственным и негосударственным институтам стран-членов ЕАЭС, а их применение позволит повысить эффективность интеграционных процессов, способствуя реализации стоящих перед Союзом задач, и стимулировать дальнейшие исследования интеграции в контексте Большой Евразии. Настоящий доклад вызвал весьма оживленный интерес среди экспертов, получил положительные отклики и признание научного сообщества. Доказана необходимость проведения дальнейших научно-исследовательских работ по изучению и решению широкого круга социальных, экономических, демографических проблем; обозначена целесообразность эффективного взаимодействия исследователей и практиков в области ЕАЭС и объединении совместных усилий аналитиков и практиков, работающих в сфере некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), демографическая безопасность, демографические и социальные аспекты, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, интеграционные процессы, концепция демографической безопасности, международное взаимодействие, миграционная политика, научный доклад, Научный совет, сотрудничество, социально-экономическое развитие

В марте 2025 г. в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН в смешанном формате состоялось расширенное заседание Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН (далее – Научный совет), на котором состоялась презентация научного доклада «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» [1], посвященного памяти доктора социологических наук, профессора, заведующего Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, председателя Научного совета Г. И. Осадчей.

Коллектив авторов доклада представили российские и зарубежные ученые широкого спектра профилей: социологических, экономических, юридических, технических, политических наук и специалистов в области международных отношений: Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова, Л. Ф. Деловарова, Е. Ю. Киреев, А. А. Кочербаева, В. Ю. Леденева, В. С. Новикова, Г. А. Погосян, С. М. Попова, А. Х. Рахмонов, М. В. Рославцева, Л. И. Тарарышкина, С. М. Шахрай, Т. Н. Юдина, А. А. Яник. Рецензентами выступили член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор С. В. Рязанцев и доктор социологических наук, профессор Н. А. Омуралиев.

На основании проделанной авторами научного доклада работы проанализировано большое количество трудов российских и зарубежных ученых, внесших свой вклад в изучение проблем евразийской интеграции и миграционной политики, вопросов определения и повышения эффективности использования ресурсного потенциала, обеспечения национальной, экономической и демографической безопасности: Л. Н. Гумилева, С. Ю. Глазьева, Г. И. Осадчей, Г. А. Погосяна, С. В. Рязанцева, С. М. Шахрая и других.

В докладе рассмотрены различные аспекты совместных исследований в части интерсикации исследовательских принципов в социальном измерении интеграционных процессов, изучении социокультурного потенциала и проблем интеграции стран ЕАЭС, управления социальными рисками России в процессе евразийской интеграции, обеспечения продовольственной безопасности, разработки концепции демографической безопасности. В связи с этим цели и задачи исследования, поставленные рабочей группой авторов, представляются весьма актуальными и соответствующими уровню и параметрам проведенного исследования.

Для достижения поставленных целей были применены методы статистического анализа, включая сравнительный, динамический и сравнительно-исторический; общенаучные методы – обзор научных статей и монографий, посвященных проблемам демографии, методы генерализации теоретических данных, анкетного опроса, интервью, синтеза, систематизации. В качестве информационной базы использованы статистические данные ООН, Евразийского экономического союза, национальных статистических служб государств-членов, официальные материалы Евразийской экономической комиссии, профильные нормативно-правовые документы и доклады. Достоверность результатов достигается не только использованием обширной информационной базы, данных Евразийской экономической комиссии, но и собственных расчетов авторов, апробацией результатов исследования, которые характеризуются концептуальностью, целостностью, логической последовательностью и аргументированностью. Авторы доклада, опираясь на большой массив профильных отечественных и зарубежных научных трудов, обстоятельно показали фундаментальность теоретико-методологической базы научной работы.

Структура рецензируемой работы следующая: введение, девять глав, заключение, список литературы (насчитывает 321 произведение), сведения об авторах. Настоящий доклад посвящен анализу социально-демографических аспектов функционирования Евразийского экономического союза, при этом особое внимание уделяется таким ключевым направлениям, как демографическая ситуация в ЕАЭС, миграция в контексте демографической безопасности, миграционная политика, обеспечение продовольственной безопасности, роль общественных организаций в обеспечении демографической устойчивости, институционально-правовые основы концепции демографической безопасности.

В начале XXI века мир столкнулся с беспрецедентной чередой кризисов, серьезно повлиявших на глобальную стабильность и взаимоотношения между государствами. Пандемия COVID-19, обрушившаяся неожиданно и стремительно на планету, стала лишь одним из факторов, дестабилизировавших политическую и экономическую обстановку. За ней последовали волны протестов и социальных потрясений, которые прокатились по различным регионам мира. Беларусь, к примеру, пережила масштабные акции протеста, вызванные результатами президентских выборов, ставшими символом борьбы за демократию и справедливость. Аналогичная ситуация сложилась в Армении, где массовые гражданские акции неповиновения в Ереване продемонстрировали нарастающее общественное недовольство. Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, вызвавший гуманитарную катастрофу и геополитическую напряженность, стал еще одним свидетельством хрупкости мира. Кыргызстан, не избежавший влияния глобальных потрясений [2], оказался вовлечен в третью за последнее время революцию, тем самым подчеркнув нестабильность политической ситуации в Центральной Азии. Казахстан в начале 2022 г. испытал на себе последствия резкого повышения цен на сжиженный газ, что спровоцировало массовые протесты и показало уязвимость экономической системы перед лицом рыночных колебаний. Все эти события акцентируют внимание на обострении проблемы ответственности и взаимного доверия между государствами. Они демонстрируют, насколько легко глобальные кризисы могут

перерасти в региональные конфликты и внутренние потрясения, подрывая основы стабильности и социального согласия. В таких условиях крайне важно находить механизмы для преодоления вызовов и укрепления международного сотрудничества. Однако, несмотря на бушующий шторм глобальных проблем, экономики государств-членов Евразийского экономического союза продемонстрировали определенную устойчивость.

Функционирование Союза, созданного для укрепления экономических связей и сотрудничества между его участниками, позволило смягчить негативное влияние глобальных кризисов. В странах ЕАЭС «обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» [3].

В некоторых секторах даже удалось сохранить положительную динамику роста. На протяжении первого десятилетия своего существования ЕАЭС продемонстрировал способность адаптироваться к изменяющейся мировой обстановке и обеспечивать относительную стабильность экономик членов Союза.

В главе 1 «Евразийский экономический союз: результаты интеграции для государств-членов» отмечается, что за десять лет сотрудничества движущим фактором углубления экономической интеграции стало развитие глубоких и устойчивых взаимосвязей, основанных на проведении согласованной политики между государствами Союза в области экономики и других сфер жизни общества, увеличения в несколько раз товарооборота России, как внутри ЕАЭС, так и с третьими странами, усиления технико-технологической и производственной кооперации стран Союза, устойчивых кооперационных связей (создание совместных предприятий, объединений и транснациональных компаний, реализация международных инвестиционных проектов, увеличение транспортно-логистических возможностей) и пр. Успешность интеграции определяется необходимостью укрепления потенциала взаимного сотрудничества между участниками в современных международных реалиях, наличием исторически сложившихся связей в различных сферах экономики. Действительно, за первые десять лет существования Евразийского экономического союза достигнут значительный прогресс. Совокупный ВВП стран-участниц вырос с 1,6 трлн. до 2,5 трлн. долларов США, что свидетельствует о росте экономической мощи Союза. Товарооборот с третьими странами увеличился на 60%, поднявшись с 579 млрд до 923 млрд долларов США, демонстрируя успешную интеграцию в глобальную экономику. Особо значительным является удвоение объема взаимной торговли между государствами-членами. Это стало возможно благодаря отсутствию таможенного контроля на внутренних границах и преференциальному доступу на рынки друг друга. Данные меры стимулировали экономический рост и создали благоприятные условия для развития бизнеса в рамках ЕАЭС. Выгоды экономического роста распределяются между всеми государствами-членами Союза, хотя и неравномерно. Темпы роста ВВП стран-участниц существенно выше, чем в странах СНГ, которые не присоединились к этому формату глубокой экономической интеграции. Что подтверждает эффективность ЕАЭС как инструмента для стимулирования экономического развития и повышения жизненного уровня населения в условиях нестабильности и глобальных вызовов. Однако нельзя не отметить, что неравномерность развития и некоторые внутренние проблемы требуют

дальнейшего внимания и работы над усовершенствованием механизмов сотрудничества внутри Евразийского экономического союза.

В главе 2 «Демографическая ситуация в ЕАЭС и государствах-членах» проделан глубокий анализ демографических процессов в Евразийском экономическом союзе и в каждой из стран-участниц – подробно рассмотрена динамика численности населения, проанализированы показатели рождаемости и смертности, представлены половозрастная структура населения и особенности миграционных потоков. При этом исследование не ограничивается лишь общими тенденциями, а углубляется в региональные особенности, выявляя ключевые демографические тренды, присущие каждому члену Союза: «На основе анализа демографической ситуации в государствах-членах ЕАЭС авторами ставится цель обосновать систему показателей и индексов демографической безопасности ЕАЭС» [4].

Особое внимание уделяется факторам, которые оказывают значительное влияние на демографическую безопасность каждой страны-члена Союза. В данном контексте рассматриваются экономические, социальные, политические и даже экологические факторы, формирующие демографический ландшафт; предлагаются конкретные меры государственной политики по поддержанию и укреплению демографического потенциала Союза в целом; обосновывается система показателей, включающая как объективные (статистические данные), так и субъективные (к примеру, оценка качества жизни), для анализа и мониторинга уровня демографической безопасности. Авторами определены критические, пороговые значения этих показателей, что позволяет объективно оценивать риски и прогнозировать возможные негативные сценарии развития демографической ситуации, а также своевременно реагировать на возникающие проблемы и корректировать демографическую политику.

Глава 3 «Демографическая политика в государствах-членах Евразийского экономического союза» сосредотачивается на изучении государственной демографической политики стран-участниц ЕАЭС. Авторы показывают, что демографическая политика в этих странах, будучи составной частью общей государственной стратегии, основывается на общепринятых принципах и нормах международного права, закрепленных в международных договорах и соглашениях, включая Концепцию согласованной социальной и демографической политики государств-участников Содружества Независимых Государств. Однако, несмотря на общие принципы, авторы акцентируют внимание на существенных различиях в подходах к реализации демографической политики в разных странах Союза. Такие различия обусловлены, прежде всего, особенностями демографических процессов и проблем, с которыми сталкиваются отдельные государства. Например, страны с высокой рождаемостью могут фокусироваться на поддержке молодых семей, в то время как страны с низкой рождаемостью способны применять более широкий спектр мер, направленных на стимулирование рождаемости.

Авторы подробно исследуют современную демографическую политику, оценивая интенсивность различных направлений и комплекс мер, применяемых в рамках государственных и общественных программ. В этом контексте рассматриваются различные инструменты демографической политики: пособия, выплаты, ссуды, кредиты, налоговые льготы, льготы в сфере жилищного обеспечения, а также развитие системы социальных учреждений, направленных на поддержку семей и детей. Они

показывают, как эффективность данных инструментов зависит от конкретной социально-экономической обстановки в каждой стране, и что необходим индивидуальный подход к разработке демографической стратегии для каждого государства-члена ЕАЭС, учитывающий специфику его демографической ситуации. В итоге в монографии не только описывается текущее состояние в сфере демографии и демографической политики в ЕАЭС, но и предлагаются пути для улучшения демографической ситуации и укрепления демографического потенциала Союза в долгосрочной перспективе.

В главе 4 «Миграция в ЕАЭС и государствах-членах в контексте демографической безопасности Союза» разбирается сложный лабиринт правовых механизмов и подходов к управлению миграционными потоками, подчеркивается уникальность исторического, социального и экономического контекста каждого государства-участника. Это не просто констатация факта разнообразия, а глубокий анализ его влияния на формирование общей миграционной политики. Изучение миграционных процессов показывает, что «понятие и содержание миграции (эмиграции, иммиграции) во многом детерминировано конкретно-историческими условиями в совокупности с политическими, этническими, социально-экономическими и религиозными факторами» [5]. Констатируется, что «в последние десятилетия миграция населения стала одной из важных составляющих, определяющих процессы социально-экономического развития» [6] в странах ЕАЭС. При этом основное внимание межгосударственного сотрудничества сосредоточено на регулировании международной трудовой миграции. Однако работа над созданием единой законодательной базы в сфере миграции все еще находится в процессе формирования. Эта задача осложняется существенными различиями в экономических и демографических показателях, потенциале и ресурсах государств-членов.

В главе 5 «Миграционная политика ЕАЭС и государств-членов» отмечается необходимость гибкого подхода, учитывающего специфику каждой страны, при построении общей системы, избегания унификации, которая может оказаться неэффективной или даже вредной для некоторых участников Союза. Затрагиваются вопросы согласования интересов, компромиссов и поиска оптимальных решений, учитывающих как общие цели ЕАЭС, так и национальные особенности государств. Работа, безусловно, выходит за рамки простого перечисления фактов и представляет собой глубокий анализ многогранной проблемы миграции в рамках интеграционного объединения.

В главе 6 «Обеспечение продовольственной безопасности ЕАЭС» анализируется влияние глобализационных процессов на продовольственную безопасность, что представляет собой актуальную задачу в условиях нарастающей глобальной нестабильности. Авторы обосновывают необходимость создания международно-правового механизма, который бы гарантировал освобождение продуктов питания, удобрений и сырья для их производства от санкционных ограничений. Это крайне важный аспект, поскольку санкции могут существенно ухудшить продовольственную ситуацию в странах, зависимых от импорта; к тому же он подчеркивает необходимость свободы продовольственного рынка в международной торговле. В рамках данной части исследования предлагаются основы для проведения мониторинга продовольственной безопасности в государствах-членах ЕАЭС, что предполагает

разработку эффективной системы сбора и анализа данных, механизмов реагирования на потенциальные угрозы. Это не просто констатация проблемы, а предложение конкретных мер по ее решению.

В главе 7 «Практики общественных организаций Евразийского экономического союза по обеспечению демографической безопасности» дается оценка деятельности неправительственных организаций (НКО) в государствах-членах ЕАЭС в контексте обеспечения демографической безопасности, исследуется практическая деятельность НКО, причем основное внимание уделяется сохранению численности и благополучию коренного населения, что подчеркивает важность учета национально-культурных особенностей при решении демографических проблем. Кроме того, в главе констатируется существующее распределение усилий НКО и анализируется его эффективность, указывается на необходимость расширения деятельности в других направлениях или повышения координации между различными организациями для достижения значительно больших результатов. Данный аспект также требует дальнейшего исследования для определения роли гражданского общества в решении более широкого круга демографических вызовов.

В главе 8 «Демографические и миграционные аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС: эмпирическая оценка» приводятся результаты эмпирических исследований по следующим темам: социально-экономического благополучия и интеграции мигрантов из Армении в регионах Российской Федерации, социально-экономического потенциала возвратных мигрантов Кыргызстана в условиях евразийской интеграции, семейных ценностей и ролевых установок женщин-мигрантов из Центральной Азии. Анализ демографической и миграционной ситуаций в Евразийском экономическом союзе свидетельствует о наличии угроз демографической безопасности и требует проведения согласованной политики государств-членов в целях сохранения и преумножения демографического потенциала ЕАЭС. В основе такой политики может лежать концепция демографической безопасности, опирающаяся на документы ООН, МОТ, общепринятые принципы и нормы международного права и международных договоров, Концепцию согласованной социальной и демографической политики государств-участников Содружества Независимых Государств, одобренную решением Совета глав правительств СНГ от 18 октября 2011 г. Иными словами, евразийская интеграция играет особую роль и обладает определенной значимостью. Евразийский экономический союз сегодня – это эффективная, динамичная интеграционная структура.

В главе 9 «Институционально-правовые основы концепции демографической безопасности ЕАЭС» показано, что число документов стратегического планирования довольно многообразно, действует множество программ, концепций, стратегий и прочих документов, отражающих планы демографического развития государств. Вместе с тем в настоящее время не выработана единая унифицированная система таких актов, а рассматриваемые документы имеют разную степень приоритетности. В силу чего назрела необходимость в их исследовании. В главе также даны предложения по разработке Концепции демографической безопасности ЕАЭС. Отмечено, что «разработка концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза, безусловно, потребует принятия ряда нормативных документов, например Декларации о скоординированной политике государств-членов

Евразийского экономического союза в области демографической безопасности Евразийского экономического союза, объединения усилий ученых – социологов, экономистов, демографов, юристов».

Итак, подробный анализ каждой главы позволяет получить глубокое представление о вызовах и возможностях ЕАЭС в контексте глобализации и стремления к долгосрочной стабильности и процветанию.

Научный доклад логично выстроен, в нем последовательно проанализированы основные результаты 10-летнего функционирования Евразийского экономического союза на основе применения методов сравнения. Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечивается соответствием методологии исследования поставленной проблеме. В целом монография представляет собой ценный вклад в понимание сложных взаимосвязей между миграцией, интеграционными процессами, демографическим развитием, обеспечением продовольственной безопасности населения и устойчивым социально-экономическим развитием в рамках ЕАЭС. Она не только описывает существующую ситуацию, но и предлагает конкретные рекомендации по улучшению сотрудничества между государствами-членами Союза и повышению эффективности политики в этих важных сферах.

В ходе работы авторским коллективом были сформулированы важные выводы, среди которых можно выделить такие, как:

- во-первых, успех евразийской интеграции в значительной степени детерминирован социальными результатами ЕАЭС и уровнем поддержки населением интеграционных процессов;

- во-вторых, стимулирование процесса модернизации и межгосударственного взаимодействия в государствах-членах имеет решающее значение для будущего успеха экономического развития Союза;

- в-третьих, в экономической интеграции участвуют люди, и, следовательно, евразийская социально-культурная модель не может не быть частью интеграции;

- в-четвертых, укрепление солидарности, сотрудничества между народами при уважении их истории, культуры, традиций, гармоничном развитии и сближении стран, признаваемых основанием создания Союза, включение интеллектуального и духовного потенциала людей в интеграционные процессы требуют мониторинга социального, социокультурного, экономического и правового направления евразийской интеграции, обоснования методологии социального измерения ее результатов.

Основные результаты и выводы, полученные на основе формирования научных основ демографической безопасности государств-членов ЕАЭС в условиях влияния внешних угроз, глобальной конкуренции позволят повысить качество реализуемой миграционной политики, а также будут полезны научным работникам, представителям органов власти и всем интересующимся вопросами исследования и разработки Концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза.

Послесловие

В завершение мы хотели бы выразить благодарность всему авторскому коллективу за колоссальную работу, проделанную на столь высоком профессиональном уровне, и выразить признательность всем, кто помогал в издании книги в 2025 г.,

незадолго до наступления которого профессор Г. И. Осадчая самолично редактировала монографию и так спешила увидеть ее выход в свет... Уход из жизни выдающегося ученого в области социально-интеграционных процессов Г. И. Осадчей вызвал невосполнимую потерю для всего научного сообщества, в том числе и на просторах евразийского пространства. Невозможно описать ту печаль, которую испытывают люди, в сочетании со светлыми воспоминаниями из общения с этим замечательным Человеком и неординарным ученым. Наши общие предложения заключаются в том, чтобы научное наследие Галины Ивановны Осадчей не только сохранилось, но и продолжилось в трудах последователей ее учений и взглядов.

Настоящий научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» – заключительная часть наследия научного коллектива под руководством Г. И. Осадчей, но не последняя совместная работа ведущих ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, а также научного сообщества из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации и других стран, продолжающих дело Галины Ивановны во имя настоящей науки, во имя светлой памяти выдающегося ученого и просто хорошего Человека.

Список литературы

1. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС: [научный доклад] / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, М. Л. Вартанова [и др.]; под общ. ред. Г. И. Осадчей. Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). EDN [AXDMON](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
2. Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / Ш. И. Алиев, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова [и др.]. Москва: Издательство «Экон-Информ», 2023. 323 с. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). EDN [DBAGTR](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023).
3. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции» / С. В. Рязанцев, Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян [и др.]; под общ. ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Осадчей. Москва: Издательство «Экон-Информ», 2019. 135 с. ISBN 978-5-907233-00-3. EDN [UMOYTC](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-907233-00-3.2019).
4. Осадчая, Г. И. Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 46–59. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-46-59](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59). EDN [ATUSYW](https://dx.doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59).
5. Юдина, Т. Н. Совершенствование технологий социальной работы с трудовыми мигрантами / Т. Н. Юдина, М. Л. Вартанова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1 (35). С. 448–457. EDN [PZBPQR](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023).
6. Рязанцев, С. В. Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / С. В. Рязанцев, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). EDN [XOJKLU](https://dx.doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Вартанова Марина Львовна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.lvartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); РИНЦ SPIN-код: [5056-8858](https://elibrary.ru/5056-8858); Web of Science Researcher ID: [I-7641-2018](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724).

Омуралиев Нурбек Ашимканович, доктор социологических наук, профессор, заведующий Центром социальных исследований, Институт философии Национальной Академии наук Кыргызской Республики, президент Социологической Ассоциации Кыргызстана, Бишкек, Кыргызская Республика.

Контактная информация: e-mail: nurbekcsr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4279-4852](https://orcid.org/0000-0002-4279-4852).

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); РИНЦ SPIN-код: [4150-5328](https://elibrary.ru/authors/4150-5328); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/5-6912-2016); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/55962445600).

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; принята в печать 12.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EAEU

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Marina L. Vartanova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

Nurbek A. Omuraliev

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: nurbekcsr@mail.ru

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ioudinatn@mail.ru

For citation: Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L., Omuraliev, N. A., Yudina, T. N. Socio-Demographic Aspects of Integration Processes in the EAEU. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 197–207. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.12).

Abstract. Scientific report «Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. By the 10th anniversary of the EAEU», clearly testifies to the sufficient relevance of the study in connection with new trends in integration processes in the post-Soviet space, devoted to the study of the main trends in the demographic development of the Eurasian Economic Union, ensuring food security as a priority area of interstate cooperation, analyzing the practice of public organizations of the EAEU member states to ensure demographic security, assessing demographic and migration aspects of integration processes, the institutional and legal foundations of the demographic security of the EAEU and the results of Eurasian integration. The content of the scientific work corresponds to the trends of the time, since it reflects the authors' point of view on assessing the effectiveness of interstate cooperation and the implementation of strategic objectives for the sustainable development of the member States of the Eurasian Economic Union. It is noted that the economic union of five countries has brought many benefits and advantages in terms of facilitating and intensifying interstate trade opportunities, and the benefits from the functioning of the EAEU seem to be mutual for all member countries: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and the Russian Federation. And strengthening the potential against the background of rapidly changing geo-economic realities is seen by the authors in the further expansion of the Union's international activities. The scientific report makes a significant contribution to understanding the complex socio-economic, political and ethno-cultural aspects affecting the process of Eurasian integration and offers effective approaches to solving emerging problems. The presented results may be useful to supranational regulators of integration processes within the EAEU, as well as state and non-state institutions of the EAEU member states, and their application will increase the effectiveness of integration processes, contributing to the implementation of the tasks facing the Union, and stimulate further research

on integration in the context of Greater Eurasia. This report aroused a very lively interest among experts, received positive feedback and recognition from the scientific community. The necessity of conducting further research to study and solve a wide range of social, economic, and demographic problems is proved; the expediency of continuing further work is indicated, which consists in identifying opportunities for effective interaction between researchers and practitioners in the field of the EAEU and combining the joint efforts of analysts and practitioners working in the field of non-profit non-governmental organizations of Greater Eurasia.

Keywords: Greater Eurasia, the Eurasian Economic Union (EAEU), demographic security, demographic and social aspects, Institute for Demographic Research of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences, integration processes, concept of demographic security, international interaction, migration policy, scientific report, Scientific Council, cooperation, socio-economic development

References

1. *Integratsionnyye protsessy v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze: sotsial'no-demograficheskiye aspekty. K 10-letiyu YEAES [Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. On the 10th anniversary of the EAEU]: scientific report.* G. I. Osadchaya, O. A. Volkova, M. L. Vartanova [et al.]; Ed. by G. I. Osadchaya. Moscow: FCTAS RAS Publ., 2025. 383 p. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). (In Russ.).
2. *Migratsiya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskiye i sotsiologicheskiye aspekty [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects].* Sh. I. Aliev, M. L. Vartanova, O. A. Volkova [et al.]. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2023. 323 p. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). (In Russ.).
3. *Proyekt "Sotsial'no-politicheskoye izmereniye realizatsii protsessov yevraziyskoy integratsii" [The project «Socio-political dimension of the implementation of the processes of Eurasian integration»].* S. V. Ryazantsev, G. I. Osadchaya, G. A. Pogosyan [et al.]; Ed. by S. V. Ryazantsev, G. I. Osadchaya. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2019. 135 p. ISBN 978-5-907233-00-3. (In Russ.).
4. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L. Human Potential of Sustainable Development of the Eurasian Economic Union Countries: Change Dynamics and Demographic Security. *Management issues*. 2022. No. 3 (76). Pp. 46–59. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-46-59](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59). (In Russ.).
5. Yudina, T. N., Vartanova, M. L. Improved Technology Social Work with Migrant Workers. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2013. No. 1 (35). Pp. 448–457. (In Russ.).
6. Ryazantsev, S. V., Sydygalieva, B. A. New Trends in Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?href=SPIN%2F5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Marina L. Vartanova, Doctor of Economics, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI SPIN-code: [5056-8858](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?href=SPIN%2F5056-8858); Web of Science Researcher ID: [I-7641-2018](https://orcid.org/I-7641-2018); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/57224545877).

Nurbek A. Omuraliev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center for Social Research, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, President of the Sociological Association of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: nurbekcsr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4279-4852](https://orcid.org/0000-0002-4279-4852).

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI SPIN-code: [4150-5328](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?href=SPIN%2F4150-5328); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/S-6912-2016); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/55962445600).

Received on 21.03.2025; accepted for publication on 12.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК (категория K2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2025. Том 5, № 2. Дата выхода в свет: 30.06.2025.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2025. ТОМ 5. № 2

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru